

Вестник Московского университета

ISSN 2074-6636

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

*Основан
в 1946 году*

Серия 22

теория перевода

4/2020

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 22 ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА

№ 4 • 2020 • ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

Содержание

К 75-летию синхронного перевода

- Васина Е.А.* Высшее образование в период эпидемий — опыт преподавания синхронного перевода в условиях дистанционного режима обучения 3
- Зигмантович Д.С.* Устный синхронный перевод как особый вид речемыслительной деятельности: экспериментальное исследование 21
- Коровкина М.Е.* Наследие Г.В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований синхронного перевода 42
- Серкова С.Е.* Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык 55
- Шебаршина Д.Ю.* Устный синхронный перевод: оправданные и вынужденные трансформации и их влияние на качество перевода 63

Трансдисциплинарная наука о переводе

- Бойко Б.Л.* Военная лексика фронтовых сцен в общей картине войны (на материале рассказа Генриха Бёлля «Генерал стоял на холме...») 82
- Макарова О.С., Гончаров А.С.* Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа 96
- Мэн Ся, Маслихина С.И.* Психологические процессы переводческой деятельности в контексте разных направлений психологии 111
- Серикова А.В.* Эмоциональный интеллект в системе социальных ролей переводчика 123
- Кульпина В.Г., Татаринцов В.А.* Афоризмы-крылатизмы на все случаи жизни (о словаре крылатых выражений из мультфильмов) 138

Рецензии

- Красина Е.А.* Современные тенденции в отечественном переводоведении. Рецензия на монографию Мишкурова Э.Н., Новиковой М.Г. «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении». Москва: Флинта, 2020. 145

- Указатель статей и материалов**, опубликованных в журнале «Вестник Московского университета». Серия 22. Теория перевода за 2020 год 156

Contents

Celebrating the 75th anniversary of simultaneous interpreting

<i>Vasina Ye.A.</i> Higher education during epidemic: teaching simultaneous interpreting online	3
<i>Zigmantovich D.S.</i> Simultaneous interpreting as a special kind of speech and mental activity: an experimental study	21
<i>Korovkina M.Ye.</i> Gely V. Chernov's legacy for Russian and European research into simultaneous interpreting	42
<i>Serkova S.Ye.</i> Translation interference and speech errors made by students in simultaneous interpreting in the B → A language combination	55
<i>Shebarshina D.Yu.</i> Simultaneous interpreting: justified and forced transformations and their impact on the quality of interpreting	63

Transdisciplinary translation studies

<i>Boiko B.L.</i> Military vocabulary of frontline scenes in the general picture of war (based on the story by Heinrich Böll "The general stood on the hill...")	82
<i>Makarova O.S., Goncharov A.S.</i> Analysis of basic concepts and attractors of the Nart epic in the search for the historical and cultural path of development of the peoples of the North Caucasus.	96
<i>Meng Xia, Maslikhina S.I.</i> Psychological processes in translation practice: a case study of different psychological schools.	111
<i>Serikova A.V.</i> Emotional intelligence and the system of interpreters' social roles	123
<i>Kulpina V.G., Tatarinov V.A.</i> Popular expressions for every case of life: a case study of a dictionary of popular expressions from cartoons	138

Reviews

<i>Krasina Ye.A.</i> Modern trends in domestic translation studies: a review of the monograph by Mishkurov E.N. and Novikova M.G. "Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology." Moscow: Flinta, 2020	145
--	-----

Index of the articles and material published in the journal "Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda" in 2020	156
--	------------

К 75-ЛЕТИЮ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА

Е.А. Васина,

старший преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова; e-mail: katya.vasily@gmail.com

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД ЭПИДЕМИЙ — ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО РЕЖИМА ОБУЧЕНИЯ

Цифровые технологии становятся единственным инструментом, обеспечивающим бесперебойность процесса обучения при переходе на режим самоизоляции во время пандемий. С их помощью для занятий по синхронному переводу онлайн необходимо разработать новые способы выполнения заданий, гарантирующие хорошие результаты после завершения дистанционного семестра.

Ключевые слова: оптимизация высшего образования, дистанционное обучение, синхронный перевод, профессиональные компетенции, китайский язык.

О роли цифровых платформ и цифровых моделях высшего образования говорили многие и многое, но их реальное повседневное и повсеместное использование с распространением COVID-19 наступило неожиданно, не оставляя времени на обдумывание и подготовку. В 2020 году весенний онлайн-семестр, а также вполне ожидаемое продление дистанционного режима обучения вплоть до 2021 года, подтолкнули высшую школу к разработке и созданию новых моделей обучения, подходящих для изменившихся условий жизни общества.

Преподавание такой дисциплины как устный перевод и, в частности, занятия по синхронному переводу в комбинации китайского и русского языков в Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова проводятся все эти месяцы в дистанционном формате. Сейчас, когда процесс обучения уже налажен, можно сделать определённые выводы, которые подробно представлены ниже.

В начале статьи мы обозначили положительные стороны дистанционных занятий в целом и занятий по синхронному переводу

в частности. Затем вниманию читателя предлагается ряд методических разработок, описывающих способы выполнения заданий по синхронному переводу в режиме онлайн. В конце статьи демонстрируется развёрнутый план одного из дистанционных занятий по синхронному переводу в паре китайского и русского языков, состоявшегося в конце весеннего онлайн-семестра.

Итак, занятия в домашнем режиме через онлайн-платформы, на наш взгляд, имеют ряд преимуществ, способствующих оптимизации процесса обучения в целом и благотворно влияющих на обучение будущих переводчиков устному синхронному переводу.

Во-первых, наблюдается т.н. оптимизация распределения времени. Было замечено, что существенно сократились пропуски занятий. Вполне очевидно, что любому студенту стало легче не проспять пару, даже если она начинается через десять минут, труднее опоздать на занятие из-за пробок, сложнее придумать причину отсутствия в онлайн-классе.

Стоит отдельно подчеркнуть, что новые расширенные временные возможности имеют прямое отношение к будущей профессиональной деятельности. Как показывает практика, онлайн-конференции, где требуются услуги удалённого синхронного переводчика, в период пандемии стали весьма востребованными, и, по прогнозам, могут остаться одним из популярных форматов конференций и после прекращения эпидемии. Переводы в режиме онлайн нередко бывают на руку переводчику с плотным графиком заказов, поскольку высвобождают отрезки времени для подготовки к очередной онлайн-встрече без лишней траты сил и времени на дорогу, сборы и прочее.

Поэтому в рамках учебного процесса необходимо обратить на это внимание студентов, показав очевидные плюсы онлайн-переводов, стоит постепенно выработать у них привычку использовать отрезки свободного времени не на дополнительные двадцать минут сна до начала пары, а на поиск материалов и настрой на работу (как сейчас и бывает в жизни реального онлайн-синхрониста). Например, для имитации ситуации со срочным запросом на онлайн-синхрон можно предложить студентам в пределах заданного временного промежутка утром до начала занятий (обязательно не накануне вечером и не за несколько дней до занятий) найти и просмотреть сайт или иного предприятия, а потом во время занятия вместе с преподавателем проговорить основную информацию, способную дать краткое представление о возможном содержании речи генерального директора компании на очередном бизнес-форуме. Тренируя подобным образом двадцатиминутную

готовность, преподаватель не только знакомит студентов с реальными ситуациями из жизни синхронистов, но и вырабатывает у них навык вероятностного прогнозирования — многоуровневого механизма, лежащего в основе процесса восприятия речи синхронистом [Чернов, 1988: 67].

Во-вторых, в дистанционном режиме произошла т.н. оптимизация организации внешнего и эмоционально-личного пространств. Так, благодаря отсутствию лишних перемещений и посторонних шумов во время занятий — сократились длительные кофе-брейки (напиток всегда под рукой), не заглядывают посторонние лица во время занятий в аудиторию (мелькающие на заднем фоне родственники стараются не привлекать к себе внимание), нет раздражающих всю аудиторию срочных телефонных звонков (срочные звонки остаются за выключенной камерой и микрофоном в пространстве одного студента) — полуторачасовые занятия стали информативно плотнее, а внимание студентов более собранным. Причём стоит отметить, что увеличение информативно-смысловой нагрузки на одно занятие теперь не воспринимается студентами как интеллектуальный и психологический перегруз, как это нередко ощущалось в режиме офлайн. Мы предполагаем, что информативно плотные занятия стали приемлемой для студента формой подачи материала благодаря уменьшению внешних возбудителей и раздражителей внимания студента, в силу более спокойной обстановки занятия.

Радостно отметить, что к активной работе подключились даже те студенты, которых сложно было пригласить к постоянному участию в живом формате. Предположительно, это связано с тем, что те студенты, которым довольно трудно эмоционально справиться со своими временными неудачами на фоне более целеустремлённых сокурсников, в пространстве собственной комнаты или письменного стола гораздо лучше контролируют своё психологическое состояние и тем самым могут добиваться весьма успешных результатов и в интеллектуальной деятельности.

В-третьих, появились дополнительные возможности для персонализированного подхода, о важности которого для системы образования в последнее время нередко говорят¹, и применить который в обучении устному переводу стало удобнее именно благодаря дистанционному формату.

Как известно, рамки аудиторных занятий чаще всего ограничивают прямой контакт отдельного ученика с учителем, поскольку накладываются такие внешние обстоятельства, как расписание

¹ URL: <https://tass.ru/business-officials/8827375>

занятий (необходимо покинуть аудиторию до начала другой пары, отпустить студента на короткую перемену), присутствие посторонних лиц (далеко не каждый студент готов обсудить свои удачи и неудачи при свидетелях, пусть даже и одногруппников), отсутствие климат-контроля в нагретой или, наоборот, остывшей аудитории и многие другие внешние и внутренние факторы.

Как было замечено, занятия в режиме онлайн высвобождают дополнительное время, силы и, как следствие, желание как у преподавателя, так и у студента, для индивидуальных консультаций. Например, обеим сторонам стало легче найти свободный промежуток времени для обсуждения тех или иных учебных вопросов в оговорённое время с помощью интернет-связи. К тому же, в онлайн-формате появилась уникальная возможность как временно «отключиться» от большой аудитории для разговора с конкретным учеником, так и задержать того или иного студента после занятия на несколько минут (что в реальном времени удавалось редко, поскольку в аудиторных занятиях личное время гораздо дороже).

Таким образом, мы предполагаем, что персонализация процесса высшего образования за счёт его постепенной цифровизации создаёт уникальные возможности для совмещения индивидуального и коллективного подходов в общении между студентами и преподавателями, поскольку совместная работа с группой студентов не отменяет теперь и удобные формы индивидуальной связи учителя и ученика в режиме реально-виртуального времени и в рамках реально-виртуального пространства.

В-четвертых, в режиме онлайн появились дополнительные возможности для контроля за качеством и динамикой звука, что крайне важно в преподавании устного перевода.

Звук поступает через персональный компьютер, планшет или смартфон от преподавателя к студенту и от студента к преподавателю (желательно использовать наушники), делая звуковое сопровождение учебной конференции более ясным, лишённым посторонних шумов, что помогает студенту легче понять речь выступающего. А ведь именно хорошие условия для восприятия на слух сообщаемого являются залогом успешного выполнения любого переводческого акта. По словам Р.К. Миньяр-Белоручева, «приём переводчиком исходного сообщения для последующей передачи его адресату в перекодированном виде сводится фактически к восприятию и пониманию устной речи» [Миньяр-Белоручев, 1969: 30].

Стоит отдельно обратить внимание на тот факт, что на онлайн-конференциях 2020 года у синхронистов нередко возникали

технические сбои (например, проблемы с интернет-связью из-за непогоды), но услуги техников в силу домашней изоляции оказывались недоступными. Поэтому мы считаем, что сейчас возникла необходимость тренировать со студентами готовность к форс-мажорным обстоятельствам, стоит время от времени обсуждать с ними, как можно самостоятельно решать такие непредвиденные рабочие моменты, как неожиданное отсутствие звука, плохой звук, шумы и помехи, или когда абонент-напарник оказывается вне зоны доступа сети.

И, наконец, весьма существенным плюсом онлайн-занятий по синхронному переводу стоит назвать сокращение издержек на обеспечение преподавания синхронного перевода.

Так, для работы в аудиториях необходимо установить специальное оборудование (например, установка многофункциональной системы SanaGo, кабинок для синхрониста, оборудование рабочего места студента и преподавателя с помощью специальных пультов управления). Как известно, любая техника со временем и в силу её постоянного использования изнашивается и нуждается в ремонте. Сама по себе установка соответствующего оборудования является дорогостоящей, равно как и его ремонт, что требует весьма чувствительных финансовых вложений от факультетов перевода.

В онлайн-формате требования к техническому оснащению процесса обучения переводу минимальны: тихий уголок дома и компьютерное «обмундирование»: телефон и/или диктофон (для записи перевода и её дальнейшего анализа) и любое компьютерное устройство. Иногда студенты обходятся единственным устройством в рамках занятий (например, выходят на связь и работают через телефон), но здесь лучше рекомендовать иметь как минимум два гаджета, поскольку гораздо удобнее и быстрее записывать собственный перевод с помощью второго дополнительного устройства.

Важно подчеркнуть необходимость введения подобных минимальных по техническому оснащению занятий в практику преподавания не только в силу финансовых преимуществ, но и в связи с тем, что такой минимальный пакет технического обеспечения переводчика становится всё более популярным на реальном рынке переводческих услуг. Неблагополучная эпидемиологическая обстановка в мире научила заказчиков и исполнителей обходиться теми сервисами, которые предоставляют онлайн-платформы, когда кабинкой синхрониста становится его личное пространство в доме, а удобные пульта для переключения языка и напарника заменены

монитором компьютера и перепиской в мессенджерах. Поэтому, если во время учебного процесса не уделять достаточного внимания подготовке обучаемых к новым изменившимся реалиям конференциального перевода, то студент, как только в будущем попадёт из удобно оснащённого аудиторного пространства в неидеальный мир работающего с перебойми интернета на настоящем онлайн-заказе, может плохо справиться с работой.

Что касается преподавания устного синхронного перевода, то традиционные способы выполнения переводческих заданий в соответствии с учебными программами по устному синхронному переводу рассчитаны в первую очередь на аудиторные занятия, и вполне очевидно, что в условиях дистанционного обучения потребовался ряд преобразований как минимум в способах подачи материала.

Ниже мы предлагаем обсудить, как в новых условиях жизни общества с учётом современных технологических возможностей способствовать формированию профессиональных компетенций будущих синхронных переводчиков. Отметим, что мы не ставили перед собой задачу предложить новые переводческие упражнения с точки зрения их содержания — здесь мы руководствуемся опытом таких видных учёных и практиков перевода, как Р.К. Миньяр-Белоручев, А.Ф. Ширяев, Л. Виссон, Чжао Вэй и многих других великих учителей синхронного перевода. Наша задача заключалась в апробации новых форм проведения занятий по синхронному переводу на основе использования интернет-технологий, что в развёрнутом виде представлено ниже.

Задания по синхронному переводу в виртуальной аудитории имеют следующие возможные способы выполнения:

1. Учебный синхронный перевод осуществляется в реальном времени на интернет-платформе Zoom (бесплатная версия). Преподавателем ставится видео или аудиозапись выступления, каждый студент с выключенным на платформе микрофоном самостоятельно осуществляет синхронный перевод звучащего выступления, при этом с помощью личных диктофонных устройств записывает свой перевод и после выполнения задания отправляет запись перевода на почту/чат преподавателю.

Плюсы такого способа выполнения задания:

Во-первых, как показала практика, студенты стали гораздо чаще, чем в аудиторном формате, прослушивать записи своих переводов, вероятно в силу того, что записи делаются на собственный диктофон, а не скидываются на общую флешку или почту. Это помогает не только преподавателю, но и самому студенту, оценивать

и корректировать переводы, более осознанно подходить к каждому следующему переводческому заданию.

Во-вторых, это более удобный формат для систематизации записей преподавателем, поскольку студенты сами и под определённой датой отправляют их на почту, что позволяет преподавателю не только отслеживать срок выполнения задания (поскольку автоматически фиксируется затраченное на выполнение задания время), но и сортировать полученный материал, а в дальнейшем осуществлять более простой и удобный поиск учебных переводов в папках.

Минусы такого способа выполнения задания: в бесплатной версии Zoom преподаватель не может поочерёдно в реальном времени слушать синхронные переводы студентов и вынужден ждать появления диктофонных записей на почте. Это лишает его возможности давать рекомендации сразу после выполнения задания, а также требует найти оптимальные способы обратной связи после проверки (например, отправлять студентам голосовое сообщение с комментариями по переводу), чтобы на следующем занятии не отнимать много времени для обсуждения предыдущего урока.

2. Учебный синхронный перевод осуществляется в реальном времени на интернет-платформе Zoom (бесплатная версия). Преподавателем ставится видео или аудиозапись выступления, при этом синхронный перевод в прямом эфире с помощью одного включённого микрофона выполняет только один студент, тогда как остальные студенты слушают его или её перевод и готовятся подхватить в оговорённое время.

Плюсы такого способа выполнения задания:

Во-первых, у преподавателя появляется возможность в режиме онлайн прослушать и прокомментировать перевод того или иного студента.

Во-вторых, студенты, находящиеся в т.н. зале ожидания, учатся слушать перевод будущего напарника, одновременно фиксируя для себя, как и когда можно было бы помочь и подсказать напарнику, а также выстраивая для себя логическую канву текста сообщения, чтобы в дальнейшем легче было перехватить перевод.

В-третьих, студенты осваивают новый формат связи в мессенджерах, крайне необходимый в онлайн-конференциях. Имеется в виду, что студенты должны без участия преподавателя научиться перехватывать работу напарника без остановки синхронного перевода, а для этого необходимо использовать дополнительные средства связи типа WhatsApp или WeChat. Поэтому обучаемым

приходится помимо выполнения собственно синхронного перевода одновременно следить за общим чатом, где после сообщения «смените меня, пожалуйста» вступает следующий желающий со словами «давайте я».

Почему этому важно научить студентов? Как показывает опыт, в условиях пандемии многие форумы и встречи проходили на платформах типа Zoom, которые, хотя и позволяют осуществлять синхронный перевод с языка на язык, однако всё ещё не совершенны. Одним из минусов является отсутствие возможности передать слово напарнику без использования третьих средств связи, например, телефона, из-за чего синхронисты вынуждены договариваться между собой в чатах о смене переводчика. Поэтому представляется необходимым освоить данный усложнённый формат связи и на занятиях по синхронному переводу, поскольку в будущем выпускникам придётся с ним столкнуться.

Минусы такого способа выполнения задания:

Во-первых, возможность воспринимать запись выступления адресно через наушники есть только у переводящего в данный момент студента, тогда как всем остальным приходится слушать перевод на фоне звучащей аудио или видеозаписи выступления, то есть слушать одновременно и выступающего, и переводчика. Однако, хотя это и увеличивает интеллектуальную и психологическую нагрузку как на анализирующего перевод преподавателя, так и на внимательных сокурсников, но в то же время приносит определенную учебную пользу, позволяя обучаемым сравнить оригинал с переводом.

Во-вторых, сидящие в т.н. зале ожидания студенты не могут активно участвовать в уроке, поскольку не выполняют синхронный перевод до наступления своей очереди. Правда, здесь также есть решение вопроса: помимо указанных выше вариантов активного сидения в зале, можно попросить студентов выполнять синхронный перевод с выключенными микрофонами во время переводов других студентов (можно записывать себя на диктофон для дальнейшего самоанализа). Но при этом необходимо тщательно отслеживать своё состояние, чтобы к моменту наступления очереди не накопилась усталость и синхронный перевод в эфире не стал провальным.

3. Учебный синхронный перевод осуществляется в реальном времени на интернет-платформе Zoom (бесплатная версия). Преподавателем отправляется на общую почту видео или аудиозапись выступления, студенты открывают её у себя на компьютере и все вместе с выключенными микрофонами через наушники начинают

переводить, при этом один из студентов по вызову преподавателя переводит на самой платформе.

Плюсы такого способа выполнения задания:

Во-первых, все студенты одновременно задействованы в работе.

Во-вторых, преподаватель имеет возможность слушать перевод студента в реальном времени и делать пометки.

В-третьих, идёт только синхронный перевод без фоновой записи оригинала, поскольку каждый из студентов имеет персональный доступ к записи.

Минусы такого способа выполнения задания:

Преподавателю придётся потратить дополнительное время на организацию учебного процесса — потребуется контролировать одновременное включение аудио/видеозаписи и начало перевода всеми студентами на своих устройствах (можно попробовать осуществлять это с помощью обратного отсчёта наподобие «три, два, один — поехали!»), а также придумать удобные способы выхода на связь со студентом при наступлении его или её очереди переводить (здесь можно посоветовать преподавателю иметь контакты каждого студента и вызывать его звонком или сообщением). Также для дальнейшего анализа переводов всех студентов необходимо собирать записи выполненного задания, поэтому вначале приходится постоянно напоминать о необходимости включить диктофон.

4. Учебный синхронный перевод осуществляется в реальном времени на интернет-платформе Zoom (платная конференц-версия). Данная версия платформы позволяет организовывать отдельные залы для работы двух-трех синхронистов (студентов), количество залов не ограничено; организатор конференции (преподаватель) может попеременно входить в данные залы для прослушивания синхронного перевода в режиме реального времени, тем самым не оставляя без внимания студентов в процессе виртуальной аудиторной работы.

Плюсы таких дополнительных функций платного интернет-сервиса очевидны, поскольку максимально приближают процесс обучения к «докоронавирусному», когда отклик со стороны преподавателя по завершении аудиторных синхронных переводов был моментальным. Однако использование любых интернет-платформ с функциональной поддержкой для синхронных переводов является дорогостоящей услугой, как для образовательных структур, так и для переводческих агентств, и поэтому такие сервисы пока находятся в стадии внедрения в учебный и рыночный процессы.

Итак, выше были перечислены возможные способы выполнения учебного синхронного перевода в дистанционном режиме. Ниже мы предлагаем рассмотреть ещё несколько дополнительных видов заданий по синхронному переводу, которые могут быть также применены для работы в онлайн-аудитории. Два первых типа задания рассчитаны на выполнение в виртуальном классе, а последний тип задания на домашние виртуальные тренировки.

Задания в виртуальном классе включают в себя разгрузочный и интенсивный варианты учебного конференциального перевода.

Было замечено, что в виртуальном образовательном пространстве занятия по синхронному переводу во второй половине дня намного более утомительны, чем в мире живого аудиторного общения. Разгрузочный вариант рассчитан именно на то время виртуального занятия и общее состояние студентов, когда требуется отдых и восстановление сил, но внимание ещё приходится концентрировать на работе. Поэтому для т.н. разгрузки студентам на протяжении виртуального семестра предлагалось выполнить небольшой синхронный перевод с опорой на уже переведённый текст выступления — письменный перевод мог быть как выполнен всей группой заранее, так и найден в интернет-пространстве (такой поиск несложен, поскольку чаще всего для подобных заданий предлагалось выполнить перевод лидеров компартии КНР, а их выступления нередко переводятся на различные языки и публикуются в открытом доступе). Опора на знакомый текст и домашняя обстановка давали возможность студентам продуктивно продолжать занятие, снималось напряжение длинного учебного дня, что позволяло после завершения данного вида переводческого задания подключать и новые упражнения. Способы его выполнения могут быть любыми из перечисленных ранее.

Интенсивный вариант учебного конференциального перевода представляет собой имитацию в учебном пространстве довольно непростого вида устного перевода, а именно перевода-реле (перевод с языка А на язык С посредством языка В), и рассчитан на продвинутый этап обучения. Данный вид синхронного перевода чрезвычайно востребован на современном рынке переводческих услуг, в связи с чем требует активного внедрения в процесс обучения несмотря на то, что он объективно трудоёмок и психологически сложен для выполнения даже на завершающем этапе обучения синхронному переводу. Особенности сложности возникают и ввиду того, что для дистанционной практики такого вида синхронного перевода приходится продумывать свои уникальные способы его выполнения «из дома».

Как можно тренировать реле в онлайн-режиме? В качестве примера приведём один из вариантов тренировок условного синхронного перевода-реле, без использования третьего языка (подобная модель применима и для тренировок реального реле с языками А, В, С, что в процессе обучения на переводческих факультетах вполне осуществимо, поскольку подготовка будущих переводчиков предполагает освоение как минимум двух иностранных языков). Преподаватель высылает запись выступления, например, на китайском языке одному из студентов, тот, в свою очередь, включает её на компьютере, слушает через наушники и синхронно переводит на русский язык в виртуальный зал, в котором сидят его сокурсники. Находящиеся в зале студенты, как только услышат перевод «напарника», начинают переводить его обратно на китайский язык, при этом микрофоны на их интернет-платформах выключены, но идёт диктофонная запись перевода; последняя после выполнения задания отправляется преподавателю, а также обязательно прослушивается самостоятельно.

Следующим видом переводческих заданий является организованная на регулярной основе самостоятельная работа студентов по подготовке небольших синхронных переводов. Такая работа доказала свою эффективность за три с половиной месяца обучения в удалённом формате. Условно данный тип задания мы называем домашними синхронными пятиминутками. Выглядит он следующим образом:

В качестве самостоятельной работы сроком примерно на неделю студенту предлагалось выполнить синхронный перевод с записью на диктофон сравнительно небольшого выступления того или иного спикера. Мы начинали с коротких выступлений, время звучания которых не превышало четырёх минут, постепенно увеличивая время звучания до восьми минут. Желательно, чтобы текст переводимого сообщения был лаконичным, логически завершённым (например, вопрос/ответ на пресс-конференции), а также не был чрезмерно информативно плотным — в противном случае студенту понадобится провести довольно кропотливую подготовительную к переводу работу, и у него может появиться ощущение интеллектуально-психологического перегруза, а это в режиме самоизоляции с щемящим чувством оторванности от реальности крайне нежелательно. Также при небольших объёмах задания у студента появлялся азарт и внутренняя мотивация, благодаря которым он стремился выполнить домашнее задание полностью.

Наша подборка мини-выступлений соответствовала конкретной мировой обстановке — в условиях эпидемии коронавируса на

официальных государственных интернет-порталах КНР² появилось довольно много небольших видеовыступлений политологов, экономистов, учёных, госслужащих, которые в довольно свободной форме делали четырёх-пятиминутные заявления по самым различным темам и областям, так или иначе затронутых эпидемией. Как показала практика, подобные пятиминутки пользовались популярностью даже у нерадивых студентов, что благотворно повлияло на общее состояние группы и процесс обучения в нелёгкий период.

Подводя некоторый итог вышесказанному, мы предлагаем рассмотреть одно из интенсивных занятий по синхронному переводу, проведённого на платформе Zoom (бесплатная версия) в конце весеннего семестра 2020 года.

Занятие было условно разделено на две части по сорок минут (согласно возможностям бесплатной версии Zoom, но время для каждой из частей может быть увеличено или, наоборот, уменьшено на усмотрение преподавателя) с десятиминутным перерывом. Первая часть занятия предполагает активную переводческую работу, тогда как во второй части с учётом накопления интеллектуальной и психологической усталости практикуются менее интенсивные виды переводческих заданий. Также считаем необходимым постоянно чередовать языковое направление перевода, что и было сделано на занятии.

Первая часть онлайн-занятия (50 минут):

1. Краткий анализ домашних переводов. Время на выполнение задания — 7 минут (отводится примерно 1 минута на 1 студента).

В начале занятия состоялось обсуждение с преподавателем т.н. домашних синхронных пятиминуток с китайского на русский (тема «70-летие образования КНР — реформы и достижения в области высшего образования»³). Были разобраны наиболее витиеватые места, как с точки зрения смысла (в силу наличия в тексте китайских реалий), так с точки зрения логической структуры и синтаксического развёртывания текста сообщения. Отмечены сильные и слабые стороны каждого из студентов-переводчиков.

2. Подготовительный синхронный перевод с русского на китайский по знакомой тематике.

Время на выполнение задания с последующим обсуждением — 13 минут.

Преподаватель по близкой к домашним переводам тематике на основе ранее изученного лексического глоссария произносит

² URL: http://www.china.com.cn/zhibo/node_7030498.htm

³ URL: http://fangtan.china.com.cn/2019-10/01/content_75264689.htm

небольшую речь на русском языке, тогда как синхронисты-студенты его тут же синхронно переводят (в данном конкретном случае выступление преподавателя было связано с влиянием COVID-19 на образовательные процессы в вузах КНР и РФ). При этом преподаватель старается строить информативно неплотный текст, изобилующий смысловыми повторами, с использованием удобных синтаксических конструкций и понятными логическими переходами. Перед началом выполнения задания преподаватель напоминает студентам о необходимости диктофонной записи переводов для дальнейшего анализа. После выполнения задания предполагается небольшое совместное обсуждение личных ощущений от перевода — что показалось лёгким или, наоборот, сложным в процессе перевода, справились ли с подачей, дрожал ли голос и т.д. В конце отводится две минуты на отдых и воду, перезагружается платформа.

3. Основной синхронный перевод с китайского на русский по заранее изученным материалам.

Время на выполнение задания с последующим обсуждением — 30 минут.

На двадцатой минуте занятия студенты находятся на пике своих синхронных возможностей, поэтому здесь они выполняют наиболее сложный тип задания, а именно: собственно синхронный перевод неадаптированного текста сообщения на иностранном языке.

Стоит отметить, что для студентов предусмотрены и облегчающие их участь обстоятельства, а именно: а) материал был выслан заранее для ознакомления; б) студенты договорились между собой, кто, за кем и сколько переводит, тем самым каждый из них переводил сравнительно короткий отрезок звучащего выступления (не более трёх-четырёх минут).

Задание звучит следующим образом: выполните с помощью онлайн-платформы Zoom синхронный перевод с китайского на русский фрагмента онлайн-форума СМИ и аналитических центров Китая и России от 27 мая 2020 года⁴, чередуясь с напарником в заранее оговорённой последовательности и/или с помощью общего чата.

Поскольку перевод звучит в эфире и его слышат все присутствующие в виртуальном зале, то после его выполнения приветствуется активное участие всех переводчиков в обсуждении результатов. Комментарии по работе напарников оставляют сами студенты, преподаватель подводит общий итог по результатам совместного обсуждения.

⁴ URL: http://www.china.com.cn/zhibo/content_76084474.htm

Перерыв (10 минут)

После первой интенсивной части занятия следует десятиминутный перерыв.

Вторая часть занятия (30 минут):

1. Перевод с листа с русского на русский и с русского на китайский.

Время на выполнение задания — 20 минут.

После интенсивных синхронных переводов необходимо дать возможность студентам отдохнуть с пользой, и здесь поможет такое упражнение, как обучающий перевод с листа.

Задание звучит следующим образом: проанализируйте фрагмент текста выступления президента РФ В.В. Путина на Международном форуме сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» от 26 апреля 2019 года⁵, сделав вслух т.н. перевод с русского на русский, затем выполните перевод с листа на китайский язык (текст либо демонстрируется на экране с помощью платформы, либо студентам отправляется интернет-ссылка).

Под т.н. переводом с русского на русский мы подразумеваем работу с логической структурой фразы, умение студентов видеть за густым лесом сложных фраз и непонятных слов отдельные деревья простых смыслов. Добиться этого довольно нелегко, поэтому на любом этапе обучения устному переводу полезно делать упражнения на конверсию, упрощение, членение, семантическое развёртывание и т.д. Для овладения мастерством синхронного перевода данный навык является необходимым условием успеха, поэтому на его тренировку необходимо отводить достаточное время. Стоит особо отметить, что онлайн-платформа позволяет преподавателю при необходимости выделять на экране информационные блоки текста сообщения, тем самым направляя перевод студента в правильное русло, а также в общем чате во время перевода отправлять замечания, которые в письменном виде лучше воспринимаются.

Пример работы студента в рамках данного типа задания:

Отрывок из оригинального текста:

Важно выработать эффективный ответ на риски фрагментации глобального политического, экономического и технологического пространства, на рост протекционизма, наиболее опасной формой которого являются часто используемые в настоящее время нелегитимные, предпринимаемые в обход Совета Безопасности ООН односторонние ограничения или, хуже того, торговые войны.

⁵ URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378>

Вариант т.н. перевода с русского на русский (работа с логической структурой сообщения):

а) *сейчас мировая политика, экономика и технологии сталкиваются с рисками и вызовами фрагментации // в политике и экономике постоянно принимаются односторонние решения;*

б) *протекционизм растёт // появляются различные формы протекционизма;*

в) *односторонние санкции и торговые войны — один из опасных видов протекционизма;*

г) *они нарушают правила и принципы Совета Безопасности ООН;*

д) *мы должны эффективно реагировать на эти вызовы.*

Вариант перевода на китайский язык:

整个世界正在面对诸多政治、经济、技术发展的碎片化风险和挑战，保护主义的各种形式此起彼伏（不断扩大），（一些国家的）单边制裁、贸易摩擦（甚至贸易战）违反（以及公然无视）联合国安理会的规定，大家需要采取有效的措施以及控制这种趋势。

2. Заключительный синхронный перевод с опорой на заранее переведённый текст (с китайского на русский).

Время на выполнение задания — 10 минут.

Данное задание относится к разгрузочному типу заданий по удалённому синхронному переводу (см. выше).

Студентам предлагается на платформе Zoom с выключенными микрофонами осуществить последний синхронный перевод с опорой на заранее переведённый письменный текст речи (при этом текст перевода уже адаптирован именно под синхронный перевод).

Разгрузочное задание может звучать следующим образом: выполните на онлайн-платформе синхронный перевод с опорой на переведённый ранее письменный текст отрывка выступления председателя КНР Си Цзиньпина на Международном форуме сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь» от 27 апреля 2019 года⁶, при этом старайтесь быть спокойными, дышите ровно, не напрягайтесь, помните, что вы уже полностью готовы к переводу, знаете текст и не встретите незнакомые и трудные для понимания фразы.

Домашнее задание

В целях оптимизации времени, отпущенного на одно занятие, и из уважения личного права на отдых после окончания полуторачасовой онлайн-пары домашние задания также можно объяснить удалённо, с помощью цифровых возможностей. Для этого

⁶ URL: http://www.china.com.cn/zhibo/content_74725932.htm

все ссылки на необходимые материалы для домашней подготовки отправляются на общую почту, при этом объяснение задания в обязательном порядке подкрепляется подробным голосовым сообщением в групповом чате.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что постоянный поиск новых решений в онлайн-преподавании таких сложных дисциплин, как синхронный перевод, гарантирует результативность и обеспечивает освоение требуемых компетенций даже во время непростого периода жизни общества.

Список литературы

Виссон Линн. Практикум по синхронному переводу с русского языка на английский. М.: Р. Валент, 2002.

Греф Г. Я — игрок вдолгую // Спецпроект ТАСС [Электронный ресурс], 2020. Режим доступа: <https://tass.ru/business-officials/8827375>

Миньяр-Белоручев Р.К. Методика обучения переводу на слух. М.: ИМО, 1959.

Миньяр-Белоручев Р.К. Последовательный перевод. Теория и методы обучения. М.:1969.

Миньяр-Белоручев Р.К. Теория и методы перевода. М.: Московский лицей, 1996.

Путин В.В. Выступление на Международном форуме сотрудничества «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс], 2019. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378>

Си Цзиньпин. Выступление на Международном форуме сотрудничества «Один пояс, один путь» [Электронный ресурс], 2019. Режим доступа: http://www.china.com.cn/zhibo/content_74725932.htm

Чернов Г.В. Функциональная система синхронного перевода как вида коммуникативно-речевой деятельности // Методы сопоставительного изучения языков. М.: Наука, 1988.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: URSS, 2016.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1979.

Чжун Бинлин. Выступление на тему «70-летие образования КНР — реформы и достижения в области высшего образования» [Электронный ресурс] / Чжун Бинлин, 2019. Режим доступа: http://fangtan.china.com.cn/2019-10/01/content_75264689.htm

林超伦, 实战同传: 英汉互译 / 林超伦著. 北京: 中译出版社, 2012 (in Chinese).

赵为, 汉俄双语同声传译的某些特点及教学对策 // 俄语教学与研究论丛, 第16辑. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2010 (in Chinese).

Yekaterina A. Vasina,

Senior lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: katya.vasiliy@gmail.com

HIGHER EDUCATION DURING EPIDEMIC: TEACHING SIMULTANEOUS INTERPRETING ONLINE

Digital technologies can become a unique instrument in the process of learning under the conditions of pandemic-caused social distancing. Teachers should use such technologies in their simultaneous interpreting classes while finding new ways and methods of teaching to guarantee good exam results at the end of an online term.

Key words: optimization of higher education, distance learning, simultaneous interpretation, professional competence, Chinese language.

Referense

Chernov G.V. Funkcionalnaya sistema sinchronnogo perevoda kak vida kommunikativno-rechevoy deyatel'nosti. Metody sopostavitelnogo izucheniya yazykov [Functional system of simultaneous interpretation]. Moscow: Nauka, 1988 (In Russian).

Chernov G.V. Teoriya i praktika synchronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpretation]. Moscow: URSS, 2016 (In Russian).

Greph G. I am a deep game player. TASS special project [Electronic version], 2020. URL: <https://tass.ru/business-officials/8827375> (In Russian).

Minyar-Beloruhev R.K. Metodika obucheniya perevodu na sluh [Oral interpretation training methods]. Moscow: IMO, 1959 (In Russian).

Minyar-Beloruhev, R.K. Posledovatel'nyy perevod. Teoriya i metody obucheniya [Theory and methods of teaching interpretation]. Moscow: 1969 (In Russian).

Minyar-Beloruhev R.K. Teoriya i metody perevoda [Theory and practice of translation and interpretation]. Moscow: Moskovskiy licey, 1996 (In Russian).

Putin V. Speech at Belt and Road summit [Electronic version], 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60378> (In Russian).

Visson Lynn. Practicum po sinkhronnomu perevodu s russkogo yazyka na angliyskiy [Russian-Chinese simultaneous interpretation training]. Moscow: R. Valent, 2002 (In Russian).

Shiriaevo A.F. Sinhronniy perevod. Deyatel'nost synhronnogo perevodchika I metodika prepodavaniya synhronnogo perevoda [Simultaneous interpretation. Simultaneous interpreter performance and training methods]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo ministerstva oborony SSSR, 1979 (In Russian).

Xi Jinping. Speech at Belt and Road summit [Electronic version], 2019. URL: http://www.china.com.cn/zhibo/content_74725932.htm (In Russian).

Zhong Binlin. Speech on 70-th anniversary of People's Republic of China — new reforms and records in higher education [Electronic version], 2019. URL: http://fangtan.china.com.cn/2019-10/01/content_75264689.htm

林超伦, 实战同传: 英汉互译 / 林超伦著. 北京: 中译出版社, 2012 (In Chinese).

赵为, 汉俄双语同声传译的某些特点及教学对策 // 俄语教学与研究论丛, 第16辑. 哈尔滨: 黑龙江大学出版社, 2010 (In Chinese).

Д.С. Зигмантович,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова; e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

УСТНЫЙ СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД КАК ОСОБЫЙ ВИД РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Устный синхронный перевод, будучи сложным видом когнитивной деятельности, часто становился и до сих пор является объектом различных экспериментальных исследований. Основной целью проведения таких экспериментов в разное время становилось раскрытие и последующее описание механизмов этого комплексного психологического и коммуникативного процесса, его моделирование, а также осознание тех стратегий, которые применяются устными синхронными переводчиками для обеспечения качественного перевода. В настоящей статье описываются основные результаты эксперимента, проведённого в стенах Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Целью данного экспериментального исследования является доказательство того, что участники политического дискурса оказывают существенное влияние на процесс и результат синхронного перевода. Это, в свою очередь, диктует необходимость разработки критериев для осуществления отбора материала при подготовке будущих профессиональных переводчиков и проведения их тренинга.

Ключевые слова: устный синхронный перевод, практика устного перевода, ораторский портрет, типология политических выступлений.

Услугами устных синхронных переводчиков сегодня активно пользуются для обеспечения взаимопонимания между разноязычными участниками тех или иных мероприятий на различных уровнях и в различных отраслях. В связи с этим встаёт вопрос об осуществлении качественной подготовки соответствующих квалифицированных кадров.

Образовательный процесс подразумевает разработку системы критериев для осуществления отбора текстов для обучения синхронному переводу (начальный этап — формирование навыков), отработки соответствующих навыков (более продвинутый уровень) и проведения интенсивного тренинга. К сожалению,

проведение экспериментов и теоретизация синхронного перевода носят в современной науке о переводе редкий характер (в отличие от советской научной школы) [Гарбовский, 2015: 13]. Именно по этой причине изучение механизмов и стратегий, используемых политическими ораторами, как и проведение экспериментов представляют собой несомненный интерес и значимость для совершенствования дидактики и, как следствие, практики устного синхронного перевода.

В 2019 году в Высшей школе перевода (факультет) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова был проведён эксперимент. Мы преследовали сразу несколько целей:

1) доказать, что подача материала ораторами на устный синхронный перевод осуществляется по-разному, что оказывает существенное влияние на процесс и результат работы синхронных переводчиков (с точки зрения облегчения/усложнения, достижения успеха/неудачи);

2) доказать, что речи, с которыми выступают ораторы на различных мероприятиях, отличаются по ряду критериев, что влияет на уровень (или степень) их переводимости с точки зрения полноты передачи материала с одного языка на другой;

3) доказать, что не все речи одинаково поддаются обработке в процессе осуществления устного синхронного перевода;

4) доказать, что при отборе материала для обучения синхронному переводу или проведения тренинга необходимо следовать системе критериев.

До проведения эксперимента был осуществлён отбор материала в соответствии с предложенной нами ранее классификацией политических выступлений [Зигмантович, 2016]. Разработанная нами типология речей охватывает две разновидности: речи, ориентированные на «внешнего» слушателя (который не является носителем языка, на котором выступает оратор, и, соответственно, он нуждается в услугах синхронного переводчика) и на «внутреннего» слушателя (который, наоборот, является носителем языка и воспринимает выступление без синхронного перевода).

К первому блоку речей можно отнести выступления на международных мероприятиях, понимание на которых между участниками обеспечивается синхронными переводчиками (саммиты, межправительственные пресс-конференции, форумы и др.). Ко второму типу речей мы относим те выступления, содержание которых не должно переводиться в режиме устного синхронного перевода: например, обращения к парламенту или народу, инаугу-

рациональные речи или предвыборные дебаты. Как правило, второй тип речей не переводится устно [Зигмантович, 2016: 43]. Однако есть ряд исключений:

1) синхронный перевод «внутренней» речи (полностью или её отрывка) для новостных передач других стран или иных целей (например, предвыборная кампания одного из кандидатов в президенты в США освещается в одном из выпусков новостей в России);

2) синхронный перевод или перевод в режиме нашёптывания выступления оратора (-ов) для одного или нескольких иноязычных гостей, при этом основной реципиент — носители того же языка, что и оратор (например, ректор университета обращается к первокурсникам по случаю начала учебного года, но среди слушателей есть несколько высоких гостей, для которых нужен перевод);

3) синхронный перевод «внутренней» речи для проведения конкурсных экзаменов в международных организациях для синхронных переводчиков для наиболее полной проверки навыков (в частности, оценивается навык осуществления устного перевода в условиях высокой скорости воспроизведения текста на языке оригинала оратором);

4) синхронный перевод «внутренней» речи в дидактических целях для отработки навыков или проведения соответствующего тренинга на практических занятиях по устному синхронному переводу.

Наблюдения и практика показывают, что особенности речей того или иного оратора могут либо облегчить деятельность синхронистов и обеспечить успех работы, либо усложнить процесс перевода. К этим особенностям относится ряд параметров, которые легли в основу проведённого нами анализа политических речей и оценки степени сложности осуществления устного синхронного перевода участниками эксперимента (уровень переводимости выступлений).

В общей сложности мы отобрали шесть выступлений на французском языке, с которыми в разное время выступали два оратора — бывшие президенты Франции Николя Саркози и Франсуа Олланд (по три речи на каждого оратора). Две речи из трёх принадлежат «внешним» речам, ориентированным на синхронный перевод, и одна речь относится к блоку «внутренних» речей. При отборе речей особое внимание уделялось нарастанию сложности (в зависимости от различных критериев, речь о которых пойдёт ниже) (см. табл. 1).

Список речей для проведения эксперимента

	Речь	Время звучания (минуты: секунды)	Число слов
Николя Саркози 16 мая 2007 — 15 мая 2012	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем в Анкаре 25 февраля 2011 г. [Sarkozy, Gül, 2011].	07:57	1105
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 21 сентября 2011 г. [Sarkozy, 2011a].	13:12	1356
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» в Париже 25 ноября 2011 г. [Sarkozy, 2011b]	08:32	1214
Франсуа Олланд 15 мая 2012 — 14 мая 2017	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ в Париже 5 мая 2014 г. [Hollande, Abe, 2014].	10:20	1408
	Выступление на саммите Африканского союза в Аддис-Абебе 25 мая 2013 г. [Hollande, 2013].	09:34	999
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа в Безансоне 14 апреля 2017 г. [Hollande, 2017].	06:40	883

Эксперимент проводился на факультете Высшая школа перевода в специально оборудованном для осуществления устного синхронного перевода кабинете. В эксперименте принимали участие шесть человек — студенты VI курса, обучающиеся по образовательной программе «Перевод и переводоведение» (специалитет — 6 лет), в соответствии с которой ими обязательно изучаются два языка. У всех участников эксперимента иностранными языками являются английский и французский. На момент проведения эксперимента студенты занимались устным синхронным переводом в течение почти шести месяцев. Все необходимые навыки у них к этому моменту сформированы.

Опросный лист

Оцените сложность осуществления устного синхронного перевода выступлений двух ораторов. Оцените сложность оценкой от 1 до 5, где 1 — очень сложно; 2 — вызывает определённые сложности; 3 — средней сложности; 4 — легко; 5 — очень легко.

		Длина предложений	Синтаксис	Темп речи оратора	Паузация	Лексический состав
Николя Саркози	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем в Анкаре 25 февраля 2011 г.					
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 21 сентября 2011 г.					
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» в Париже 25 ноября 2011 г.					
Франсуа Олланд	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ в Париже 5 мая 2014 г.					
	Выступление на саммите Африканского союза в Аддис-Абебе 25 мая 2013 г.					
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа в Безансоне 14 апреля 2017 г.					

Участникам эксперимента было предложено синхронно перевести три речи Николя Саркози и затем три речи Франсуа Олланда с французского языка на русский язык. Перед воспроизведением каждого нового выступления участникам сообщалась следующая информация: дата, место, участники, аудитория (для лучшего ориен-

тирования в контексте). По окончании осуществления синхронного перевода студентам было предложено заполнить два опросных листа для оценки уровня сложности осуществления синхронного перевода разных речей (см. табл. 2 и 9).

1. Длина предложений (количество слов в предложениях)

В силу того, что оперативная память может хранить ограниченное число единиц (от 6 до 9) в течение 3–30 секунд [Miller, 1956; Чернов, 1987: 49; Lederer, 2001: 41], синхронисту проще осуществлять перевод в тех случаях, когда предложения короткие, так как переполнение памяти (удерживание начала и конца синтаксической конструкции) может привести к частичной или полной утрате данных исходного сообщения.

Таблица 3

Длина предложений

	Речь	Общее число предложений	Число длинных предложений	Процент длинных предложений
Николя Саркози	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем [Sarkozy, Güll, 2011].	32	14	43,8%
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке [Sarkozy, 2011a].	81	7	8,6%
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» в Париже [Sarkozy, 2011b].	61	5	8,2%
Франсуа Олланд	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ в Париже [Hollande, Abe, 2014].	50	12	24%
	Выступление на саммите Африканского союза в Аддис-Абебе [Hollande, 2013].	43	10	23,3%
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа в Безансоне [Hollande, 2017].	53	26	49%

И Николя Саркози, и Франсуа Олланд традиционно используют в своих ориентированных на внешнего слушателя выступлениях предложения короткой или средней длины (до 35 слов). Это, в частности, касается выступлений в стенах международных организаций или на международных форумах. Исключением у политиков являются совместные пресс-конференции с представителями других стран. Совершенно иную ситуацию мы видим в речах «внутренних» (у Франсуа Олланда, в частности), где процент длинных предложений (от 35 слов и выше) гораздо выше. У Николя Саркози традиционно наблюдается тенденция к использованию более коротких предложений (см. табл. 3).

Практика показывает, что перевод более длинных предложений представляет определённую сложность для работы синхронистов. Переводчикам сложнее делить предложения на смысловые отрезки для лучшего ориентирования в тексте, а также удерживать в оперативной памяти синтаксические узлы начала предложения.

Для участников эксперимента устный синхронный перевод длинных предложений во «внешних» речах «вызывает определённые сложности», либо оценивается как «средней сложности» (в силу того, что процент длинных предложений тут не так высок). В случае с «внутренними» речами некоторые студенты оценили перевод длинных предложений как очень сложный или как вызывающий определённые сложности.

2. Синтаксис речей

Синтаксис играет немаловажную роль для облегчения/усложнения восприятия сообщения на языке оригинала для осуществления устного синхронного перевода. Сложный синтаксис, обилие союзов и синтаксических связей приводит к тому, что переводчик испытывает трудности при делении таких предложений на смысловые отрезки. Это, как и в случае с предыдущим критерием, обусловлено вместимостью оперативной памяти.

Анализ фактического материала показал, что в речах французских ораторов встречаются сложноподчинённые предложения с различными связями (уступки, причины, следствия, цели). И Ф. Олланд, и Н. Саркози употребляют сложные предложения с такими союзами, как *que, qui, parce que, car* и *pour que*. К основным глаголам, с которыми употребляются данные союзы, относятся: *croire, considérer, démontrer, souhaiter, penser, voir, être convaincu, (vouloir, devoir) dire, évoquer, regretter, rappeler, savoir, falloir, être conscient, affirmer* и т.д. Наличие таких связей и предложений вполне характерно для устного политического дискурса. Однако большее внимание мы

уделили «типичности» французского политического дискурса. Ряд характерных признаков помогает не только сформировать речевой портрет оратора, но и облегчает работу синхронистов.

Французские политики для проставления того или иного логического ударения используют *выделительные конструкции* (фр. *mise en relief*) (см. табл. 4).

Таблица 4

Выделительные конструкции в речах французских политиков

	Примеры
Николя Саркози	C'est l'Assemblée générale des Nations unies qui porte ce rendez-vous avec l'Histoire [Sarkozy, 2011a];
	C'est un appel à la justice qui a ébranlé le monde [...] [Sarkozy, 2011a];
	[...] c'est pour vous que je me bats [Sarkozy, 2011b].
Франсуа Олланд	C'est ensemble que nous devons combattre ces fléaux. C'est ce que nous faisons au Mali pour protéger le Sahel [...] [Hollande, 2013];
	C'est pour toutes ces raisons que la France compte accueillir en 2015 la Conférence pour le changement climatique [Hollande, 2013];
	Et c'est finalement le sens que nous devons donner à la politique, [...] [Hollande, 2017].

Передача выделительных конструкций в условиях синхронного перевода не вызывает каких-либо сложностей, поскольку их хорошо слышно в потоке речи (но не в случае с высоким темпом речи); по этой причине они, как правило, без затруднений передаются. Например, выделительные конструкции «*C'est ensemble que nous devons combattre ces fléaux. C'est ce que nous faisons au Mali pour protéger le Sahel [...]*» [Hollande, 2013] были в полном объёме переданы четырьмя участниками эксперимента.

Речь Николя Саркози традиционно отличается обилием анафорических конструкций (для оказания желаемого эмоционального воздействия на аудиторию) — повторение «отдельных слов и оборотов в начале нескольких относительно самостоятельных отрезков речи» [Анищенко, 2012: 110]. Как правило, оратор отдаёт предпочтение данному приёму, выступая на мероприятиях, организованных под эгидой ООН, либо обращаясь к народам африканских стран. В некоторых речах данная конструкция может встретиться от трёх до шести раз. Рассмотрим анафорические конструкции, употреблённые оратором в ходе обращения к Генеральной Ассамблее ООН (см. табл. 5).

Анафорические конструкции в речах Николя Саркози

Конструкция	Перевод
Voilà donc soixante ans que les Palestiniens attendent leur État. [...] Voilà soixante ans qu' Israël souffre de ne pas pouvoir vivre en paix. Voici soixante ans que la question de la coexistence pacifique des deux peuples palestinien et israélien demeure lancinante [...] [Sarkozy, 2011a]	Вот уже шестьдесят лет [...]
Mettons-nous à la place des Palestiniens. [...] Mettons-nous à la place des Israéliens [...] [Sarkozy, там же]	Поставим себя на место [...]

В случае с переводом первой анафорической конструкции пять человек из шести передали её, причём один из участников эксперимента каждый раз давал синонимичный вариант перевода: «Шестьдесят лет прошло с тех пор, как...», «Шестьдесят лет с момента, как...» и «Шестьдесят лет существует вопрос о...». Подобное синонимическое разнообразие в переводе говорит о том, что даже у неопытных переводчиков хватает времени и ресурсов на размышления (на что влияет и скорость подачи материала оратором).

Вторую анафорическую конструкцию успел расслышать и точно передать в переводе только один студент из шести: «*Давайте поставим себя на место палестинцев*» и «*Давайте поставим себя на место израильтян*». Ещё один участник эксперимента передал только первую часть: «*Встанем на место палестинцев*», вторая часть выпала.

Франсуа Олланд использует другой приём — состоящий из трёх однородных членов предложения или трёх простых предложений синтаксический ряд [Зигмантович, 2016: 46]. Иногда данный синтаксический приём может представлять собой градацию — «фигура, состоящая из ряда слов или словосочетаний, в котором каждое последующее усиливает или, наоборот, ослабляет значение предыдущего» [Анищенко, 2012: 115]. В условиях дефицита времени и когда три элемента конструкции объединены общим значением (и это не будет противоречить смыслу или целям оратора с точки зрения эмоционального воздействия), синхронист может воспользоваться механизмом компрессии и передать лишь один элемент для экономии времени и облегчения нагрузки на кратковременную память [Чернов, 1987]. Ниже приводятся несколько соответствующих примеров с пояснениями (см. табл. 6).

Трёхчастные конструкции в речах Франсуа Олланда

Пример	Комментарий
[...] faire en sorte qu'il n'y ait pas d'autre voie que le dialogue, que la coopération, que la concertation , [...] [Hollande, Abe, 2014].	[...] сделать так, чтобы не было другого пути, кроме диалога, сотрудничества, согласованности действий [...]. Значение «сотрудничества» → [...] сделать так, чтобы не было другого пути, кроме сотрудничества [...].
Investir dans des machines — ici elles sont considérables, elles sont même volumineuses, elles sont impressionnantes [...] [Hollande, 2017].	Необходимо инвестировать в машины — поскольку здесь они большие, они габаритные, они внушительных размеров [...]. Значение «больших размеров» → Необходимо инвестировать в машины — поскольку здесь они внушительных размеров [...].

Из шести участников эксперимента передали в полном объёме все элементы первой трёхчастной конструкции лишь двое. Другой испытуемый воспользовался компрессией для экономии времени и передал лишь первые два элемента конструкции («*посредством диалога и сотрудничества*»), что можно объяснить тем, что подбор варианта перевода для слова *la concertation* представляет определённые сложности при осуществлении синхронного перевода в условиях дефицита времени и стресса.

Перевод трёхчастной конструкции из «внешней» речи осуществлён не был, поскольку из-за высокого темпа речи оратора все участники эксперимента пропустили эту информацию.

По наблюдению и практическому переводческому опыту участников эксперимента влияние синтаксиса «внешних» речей на перевод оценивается как «средней сложности». В случае с ориентированными на носителей языка речами перевод длинных и сложных предложений оценивается как процесс «очень сложный» или который «вызывает определённые сложности». В целом, в результате проведения эксперимента было установлено, что длинные предложения, по мнению студентов, было сложно делить на смысловые отрезки для осуществления более точного перевода.

3. Темп речи оратора

Скорость речи оратора оказывает наибольшее влияние на качество синхронного перевода, поскольку именно оратор задаёт для синхронистов тот темп, с которым осуществляется целый ряд

операций: восприятие, обработка и воспроизведение информации [Ширяев, 1979; Чернов, 1987; Gerver, 1975].

Для проведения эксперимента нами были отобраны выступления, воспроизводимые ораторами с различной скоростью (см. табл. 7). Первая пара речей — выступления ораторов в рамках двусторонних пресс-конференций с представителем другой страны (Н. Саркози провёл переговоры с президентом Турции, а Ф. Олланд — с премьер-министром Японии). Оба оратора выступают с довольно высокой скоростью (при оптимальном для синхрониста темпе речи в примерно 100–120 слов в минуту [Gerver, 1975: 122]). Выступления французских политиков на двусторонних пресс-конференциях традиционно отличаются довольно высокой скоростью речи, в отличие от выступлений в стенах международных организаций (вторая пара отобранных речей). И третья пара речей ориентирована на носителей французского языка. Темп речи ораторов здесь заметно выше, чем в предыдущих случаях.

Таблица 7

Темп речи ораторов

	Речь	Темп речи оратора (слов в минуту)
Николя Саркози	Совместная пресс-конференция с президентом Турции Абдуллахом Гюлем [Sarkozy, Gül, 2011].	139,4
	Выступление на 66 сессии Генеральной Ассамблеи ООН [Sarkozy, 2011a].	102,2
	Выступление перед лауреатами премии «Лучший мастер Франции» [Sarkozy, 2011b].	143,5
Франсуа Олланд	Совместная пресс-конференция с премьер-министром Японии Синдзо Абэ [Hollande, Abe, 2014].	131,3
	Выступление на саммите Африканского союза [Hollande, 2013].	102,7
	Выступление на металлургическом заводе Р. Буржуа [Hollande, 2017].	143,1

Темп речи оратора, как и предполагалось, оказал наибольшее влияние на качество и полноту перевода. Участники эксперимента успешно справились с переводом четырёх «внешних» речей: практически всегда они успевали за темпом речи оратора, удачно применяя компрессию в тех местах, где это было необходимо и возможно.

Перевод совместных пресс-конференций с точки зрения влияния скорости речи оратора, по мнению большинства участников

эксперимента, оценивается как «средней сложности» (для двух ораторов).

Перевод речи Н. Саркози, с которой он выступал в ООН, оценивается участниками эксперимента как легко осуществимый или «средней сложности». При переводе выступления Ф. Олланда мнения распределились следующим образом: половина участников эксперимента отметила, что перевод «вызывает определённые сложности», в то время как другая половина отметила «среднюю сложность» его осуществления. Таким образом, с точки зрения скорости речи ораторов при обращениях к иноязычной аудитории, по мнению участников эксперимента, переводить проще Николая Саркози.

Теперь обратимся к анализу скорости речи ораторов при обращении к носителям языка. Стоит отметить, что в ходе проведения эксперимента у всех участников при переводе этого типа выступлений заметно пострадало качество подачи: появились паузы хезитации и продолжительные моменты молчания, а также оговорки. Некоторые студенты не договаривали до конца предложения. Кроме того, из-за высокой скорости воспроизведения информации участники эксперимента стремились к поддержанию своего среднего темпа речи за счёт применения компрессии, которая использовалась в подавляющем большинстве случаев неудачно и за счёт пропуска большого количества информации. Таким образом, страдали точность и полнота перевода, а также его качество.

По мнению участников эксперимента, перевод речи Н. Саркози на такой высокой скорости выполнять «очень сложно» (половина респондентов) или «вызывает определённые сложности» (другая половина респондентов). Перевод выступления Ф. Олланда был оценён тем же образом, но мнения распределились по-другому: «очень сложно» (четверо студентов) и «вызывает определённые сложности» (двое студентов).

4. Паузация речи

Логичность и последовательный характер расстановки пауз в речи оратором оказывает влияние на верную интерпретацию входящей информации и корректное членение высказывания на смысловые отрезки для их последующего синхронного перевода.

В ходе проводимого ранее анализа основное внимание мы обратили на логичный характер проставления пауз: выделение однородных членов предложения, смысловых отрезков, союзов, обращений и т.д. В случае с Ф. Олландом расстановка пауз вызвала ряд сложностей, поскольку в большинстве случаев оратор делает

остановки нелогично и неравномерно (например, отделяет паузой связанные друг с другом определение и дополнение). Николя Саркози соблюдает относительную логичность (за исключением ряда случаев) [Зигмантович, 2016: 49]. Не стоит забывать о том, что на паузацию речи оратором может повлиять целый ряд факторов: тематика выступления, личное отношение оратора к данной теме, обстоятельства, аудитория. Логичная расстановка пауз оказывает влияние на максимально точное восприятие и последующее воспроизведение информации в синхронном переводе, поскольку её восприятие осуществляется на основе «смысловых опорных пунктов».

Перевод речей с нелогичной паузацией оценивается участниками эксперимента как «средней сложности» для «внешних» речей и как «очень сложный» или «вызывающий определённые сложности» для «внутренних» речей.

5. Лексический состав

При отборе речей основное внимание обращалось на оценку метафоричности выступлений и их насыщенности образами. В меньшей степени мы обращали внимание на наличие терминологии, поскольку в реальной переводческой практике синхронисты, как правило, заранее знают тематику мероприятий, на которых будут работать, и имеют достаточное количество времени для подготовки.

Данный критерий мы включили в параметры отбора для создания более полных речевых портретов ораторов, доказательства нашей гипотезы о различной степени переводимости двух типов речей.

Во «внешних» речах французских политиков практически отсутствуют сложные для перевода метафоры и образы (за исключением ряда случаев). Ниже приводятся некоторые из примеров (в совместных пресс-конференциях с представителями других государств метафор и иных сложных для перевода образов найдено не было) (см. табл. 8).

Первый описанный нами в таблице пример был передан в переводе трёх участников эксперимента, причём один из студентов передал его дословно («*Мы должны избавиться от этого паралича [...]*»). Со вторым примером ситуация несколько иная. Из шести участников двое человек передали данный образ, а ещё трое исказили его суть при переводе, поскольку неверно услышали глагол *souffler* (рус. *дуть*) и спутали его с глаголом *souffrir* (рус. *страдать*).

Лексический состав выступлений Николя Саркози

Пример	Перевод	Комментарий
Mais que cette Assemblée générale [...] décide d'avancer, décide de sortir du piège mortel de la paralysie [Sarkozy, 2011a].	Но пусть эта Генеральная Ассамблея [...] решит двигаться вперёд, решит вырваться из смертельной ловушки бездействия .	Николя Саркози призывает отказаться от бездействия и действовать ради достижения конкретных результатов. Во французском языке он использует существительное paralysie (досл. <i>паралич</i>), которое в переносном значении означает именно бездействие. Для оратора бездействие — как заболевание, которое можно и необходимо вылечить.
Vous ne pouvez pas rester immobiles alors que ce vent de liberté et de démocratie souffle dans votre région [Sarkozy, 2011a, там же].	Вы не можете бездействовать, когда этот ветер свободы и демократии дует в вашем регионе.	Оратор говорит об известном образе «ветра перемен», призывая, как и в предыдущем случае, к немедленным действиям, поскольку пришло время, и созданы все соответствующие для этого условия.
C'est parce que l'apprentissage est un tremplin vers l'emploi [...] [Sarkozy, 2011b].	Поскольку учёба является трамплином к получению работы [...].	Политик говорит о необходимости получения качественного образования для того, чтобы в будущем найти хорошую работу. Здесь он использует образ «трамплина» для обозначения того, что придаёт ускорение, импульс для дальнейших действий.

Присутствующее во «внутренней» речи сравнение (третий пример) не было передано никем из испытуемых.

При анализе результатов синхронного перевода мы также обращали внимание на точную передачу следующей информации: имена и названия, числительные и устойчивые термины и понятия, известные участникам эксперимента из курса перевода.

Восприятие и последующая передача числительных традиционно представляют собой сложность для синхронных переводчиков. В результате ряда проведённых исследований было установлено, что синхронисты гораздо лучше справляются с текстами, в которых содержится мало цифр. По данным исследований, лишь около 50% количественных данных верно и точно переводится в режиме синхронного перевода. Наибольшую сложность представляют четырёхзначные цифры и так далее по возрастающей [Mazza,

2001: 101]. В случае с переводом числительных с французского языка начинающие русскоговорящие переводчики обычно путают *mille* (рус. *тысяча*) и *million* (рус. *миллион*), а также перевод таких числительных, как 70-80-90. Корректное восприятие и последующее воспроизведение количественной информации зависит от ряда факторов: знание языка, быстрота реакции, объём рабочей памяти. Именно по этой причине упражнения на восприятие и воспроизведение числительных являются неотъемлемой частью занятий по устному синхронному переводу (в частности, на начальном этапе).

«Внешние» речи Николя Саркози переводились довольно точно с точки зрения передачи количественной информации всеми испытуемыми. Единственным исключением для всех стал отрывок, где подряд идёт перечисление временных интервалов. Никто из участников эксперимента не передал следующую информацию: « **Un mois** pour reprendre les discussions; **Six mois** pour se mettre d'accord sur les frontières et sur la sécurité; **Un an** pour parvenir à un accord définitif » [Sarkozy, 2011a].

В случае с переводом «внешних» речей Франсуа Олланда основной ошибкой при синхронном переводе была путаница в передаче *mille*. Из шести испытуемых лишь один человек максимально верно и точно передал информацию.

Во «внутренних» речах также содержалась количественная информация, однако из-за высокой скорости речи ораторов и специфики употреблённых терминов испытуемые не успевали её передавать, либо передавали неверно.

Все участники эксперимента успешно справились с передачей знакомых им имён собственных. Во внешних речах содержались имена французских государственных и политических деятелей (Брюно Ле Мэр или Мануэль Вальс), а также известные студентам Нельсон Мандела и Реджеп Тайип Эрдоган. Все эти имена были успешно отражены и в синхронном переводе. В одном из выступлений Франсуа Олланд вспоминает бывшего премьер-министра Эфиопии — Мелеса Зенауи. Из шести испытуемых пять передали его имя, только один студент перевёл его как «*премьер-министр одной из африканских стран*».

В речах политиков были также упомянуты названия компаний: *Thales* и *Airbus*. Пять участников эксперимента передали их в переводе. В одном из выступлений Франсуа Олланд упомянул компанию *АТМЕА*, известную далеко не всем участникам эксперимента. Несмотря на это, из шести испытуемых половина передала это название в своих переводах.

Наименования международных организаций были в полной мере переданы всеми испытуемыми: *le G20* (рус. *Группа двадцати*), *le Fond Monétaire International* (рус. *Международный валютный фонд*) и *la Banque mondiale* (рус. *Всемирный банк*).

В том, что касается топонимов, особых сложностей у испытуемых их передача не вызвала, так как ораторы использовали знакомые им наименования — *Sahel* (рус. *Сахель*), *Proche-Orient* (рус. *Ближний Восток*) и другие.

Во «внутренних» речах также содержались имена собственные и названия, однако, как и в предыдущем случае, студенты не справились с их передачей (например, имена в самом начале выступлений — в обращениях — были переданы лишь двумя испытуемыми, остальные передали только должности).

При переводе «внешних» речей передача терминов и словосочетаний не вызвала трудностей. Студенты хорошо владеют тематикой и лексикой на такие темы как: ближневосточный конфликт, экология, двусторонние и международные отношения и др., по этой причине такие понятия как *le printemps arabe* (рус. *арабская весна*), *le développement durable* (рус. *устойчивое развитие*), *le changement climatique* (рус. *изменение климата*), *le système monétaire international* (рус. *международная валютная система*) или *la lutte contre le terrorisme* (рус. *борьба с терроризмом*) были переданы безошибочно и точно.

В случае с переводом терминологии «внутренних» речей ситуация оказалась сложнее. Николя Саркози говорил о различных профессиях и вопросах образования, а Франсуа Олланд посетил завод и в ходе выступления говорил о производстве. В силу того, что студенты не были заранее предупреждены о тематике выступлений, они не смогли подготовиться и, как результат, не смогли успешно справиться с переводом.

По мнению испытуемых, лексический состав выступлений оказывает значительное влияние на качество и успех синхронного перевода. В частности, перевод лексической составляющей «внешних» речей оценивается участниками эксперимента как «средней сложности» или легко осуществимый (последнее — в отношении речей, с которыми выступали ораторы в стенах международных организаций). Практически все участники эксперимента отметили, что перевод лексики выступлений внутреннего характера осуществлять «очень сложно» или «вызывает определённые сложности».

Таким образом, речи, написанные под синхронный перевод, практически не содержат в себе трудных для перевода образов или метафор (за исключением ряда случаев). Единственная сложность, с которой может столкнуться синхронист, заключается в знании

Опросный лист

После осуществления устного синхронного перевода ответьте на вопросы (поставьте X в колонке, соответствующей Вашему ответу):

	Никогда	Очень редко	В некоторых отдельных случаях	Почти всегда	Всегда
1. Длина предложений в тексте, с которым выступает оратор, влияет на качество восприятия речи на иностранном языке (чем предложение длиннее, тем сложнее его воспринимать)			2 (33,3%)	1 (16,7%)	3 (50%)
2. Облегчённый (и типичный) синтаксис облегчает процесс устного синхронного перевода				3 (50%)	3 (50%)
3. Темп речи оратора оказывает влияние на восприятие речи на иностранном языке, обработку поступающей информации и на качество устного синхронного перевода				2 (33,3%)	4 (66,7%)
4. Логичная паузация, расставляемая оратором, помогает более точно расставлять смысловые ориентиры для осуществления качественного и успешного устного синхронного перевода					6 (100%)
5. Лексический состав выступлений оказывает влияние на осуществление устного синхронного перевода			1 (16,7%)		5 (83,3%)

терминологии или недостаточном багаже экстралингвистических знаний (знание событий, происходящих в мире, истории, культуры и т.д.). Но в данном случае всё зависит от подготовки переводчика и его компетенций.

В речах, ориентированных на внутреннего слушателя, происходит отсылка к истории и прошлому (особенно часто при обращении к жителям африканских стран), звучат имена, названия и реалии, хорошо известные внутреннему получателю.

По окончании эксперимента участникам было предложено заполнить ещё один опросный лист. В процентном соотношении их ответы приводятся ниже (см. табл. 9).

Таким образом, проведённый нами эксперимент позволил установить и доказать следующее:

1. подача материала ораторами на устный синхронный перевод осуществляется по-разному. Выступления Николя Саркози, по мнению участников эксперимента, переводить в режиме синхронного перевода проще, чем речи Франсуа Олланда. Это обусловлено целым рядом факторов: логика паузации, темп речи оратора, лексический состав выступлений, а также синтаксис и длина предложений в тексте.

2. Вариация сложности перечисленных в предыдущем пункте критериев показывает, что уровень (степень) переводимости «внешних» речей и «внутренних» речей на разных уровнях зависит от оратора (подача исходного материала) и самого синхрониста.

3. Не все речи одинаково успешно поддаются обработке в процессе осуществления устного синхронного перевода. «Внешние» речи были успешно переведены всеми участниками эксперимента по ряду признаков (за исключением нескольких случаев). Степень полноты и точности здесь гораздо выше, чем в случае с «внутренними» выступлениями. По мнению участников эксперимента, существенное влияние на успех и полноту перевода «внутренних» речей влияет скорость речи оратора и логичная паузация.

4. Отбор материала при обучении синхронному переводу на различных уровнях и для проведения тренинга должен осуществляться в соответствии с целым рядом критериев для отработки или закрепления соответствующих навыков.

В дальнейшем планируется провести эксперимент с группой профессиональных опытных переводчиков-синхронистов, а также произвести отбор речей (на основании различных параметров) в дидактических целях для отработки соответствующих навыков, релевантных для синхронного перевода, и предложить комплекс упражнений для тех же целей.

Список литературы

- Анищенко Г.А. Литературный справочник. М.: ФОРУМ, 2012. 176 с.
- Гарбовский Н.К. Теория и методология устного перевода: традиции отечественной школы // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2015. № 2. С. 3–16.
- Зигмантович Д.С. Политический дискурс как объект устного перевода (на материале речей российских и французских политиков) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 3. С. 41–57.
- Чернов Г. В. Основы синхронного перевода: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1987. 208 с.
- Ширяев А.Ф. Синхронный перевод. Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.
- Gerver D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, *Meta: Translators' Journal*, vol. 20, No. 2, 1975, pp. 119–128. (<https://www.erudit.org/revue/meta/1975/v20/n2/002885ar.pdf>).
- Lederer M. Implicite et explicite. Danica Seleskovitch et Marianne Lederer (eds.), *Interpréter pour traduire*. 2-e éd. Paris: Didier Érudition, 1986, pp. 37–71.
- Mazza C. Numbers in Simultaneous Interpretation. *The Interpreters' Newsletter*. No. 11. Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, 2001, pp. 87–104.
- Miller G. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. *The Psychological Review*, vol. 63, 1956, pp. 81–97.

Источники

- Hollande F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur l'avenir des relations entre la France, l'Europe et l'Afrique, à Addis-Abeba le 25 mai 2013 [Electronic version], 2013. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/137001238.html>
- Hollande F. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur l'entreprise de métallurgie R. Bourgeois, à Besançon le 14 avril 2017 [Electronic version], 2017. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/177000965.html>
- Hollande F., Abe S. Déclaration conjointe de MM. François Hollande, Président de la République, et Shinzo Abe, Premier ministre du Japon, sur les relations franco-japonaises, à Paris le 5 mai 2014 [Electronic version], 2014. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/147000992.html>
- Sarkozy N. Allocution de M. Nicolas Sarkozy. Ouverture de la 66ème session [Electronic version], 2011a. URL: <https://www.flickr.com/photos/vascopress/6170823952/>
- Sarkozy N. Déclaration de M. Nicolas Sarkozy, Président de la République, sur les lauréats du « Meilleur ouvrier de France » et sur les efforts gouvernementaux en faveur des métiers manuels, à Paris le 25 novembre 2011 [Electronic version], 2011b. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/117002632.html>
- Sarkozy N., Gül A. Point de presse conjoint de MM. Nicolas Sarkozy, Président de la République, et Abdullah Gül, Président de la République de Turquie,

sur les relations franco-turques, la situation politique dans les pays arabes et sur la position de la France face à l'adhésion éventuelle de la Turquie à l'Union européenne, à Ankara (Turquie) le 25 février 2011 [Electronic version], 2011. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/117000532.html>

Daria S. Zigmantovich,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpretation,
Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: dashazigmantovich@mail.ru

**SIMULTANEOUS INTERPRETING
AS A SPECIAL KIND OF SPEECH
AND MENTAL ACTIVITY:
AN EXPERIMENTAL STUDY**

Simultaneous interpreting, being a complex type of cognitive activity, often becomes the object of various experimental studies. The main purpose of conducting such experiments and studies is to reveal and then describe the mechanisms of this complex psychological and communicative process, its modeling, as well as to understand the strategies used by simultaneous interpreters to ensure high-quality interpreting. This article describes the main results of an experiment conducted at the Higher School of Translation and Interpreting of Lomonosov Moscow State University. The purpose of this experimental study is to prove that participants in political discourse have a significant influence on the process and result of simultaneous interpreting. This fact impacts the need to develop criteria for selecting material for training future professional interpreters.

Key words: simultaneous interpreting, interpreting practice, oratorical portrait, typology of political speeches.

Referense

Anishchenko G. Literaturnyj spravochnik [Reference Guide to Literature], Moscow: FORUM, 2012. 176 p. (In Russian).

Chernov H. Osnovy sinkhronnogo perevoda: Uchebnik dlya institutov i fakultetov inostrannyh yazykov [Basics of Simultaneous Interpretation: Textbook for Institutes and Faculties of Foreign Languages], Moscow: Vysshaja shkola, 1987. 208 p. (In Russian).

Garbovsky N. Teorija i metodologija ustnogo perevoda: tradicii otechestvennoj shkoly [Theory and methodology of interpreting: traditions of Russian school]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seria 22, Teorija perevoda*, 2015, No. 2, pp. 3–16 (In Russian).

Gerver D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation, *Meta: Translators' Journal*, vol. 20, No 2, 1975, pp. 119–128. (<https://www.erudit.org/revue/meta/1975/v20/n2/002885ar.pdf>).

Lederer M. Implicite et explicite // Danica Seleskovitch et Marianne Lederer (eds.), *Interpréter pour traduire*. 2e éd. Paris: Didier Érudition, 1986, pp. 37–71.

Mazza C. Numbers in Simultaneous Interpretation. *The Interpreters' Newsletter*. No. 11. Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, 2001. P. 87–104.

Miller G. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. *The Psychological Review*, vol. 63, 1956, pp. 81–97.

Shiryaev A. Sinkhronnyj perevod. Deyatel'nost sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavanija sinkhronnogo perevoda [Simultaneous Interpretation. Simultaneous Interpreter and Methodology of Teaching Simultaneous Interpretation], Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p. (In Russian).

Zigmantovich D. Politicheskij diskurs kak ob'ekt ustnogo perevoda (na materiale rechej rossijskih i francuzskih politikov) [Political Discourse as a Subject of Interpreting of Speeches Delivered by Russian and French Politicians]. *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seria 22, Teorija perevoda*, 2016, No. 3, pp. 41–57 (In Russian).

М.Е. Коровкина,

кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России;
e-mail: mekorovkina@gmail.com

НАСЛЕДИЕ Г.В. ЧЕРНОВА И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ РОССИЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДА¹

Статья посвящена вкладу Г.В. Чернова в исследование синхронного перевода (СП). В ней даётся характеристика модели вероятностного прогнозирования в СП, представленной Г.В. Черновым в монографии, вышедшей в 1987 г. В модели описываются когнитивные механизмы СП — вероятностное прогнозирование, инферирование и компрессия — и специфика их проявления и взаимодействия в СП. Вероятностное прогнозирование отвечает за смысловой прогноз в процессе перевода звучащего текста ИЯ на основе инферирования — осуществления смысловых выводов. Г.В. Черновым были описаны факторы, облегчающие функционирование этих когнитивных механизмов в СП. Речь идёт о функциональных характеристиках текста ИЯ, избыточности информации, связности и логичности изложения. В статье также отмечается, что инферирование в СП основывается не только на функционально-дискурсивных характеристиках текста ИЯ, но и на экстралингвистической информации. В связи с этим Г.В. Чернов в своей модели уделяет большое внимание прагматическим факторам: знаниям культурного контекста и мира в целом (энциклопедическим знаниям), предметной области и коммуникативной ситуации СП, в которую входят в качестве основных прагматических коммуникативных компонентов знания темы мероприятия и осведомлённость об его участниках, а также дейкисические знания. Представляется перспективным направлением исследований СП дальнейшее изучение трёх когнитивных механизмов СП с использованием инструментария когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: синхронный перевод (СП), вероятностное прогнозирование, инферирование, компрессия.

¹ Статья публикуется на основе материалов X Международной научной конференции «Русский язык и культура в зеркале перевода», проведённой Высшей школой перевода МГУ в 2020 г. заочном формате. Материалы конференции были несколько расширены и дополнены.

Исследования синхронного перевода (СП) междисциплинарны по своей природе, и такая же междисциплинарность характерна для когнитивных наук. В настоящее время возрастает интерес к исследованиям этого вида перевода, которые проходят в рамках двух парадигм когнитивных наук: нейролингвистики или психолингвистики и когнитивно-коммуникативной парадигмы в переводоведении. База исследований СП в рамках этих парадигм была заложена Г.В. Черновым в 70–80-е годы прошлого столетия.

В то время МГПИИЯ имени М. Тореза был площадкой фундаментальных исследований в области лингвистики и психологии. Методологическими основаниями модели вероятностного прогнозирования, разработанной Г.В. Черновым, служили теория деятельности Л.С. Выготского, теория речевой деятельности Н.И. Жинкина (1970), А.А. Леонтьева (1969) и И.А. Зимней (1978), а также теория отражения П.К. Анохина (1968). Эта модель и по сей день служит базой для дальнейших исследований, приводящихся в России и за рубежом, хотя зарубежные исследователи не всегда ссылаются на его работы. В данной модели представлен основной когнитивный универсальный механизм перевода — инферирование — осуществление смысловых выводов на основе пресуппозиций — и показано его взаимодействие с другими когнитивными механизмами — вероятностным прогнозированием и компрессией. Эти механизмы характерны не только для СП. В любом виде перевода и при любом его направлении происходит извлечение переводчиком смысловых выводов из контекста (при СП — из звучащего текста). Но именно в СП, жёстко зависящем от внешних обстоятельств — скорости речи оратора, они проявляются особым образом.

Вначале рассмотрим общий контекст развития науки о переводе. В данном случае мы называем этот раздел научных знаний термином, предложенным Н.К. Гарбовским и О.И. Костиковой [Garbovskiy, Kostikova, 2012: 50]. Попутно заметим, что этот термин нам кажется наиболее подходящим, когда имеются в виду фундаментальные исследования по переводу. Термин «теория перевода» может быть применим к более узким, прикладным аспектам исследования, а переводоведение, несмотря на его употребительность в настоящее время, тем не менее своим узусом восходит к советской школе перевода.

В 60–80-е гг. XX века происходил расцвет советской школы перевода, становление которой началось в 40–60-е гг. Теория перевода развивалась в тот период в рамках лингвистики, и основное внимание уделялось формированию системы «научных понятий и категорий, предназначенных для изучения перевода» [Олейников,

2014: 136]. Среди основных вопросов, вызывавших наибольший интерес среди переводоведов, были понятие переводческой эквивалентности, описание и классификация переводческих приёмов и трансформаций, сравнительно-сопоставительный анализ языковых систем исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ). По мнению некоторых современных исследователей, данный субститутивно-трансформационный подход, основанный «на сопоставительном изучении языков» и уделяющий «основное внимание системно-языковым основаниям перевода» [Там же], находится в оппозиции к коммуникативно-деятельностному подходу, «сформированному на положениях психолингвистики и изучающему перевод с опорой на законы речемыслительной деятельности» [Там же]. На наш взгляд, это противопоставление несколько искусственно. Несмотря на текстоцентричность лингвистического переводоведения, ставящего во главу угла понятие «эквивалентность», исследователи, работающие в рамках этого направления, не могут не вводить в перевод внеязыковую действительность и предметную ситуацию перевода. Так, А.В. Швейцер ввёл понятие «коммуникативная ситуация» с описанием её участников [Швейцер, 1973: 62], что сразу вывело перевод за рамки текста, а В.Н. Комиссаров в высших уровнях своей модели эквивалентности также отходит от совпадения чисто языковых средств выражения инварианта смысла, руководствуясь прагматическими факторами перевода [Комиссаров, 2002: 112].

Кроме того, в 70–80-е гг. активно развивалась школа интерпретации и герменевтики в переводе, одним из основоположников которой считается А.Н. Крюков [Крюков, 1988]. Интерпретация — это прежде всего понимание и толкование смыслов текста ИЯ, которые должны быть переданы в тексте ПЯ [Крюков, 1988: 44; Мишкурин, 2013: 75–76]. Это предполагает «выбор определенных форм выражения, наиболее приемлемых, с точки зрения каждого конкретного переводчика, для данной системы смыслов, ожиданий публики, получающей перевод, условий перевода» [Гарбовский, 2004: 213]. В рамках воззрений настоящей школы предполагается достаточная смысловая свобода переводчика при переводе текста ИЯ на ПЯ, потому что, во-первых, подчёркивается важность и неоднозначность понимания контекста. Во-вторых, в понимании и толковании смыслов огромную роль играет переводчик-интерпретатор. И в-третьих, всё это подразумевает большую вариативность в переводе. Свобода выбора в переводе связана с двумя аспектами: переводческой этикой и творческими возможностями переводчика [Garbovskiy, Kostikova, 2012: 59]. На наш взгляд, последний фактор тесно связан с его профессиональной компетентностью, с уровнем

развития переводческих компетенций, хотя в данном случае мы не вторгаемся в область художественного перевода.

Стоит также заметить, что бóльшая свобода в переводе помогает уйти от буквализмов. При этом, чтобы обойти второй подводный камень — чрезмерные вольности в передаче смысла, переводчик должен руководствоваться его инвариантом, что служит ограничительным фактором для вольного перевода. «Перевод — не интерпретация, в нём не может быть смысловых «приписок» [Иванов, 2015: 56].

Таким образом, уже в 80-е гг. прошлого века в рамках школы интерпретации и герменевтики развивалась коммуникативно-деятельностная парадигма, и в настоящее время эта парадигма стала ведущей: научные исследования перевода и его преподавание не могут не основываться на учёте коммуникативной ситуации и функциональных характеристик текста ИЯ [Сдобников, Калинин, Петрова, 2019].

В 80-е годы одним из главных представителей этого направления был Г.В. Чернов, который был первопроходцем в исследовании СП. В соответствии с определением Г.В. Чернова, СП — это «сложный вид двуязычной коммуникативно-речевой деятельности устного перевода, который осуществляется одновременно с восприятием на слух предъявляемого однократно устного сообщения, осуществляемой в условиях дефицита времени и строгой ограниченности объёма перерабатываемой информации, предметом и продуктом которой является семантико-смысловая структура перерабатываемого речевого сообщения» [Чернов, 1987: 32].

СП протекает в условиях, навязанных внешними обстоятельствами, а именно, темпом речи оратора. Высокий темп речи и линейность текста, т.е. постепенный характер подачи информации и раскрытия смысла вынуждают переводчика прибегать к когнитивным механизмам, которые впервые с такой фундаментальностью были описаны Г.В. Черновым в его работах, статьях и книгах на русском и английском языках. Как уже отмечалось выше, его огромным вкладом в исследование СП была разработка модели вероятностного прогнозирования, основанной на фундаментальных философских представлениях опережающего отражения действительности [Анохин, 1968, 1978].

Как вытекает из процитированного выше определения СП, объектом исследования является процесс СП, а предметом — его продукт или результат. Вслед за И.А. Зимней (1978) и А.Ф. Ширяевым (1979), Г.В. Чернов выделяет в процессе перевода несколько этапов (что соотносится с общепринятым в настоящее время пред-

ставлением о трёхфазности перевода): осмысление сообщения на ИЯ — принятие решения о переводе — высказывание на ПЯ (плюс механизм самоконтроля) [Чернов, 1987: 224]. Эти этапы тесно связаны с вероятностным прогнозированием — выдвижением гипотезы о развитии смысла в тексте. Кроме самого текста, успешное прогнозирование зависит также от анализа коммуникативной ситуации в СП, в частности, таких её прагматических параметров, как мероприятие, предметная ситуация, состоящая из ряда событий, приведших к необходимости проведения данного мероприятия, его тема, говорящий (оратор), адресат (аудитория), время проведения мероприятия [Там же: 109–110], потому что именно эти параметры, наряду с характеристиками текста, делают возможным прогноз развития смысла и его инферирование. Прогнозирование в значительной степени зависит от избыточности текста, что в свою очередь связано с его функциональными характеристиками. Чисто языковая, грамматическая избыточность (словоформы в контексте) изучалась Ленинградской группой статистики под руководством Р.Г. Пиотровского. Её расчёты показали, что «избыточность развитого языка находится в пределах между 70 и 85% (цит. по [Чернов, 1987: 130]). Следующий фактор, повышающий (или понижающий избыточность) — функциональные характеристики текста. Его принадлежность к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой языком для специальных целей (ЯСЦ), уже — к определённой предметной области, ещё уже — к ситуации СП на мероприятии, где затрагивается определенная тема, — все эти факторы также повышают избыточность текста и, соответственно, облегчают работу механизма вероятностного прогнозирования. И третий важный фактор, также положительно влияющий на прогноз смысла — логичность и связность изложения. Речь идёт о когезии и когерентности текста, т.е. его внутреннем смысловом единстве, выраженным формальными языковыми структурами — словами-коннекторами, лексически-семантическими повторами и другими лингвоспецифичными средствами глубинной и поверхностной связи, т.е. тема-ремагическим членением текста. В то же время анализ вероятностного прогнозирования с точки зрения языковых уровней (слова, синтагмы), предлагаемый Г.В. Черновым [Там же: 27] в настоящее время кажется устаревшим.

Вероятностное прогнозирование тесно связано с инферированием — осуществлением смысловых выводов при интерпретации инварианта смысла в тексте ИЯ и его передаче в ПЯ. Этот вопрос мы уже кратко освещали [Коровкина, 2019]. Осуществление смысловых выводов или импликатур возможно только на основе понимания

звучащего текста, а понимание зависит от овладения пресуппозициями в ИЯ и ПЯ, то есть от степени общности знаний коммуникантов. В своей монографии на русском языке (1987) Г.В. Чернов упоминает пресуппозиции как данность, сосредотачивая главное внимание на классификации имплицатур. Так, Г.В. Чернов выделяет языковые, референциальные, когнитивно-тезаурусные, ситуативно-дейксические и прагматические² имплицатуры [Чернов, 1987: 95–105]. В своей книге на английском языке, вышедшей в 2004 г., он отмечает особую важность пресуппозиций для извлечения смысловых выводов в переводе [Chernov, 2004: 58–59]. На наш взгляд, эта область исследований перевода, особенно СП, представляет в настоящий момент особый интерес. Пресуппозиции — это знания о мире, языке и коммуникативной ситуации, они гораздо шире имплицатур, выявляющихся только в контексте и способствующих осмыслению конкретного высказывания и текста. Так как имплицатуры напрямую зависят от пресуппозиций, их классификации могут совпадать.

Мы выделяем два больших блока пресуппозиций и имплицатур — это *референциально-языковые* (пресуппозиции и имплицатуры), связанные с представлением информации в тексте при помощи языковых средств, и *когнитивно-тезаурусные*, имеющие отношение к внеязыковой действительности — коммуникативной ситуации перевода, его предметной области и шире к полю культуры и общим знаниям о мире [Коровкина, 2019: 214], т.е. прагматика понимается в данном случае широко, в духе Т. Гивона [Givon, 1989].

К референциально-языковым пресуппозициям (имплицатурам) относятся знания и понимание межъязыковых асимметрий, вызванных различиями в языковых и концептуальных картинах мира. Именно знание языковых пресуппозиций помогает переводчику найти верное переводческое решение, основывающееся на переводческих трансформациях, когда меняются признаки описания ситуации, и в ПЯ эксплицируется, т.е. оформляется при помощи соответствующих языковых средств, признак, отличный от признака описания ситуации в ИЯ [Коровкина, 2017: 23, 122]. Межъязыковые асимметрии проявляются в различиях ведущих признаков в описании ситуации, что приводит к метонимическим переносам при переводе, в основании образов метафор, в степени детализации описания ситуации, т.е. в имплицитных языковых моделях.

² Г.В. Чернов следует узкой трактовке прагматики, сводящейся к описанию коммуникативной ситуации и её участников.

Чисто языковые пресуппозиции также тесно связаны с референциальными, основывающимися на дискурсивных связях текста ИЯ. Как уже отмечалось выше, связность и логичность текста положительно влияет на работу когнитивных механизмов вероятностного прогнозирования и инферирования. Связность текста зависит от уровня кореферентности цепочек связанных по смыслу высказываний [Чернов, 1987: 95], достигаемой при помощи повтора семантических элементов (сем — компонентов значений) или слов (синонимических рядов и даже лексических повторов), а также соответствующей организации коммуникативной структуры сообщения — тема-рематического членения.

Кроме языковых структур и дискурсивных характеристик текста ИЯ, для успешности вероятностного прогнозирования и инферирования важны тезаурусные знания, от которых зависят когнитивно-тезаурусные выводы (термин Г.В. Чернова [см. Чернов, 1987: 99]), т.е. от экстралингвистических фоновых знаний: коммуникативной ситуации синхронного перевода (темы конкретной встречи, места и времени её проведения, участников), предметной области (общей тематики обсуждения), знаний культуры и о мире (энциклопедических знаний).

Знания пресуппозиций способствуют вероятностному прогнозированию и инферированию, между которыми наблюдается сложное взаимодействие, проявляющееся во взаимном наложении языковых структур, кореференций и других дискурсивных особенностей текста ИЯ с экстралингвистической информацией. По мере разворачивания звучащего текста ИЯ прогноз или совпадает с реальным текстовым сообщением, или не совпадает и корректируется.

Ещё одна важная особенность СП, которую можно представить в качестве его когнитивного механизма, а не просто переводческой стратегии, связана не только с технической стороной, но и с передачей смысла. Речь идёт о компрессии. В связи с этим вопросом необходимо рассмотреть несколько аспектов:

1. Структурно-выразительные особенности языков. Английский язык более имплицитен и выражается в более кратких, семантически ёмких обозначениях (например, *a run on the bank* — *ситуация одновременного востребования вкладчиками своих вкладов*). Примеров такого рода чисто структурно-языкового плана можно привести очень много [Полуян, 2011]. В связи с этим нужно учитывать также и направление перевода — если перевод с английского на русский, то в большей степени применяется экспликация, если нет временных ограничений, а с русского на английский язык — компрессия.

2. На необходимость и возможность использования компрессии также влияет и техническая сторона СП — скорость речи оратора. Если она в среднем превышает 100–120 слов в минуту, то даже при переводе с русского языка, кроме осуществления структурно-семантических преобразований, связанных с межъязыковыми асимметриями, переводчик вынужден прибегать к значительному сокращению избыточной информации, и происходит её сгущение и повышение информационной плотности текста. При переводе с английского на русский это обычная ситуация, в соответствии с вышеназванными структурно-выразительными особенностями английского и русского языков и межъязыковыми асимметриями. Подсчёт слогов или слов при применении компрессии, как это делали в 70–80 гг. прошлого столетия (Чернов, 1987: 147) уже не релевантен.

Возвращаясь к взаимодействию трёх когнитивных механизмов СП, следует подчеркнуть, что оно во многом определяется функционально-дискурсивными характеристиками текста. Если текст принадлежит к сфере специальной коммуникации, обслуживаемой ЯСЦ, что типично для коммуникативной ситуации СП, то его избыточность и предсказуемость повышается в связи с повторением ключевых понятий и в целом ограниченностью определенными тематическими рамками конкретной предметной области и логичностью изложения.

Ниже представлено взаимодействие этих механизмов в СП:

Рис. 1. Взаимодействие когнитивных механизмов в СП

Функциональные характеристики текста проявляются в конкретной семантико-смысловой структуре сообщения, куда входят предметно-пропозитивная, дейктическая, модально-фактивная, оценочная составляющие и прагматическая рамка [Чернов, 1987: 71–73], но рассмотрение их конкретного проявления в тексте выходит за рамки настоящей статьи.

Все вышеназванные проблемы представляют большой интерес и на современном уровне развития исследований СП, которые велись и ведутся в рамках двух направлений. Первое направление тяготеет к интерпретативной теории перевода (*théorie du sens* Д. Селескович (1998) и М. Ледерер (2003)), куда также можно включить и Д. Жиля [Gile, 2009] и Р. Сеттона [Setton, 1999, 2016]. В такого рода исследованиях большое внимание уделяется анализу текста, интерпретации смысла в процессе СП и прикладным педагогическим аспектам. Второе направление связано с изучением когнитивных механизмов работы мозга при СП и процессов обработки информации (Д. Жервер [Gerver, 1975, 1976], Д. Массаро [Massaro, 1975], Б. Мозер [Moser, 1978]). Г.В. Чернов считал, что его модель вероятностного прогнозирования является тем мостом, который связывает эти две школы воедино [Chernov, 2004, XXV].

Список литературы:

Анохин П.К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М.: Медицина, 1968. 557 с.

Выготский Л.С. Избранные психологические исследования: Мышление и речь. М.: АПН РСФСР, 1956. 519 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: МГУ, 2004. 544 с.

Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. М., 1970. С. 63–85.

Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1978. 160 с.

Иванов Н.В. Дихотомии перевода (к онтологическим основаниям определения научного объекта переводоведения) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. М., 2015. № 4. С. 34–65.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2002. 424 с.

Коровкина М.Е. От пресуппозиций к смысловым выводам: обучение синхронному переводу // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. М.: МГУ, 2020. № 1. С. 121–135.

Коровкина М.Е. Теоретические аспекты смыслового моделирования специального перевода с родного языка на иностранный (на материале публицистических текстов экономической тематики): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 241 с.

Крюков А.Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода: дис. ... д-ра фил. наук: 10.02.20. М., 1988. 442 с.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

Мишкuroв Э.Н. О «герменевтическом повороте» в современной теории и методологии перевода (часть I) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. М.: МГУ, 2013. № 1. С. 69–91.

Олейник А.Ю. Противостояние двух исследовательских подходов теории перевода // Материалы VIII Междунар. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, 27 июня 2014 г. М.: Международные отношения, 2014. С. 135–143.

Полуян И.В. Компрессия в синхронном переводе с английского языка на русский и с русского на английский. М.: Р. Валент, 2011. 112 с.

Сдобников В.В., Калинин К.Е., Петрова О.В. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: Издательский дом ВКН, 2019. 512.

Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. М.: Высшая школа, 1987. 256 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод / А.Ф. Ширяев. М.: Изд-во Мин. обор. СССР, 1979. 184 с.

Chernov Ghelly V. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model / Ed. Robin Setton and Adelina Hild. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 266 p.

Garbovskiy N., Kostikova O. Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm. *Meta*, 57 (1), 2012, pp. 48–66. URL: <https://doi.org/10.7202/1012740ar>

Gerver D. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. *Meta*, Vol. 20, 1975, pp. 119–128.

Gerver D. Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a Review and a Model. Translation. Application and Research. Ed. R. Brislin. N.Y.: Gardner Press, pp. 164–207.

Gile D. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 278 p.

Givon T. Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. New Jersey, L.: Hillsdale. 1989. 456 p.

Lederer M. Translation. The Interpretative Model. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.

Massaro D.W. Language and Information Processing. Understanding Language. Ed. D.W. Massaro. N.Y.: Academic Press, 1975, pp. 3–28.

Moser B. Simultaneous Interpretation: a Hypothetical Model and its Practical Application // Language Interpretation and Communication. Ed. D. Gerver and H.W. Sinailo. N.-Y., L.: Plenum Press, 1978, pp. 353–368.

Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.

Setton R. Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 412 p.

Setton R., Dawrant A. Conference Interpreting. A Complete Course. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. 470 p.

Marina Ye. Korovkina,

Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer at the English Language Department No.1, MGIMO-University, Moscow, Russia;
e-mail: mekorovkina@gmail.com

GELY V. CHERNOV'S LEGACY FOR RUSSIAN AND EUROPEAN RESEARCH INTO SIMULTANEOUS INTERPRETING

The article highlights the contribution made by Gelyi Chernov to researching simultaneous interpreting and describes the model of probability prediction and anticipation in simultaneous interpreting (SI) presented in his book first published in 1987. The model provides a description of SI cognitive mechanisms: probabilistic forecasting and anticipation, inferencing and compression, and the specifics of their interaction in the SI process. Probabilistic forecasting stands for the anticipation of sense (meaning) in the process of interpreting the text of the source language and it is based on inferencing. These cognitive mechanisms depend on the text function, information redundancy and text cohesion and coherence. Moreover, inferencing is based both on functional and discursive features of the text, as well as extralinguistic information related to the text. In this regard, Chernov may be considered as one of the pioneers in researching translation and interpretation in the Soviet Union and Europe alike: he was one of the first scholars to pay special attention to the pragmatic factors in simultaneous interpreting: the knowledge of a cultural context and background information, a specific subject-matter and a communicative situation in which simultaneous interpreting is used, which includes the topic of the event, participants and deixis. Further studies of the SI cognitive mechanisms from the perspective of cognitive linguistics seem a promising area of SI research.

Key words: simultaneous interpreting (SI), probabilistic forecasting and anticipation, inferencing, compression.

References

Anokhin P.K. Biologiya i neurofiziologiya uslovnogo refleksa [Biology and Neurophysiology of the Conditioned Reflex]. Moscow: Meditsina, 1968. 557 p. (In Russian).

Chernov G.V. Osnovy sinkhronnogo perevoda [The Fundamentals of Simultaneous Interpretation]. Moscow: Vysshaya shkola, 1987. 256 p. (In Russian).

Chernov Ghelly V. Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model. Ed. Robin Setton and Adelina Hild. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2004. 266 p.

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda [Theory of Translation]. Moscow: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).

- Garbovskiy N., Kostikova O.* Science of Translation Today: Change of Scientific Paradigm. *Meta*, 57 (1), 2012, pp. 48–66. URL: <https://doi.org/10.7202/1012740ar>
- Gerver D.* A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. *Meta*, Vol. 20, 1975, pp. 119–128.
- Gerver D.* Empirical Studies of Simultaneous Interpretation: a Review and a Model. Translation. Application and Research. Ed. R. Brislin. N.Y.: Gardner Press, pp. 164–207.
- Gile D.* Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009. 278 p.
- Givon T.* Mind, Code and Context: Essays in Pragmatics. New Jersey, L.: Hillsdale. 1989. 456 p.
- Lederer M.* Translation. The Interpretative Model. Manchester: St. Jerome Publishing, 2003. 239 p.
- Ivanov N.V.* Dikhotomii perevoda (k ontologicheskim osnovaniyam opredeleniya nauchnogo ob'ekta perevodovedeniya) [Translation Dichotomies (to the Ontologic Basis of Definition of a Scientific Object of Theory of Translation)]. *Vestnik MGU. Seriya 22 Teoriya perevoda*. Moscow: MGU, 2015. No. 4, pp. 34–65 (In Russian).
- Komissarov V.N.* Sovremennoe perevodovedenie [Modern Translation Studies]. Moscow: EHTS, 2002. 424 p. (In Russian).
- Korovkina M.E.* Ot presuppozitsii k smyslovym vyvodom: obuchenie sinkhronnomu perevodu [From Presuppositions to Implicatures: Teaching Simultaneous Interpreting]. *Vestnik MGU. Seriya 22 Teoriya perevoda*. Moscow: MGU, 2020. No. 1, pp. 121–135. (In Russian).
- Korovkina M.E.* Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsial'nogo perevoda s rodnogo yazyka na inostrannyi (na materiale publitsisticheskikh tekstov ehkonomicheskoi tematiki): thesis of cand. of sciences (Philology) [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse)]. Moscow, 2017. 241 p. (In Russian).
- Kryukov A.N.* Metodologicheskie osnovy interpretativnoi kontseptsii perevoda: Doctor's thesis fil. nauk. [Methodological Basis of the Interpretative Concept of Translation]. Moscow, 1988. 442 p. (In Russian).
- Leont'ev A.A.* Yazyk, rech', rechevaya deyatelnost' [Langage, Speech, Speech Activity / A.A. Leont'ev. Moscow: Prosveshchenie, 1969. 214 p.
- Massaro D.W.* Language and Information Processing. Understanding Language. Ed. D.W. Massaro. N.Y.: Academic Press, 1975, pp. 3–28.
- Mishkurov Eh.N.* O "germenevticheskom povorote" v sovremennoi teorii i metodologii perevoda (chast' I) [On Hermeneutic Shift in the Modern Theory and Methodology of Translation]. *Vestnik MGU. Seriya 22. Teoriya perevoda*. Moscow: MGU, 2013. No 1, pp. 69–91 (In Russian).
- Moser B.* Simultaneous Interpretation: a Hypothetical Model and its Practical Application. Language Interpretation and Communication. Ed. D. Gerver and H.W. Sinailo. N.Y., L.: Plenum Press, 1978, pp. 353–368.
- Oleinik A.Yu.* Protivostoyanie dvukh issledovatel'skikh podkhodov teorii perevoda [On Confrontation between Two Paradigms in Translation Studies].

Proceedings of the VIII International Conference, 27 iyunya 2014. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2014, pp. 135–143 (In Russian).

Poluyan I.V. Kompresiya v sinkhronnom perevode s angliiskogo yazyka na russkii i s russkogo na angliiskii [Compression in Simultaneous Interpreting from English into Russian and from Russian into English]. Moscow: R. Valent, 2011. 112 p. (In Russian).

Sdobnikov V.V., Kalinin K.E., Petrova O.V. Teoriya perevoda. Kommunikativno-funksional'nykh podkhod: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannykh yazykov [Theory of Translation: Communicative-Functional Approach: Textbook for Students of Linguistic Universities and Departments of Foreign Languages]. Moscow: Izdatel'skii dom VKN, 2019. 512 p. (In Russian).

Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences. Washington: Pen and Booth, 1998. 138 p.

Setton R. Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1999. 412 p.

Setton R., Dawrant A. Conference Interpreting. A Complete Course. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. 470 p.

Shiryayev, A.F. Sinkhronniy Perevod [Simultaneous Interpretation]. Moscow: Publishing House of the Defense Ministry, 1979, 184 p. (in Russian).

Shveitser A.D. Perevod i lingvistika [Translation and Linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russian).

Vygotskii L.S. Izbrannye psikhologicheskie issledovaniya: Myshlenie i rech' [Selected Research in Psychology: Thinking and Speech]. Moscow: APN RFSR, 1956. 519 p. (In Russian).

Zhinkin N.I. Grammatika i smysl. Yazyk i chelovek [Grammar and Sense]. Moscow, 1970, pp. 63–85. (In Russian).

Zimnyaya I.A. Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke [Psychological Aspects of Teaching the Skill of Speaking Foreign Language]. Moscow: Prosveshchenie, 1978. 160 p. (In Russian).

С.Е. Серкова,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: stanislava.serkova@mail.ru

ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ В УЧЕБНОМ СИНХРОННОМ ПЕРЕВОДЕ НА РОДНОЙ ЯЗЫК

В современном мире проведение различных международных форумов, конференций, переговоров и тренингов не обходится без синхронного перевода. Специфика устного синхронного перевода выдвигает на первый план понятия межъязыковой и переводческой интерференции, как значимой причины большинства совершенных переводчиками ошибок. Явление интерференции, её давление на язык перевода усиливается в условиях острого дефицита времени, высокой скорости речи оратора, нервного напряжения, которые диктует синхронный перевод. Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия двух языков: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический и стилистический. Для выявления речевых ошибок в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В → А нами был проведён анализ аудиозаписей переводов двух разных по стилю выступлений. Перевод этих речей выполнили 15 учащихся пятого курса Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Итого нами было проанализировано 30 аудиозаписей перевода. Выявление и анализ переводческих ошибок является неотъемлемой частью дидактики перевода, так как это позволяет структурировано обозначить область проблем и недочётов, а также продумать пути их устранения.

Ключевые слова: устный перевод, устный синхронный перевод, теория устного перевода, практика устного перевода, дидактика перевода, речевые ошибки.

Перевод — очень древний вид человеческой деятельности. С самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию — обеспечивал межъязыковое общение людей. В современном мире проведение различных международных форумов, конференций, переговоров и тренингов не обходится без синхронного перевода.

«Синхронный перевод можно определить как такой профессиональный вид устного перевода конференций, который осуществляется одновременно с восприятием сообщения на языке оригинала с

помощью технических средств в специально оборудованной кабине и в процессе которого — в условиях дефицита времени — на единицу текста перерабатывается информация ограниченного объёма» [Чернов, 2009: 13]. Таким образом, процесс перевода начинается и заканчивается практически одновременно с речью оратора. Синхронный переводчик может полагаться лишь на предшествующий опыт и навыки, приобретённые ранее, а также знания, хранящиеся в памяти, и то лишь на ту их часть, которую он в состоянии быстро, в доли секунды, извлечь из своей памяти.

В процессе своей работы письменный переводчик может советоваться с коллегами, пользоваться словарями, энциклопедиями, справочниками, современными информационными источниками. Он может переписать и отредактировать текст, добавить или снять слово или фразу, сделать перерыв в поиске самого лучшего решения для передачи смысла оригинала. К тому же текст, подлежащий письменному переводу, создан в прошлом, т.е. до начала перевода, он закончен и изменениям не подлежит, его можно прочитать, отложить на время и вернуться к нему позднее. Устный же переводчик имеет дело не с письменными текстами (если только это не перевод с листа, во время которого устный переводчик всё равно не может пользоваться привилегиями письменного), а с речью и разговором. Как правило, устный переводчик не имеет времени советоваться с коллегами или пользоваться справочным материалом, он должен немедленно реагировать на услышанное им сообщение. Конец высказывания оратора как правило непредсказуем, в устном сообщении идеи быстро сменяют одна другую, и переводчик может опираться только на память и свои краткие записи. Устный переводчик должен правильно переводить с первого раза, времени на раздумья и подбор вариантов у него нет. Опытный письменный переводчик может перевести около 8 страниц в день, а синхронный переводчик может отработать эти 8 страниц за 30 минут.

В психологическом отношении условия работы синхрониста весьма нелёгкие. «Поскольку любой оратор обращается в конечном счёте не к переводчику, а к слушателям, синхронисту приходится выполнять двойную роль — быть получателем и отправителем информации и делать оба дела одновременно» [Швейцер, 1973, с. 63]. В условиях острого дефицита времени, отсутствия вспомогательных источников, в ситуации волнения синхронистам приходится принимать переводческие решения.

Учитывая приведённые выше различия в условиях и специфике деятельности письменных и устных переводчиков, становится

понятно, что вероятность ошибок в устном синхронном переводе намного выше.

Самыми очевидными причинами переводческих ошибок, как смысловых, так и речевых, принято считать недостаточный уровень владения родным языком, недостаточный уровень владения языком перевода, невысокий уровень лингвистической культуры, низкий уровень эрудиции и фоновых знаний. Однако большинство студентов старших курсов сложно упрекнуть в вышеперечисленных проблемах.

В Высшей школе перевода МГУ имени М.В. Ломоносова обучение синхронному переводу осуществляется на пятом и шестом курсах. Первые четыре года обучения студенты получают знания в области стилистики русского языка и культуры речи, теории, истории и методологии перевода, частной теории перевода, развивают свою эрудицию и повышают уровень фоновых знаний на лекциях и семинарах по истории, литературе, экономике, юриспруденции, оттачивают уровень владения иностранным языком, постигают тонкости письменного и устного последовательного перевода. Такая планомерная и тщательная подготовка будущих переводчиков сводит к минимуму общепринятые причины переводческих ошибок.

Специфика устного синхронного перевода выдвигает на первый план понятия межъязыковой и переводческой интерференции, как значимой причины большинства совершенных переводчиками ошибок. «Интерференция может быть обусловлена как воздействием текста оригинала на мышление переводчика, так и доминированием системы одного языка над системой другого в сознании переводчика. Переводческие ошибки возникают на этапе, когда переводчик принимает решение о переводе той или иной единицы ориентирования. Они могут быть обусловлены как неверной расшифровкой смысла знаков, составляющих единицу ориентирования, так и неправильным выбором знаков в переводящем языке для оформления единицы перевода» [Гарбовский, 2007: 515].

Интерференция может затрагивать любой уровень взаимодействия двух языков: фонетический, лексический, морфологический, синтаксический и стилистический.

Для выявления речевых ошибок в устном синхронном переводе у обучающихся при работе в комбинации В → А (английский язык — русский язык) нами был проведён анализ аудиозаписей переводов двух разных по стилю выступлений: выступления постоянного представителя Швеции при ООН Мартина Грундич на Генеральной Ассамблее, а также выступления бизнес-тренера, лектора, всемирно

известного консультанта в сфере бизнес-образования, психологии и продаж Брайана Трейси в рамках бизнес-тренинга.

Перевод этих речей выполнили 15 учащихся пятого курса Высшей школы перевода (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова. Итого нами было проанализировано 30 аудиозаписей перевода.

На фонетическом уровне интерференция в устном синхронном переводе в комбинации В → А особенно отчётлива при неверном интонационном оформлении текста. Например, обучающийся копирует интонацию оригинальной речи, делая движение тона нисходящим или восходящим в тех случаях, когда для русского языка это не характерно. Также это явление прослеживается, когда переводчик невольно произносит русские слова с английскими звуками.

На лексическом уровне влияние интерференции можно наблюдать в следующем:

- 1) нарушение лексической сочетаемости:
 - national anthem — *национальный гимн*, вместо государственный гимн;
 - state secret — *государственный секрет*, вместо государственная тайна;
 - general debate — *генеральные дебаты*, вместо общие прения;
 - personal papers — *персональные бумаги*, вместо личные документы;
 - stop a terrorist group — *прекратить террористическую группировку*, вместо остановить/устранить/ликвидировать;
 - I warmly welcome the participants — *очень приветствую участников*;
 - we have to stress the importance — *мы должны чётко подчеркнуть важность*;
 - An enjoyable career will make your whole life enjoyable — *приятная карьера сделает всю вашу жизнь приятной*;
 - If you are currently stuck in your career — *если вы застряли там, где находитесь сейчас / если вы чувствуете себя застрявшим в карьере*;
 - A successful career is something under your own control — *иметь успешную карьеру — это то, что вы можете сделать самостоятельно / успешная карьера — это, что вы можете контролировать / карьера находится под вашим собственным контролем*;
 - I will teach you how to enjoy a successful career in 6 steps — *Я научу вас, как наслаждаться успешной карьерой на примере 6 шагов / как наслаждаться успехом в карьере за 6 шагов / как наслаждаться своей*

карьерой и о 6 шагах / хочу научить вас шести способам получения удовлетворения от работы / хочу рассказать о шести способах, как получать удовольствие касательно своей работы;

– International community has come together to deal with the challenge posed by the terrorist group — *мировое сотрудничество собирается вместе, чтобы решить угрозу / мировое сообщество должно вместе справляться с угрозой;*

– It is because challenges such as these continue to exist that we need strong international cooperation — *потому что такие проблемы продолжают существовать, мы должны иметь крепкое сотрудничество;*

– Sweden is a part of this common effort — *Швеция является частью этого общего усилия / Швеция участвует в этих усилиях;*

2) речевая избыточность в форме плеоназмов:

– top priority — *главный приоритет;*

– spare time — *свободный досуг;*

– summit — *саммит на высшем уровне;*

– response — *ответная реакция;*

3) речевая избыточность в форме тавтологии:

– In this video I will teach you how to enjoy career success — *в этом видео я научу вас, как научиться делать карьеру;*

– People don't like their jobs — *люди работают на работах, которые им не нравятся;*

– The workers are busy in my room — *рабочие работают в моей комнате;*

– The international community has come together to take joint action to address the threat — *мировое сообщество проявило решимость принять решительные коллективные действия;*

4) речевая избыточность в форме нанизывания, то есть неоправданном употреблении синонимов в пределах одной фразы:

– Avoid getting stuck in your career — *никогда не останавливайтесь, совершенствуйтесь, самосовершенствуйтесь;*

– This crisis entails significant risks to global stability — *этот кризис влечёт за собой серьёзные, значительные угрозы для мировой стабильности;*

– We must do our utmost to reach agreement with Iran on its nuclear program — *мы должны сделать всё возможное, всё, что в наших силах, чтобы достичь соглашения с Ираном;*

– Political engagement will remain indispensable — *политическое участие является и останется незаменимым;*

5) речевая избыточность в форме ляпалиссиады, то сеть много-словии, доходящем до абсурдности:

– The war brought dead bodies all over the world — в результате войны по всему миру были *трупы, не обнаруживающие признаков жизни*;

Таким образом, давление языка оригинала может привести к образованию калек, а в худшем случае, к появлению такого содержания, которое невозможно будет воспринимать на слух.

На морфологическом уровне интерференция подталкивает к искажению грамматических значений, например, родо-временных значений (the news is quite optimistic — новости была достаточной оптимистичной), к неверному определению рода и числа у аббревиатур:

– the UN should be the model — ООН *должно* подавать пример;

– the WTO insists on application of these measures — WTO *настаивают* на внедрении этих мер;

– It was in order to deal with challenges such as these that the United Nations was created — именно для того, чтобы справляться с подобными вызовами и *был создан* ООН;

Также были отмечены нарушения в падежных окончаниях, отсутствие согласования:

– When the Iraqi government requested humanitarian and military aid — когда правительство Ирака обратилось за *гуманитарной и военной помощью*;

– These actions will contribute to our future which will be more prosperous, gender equal and democratic — эти действия будут содействовать будущему, которое *будет более процветающим, больше гендерного равенства, демократическим*;

На синтаксическом уровне интерференция зачастую является причиной ошибок в управлении:

– congratulate on the achievement — *поздравляю на* достижении;

– The UN has always contributed to peace building — ООН всегда *вносила вклад для того, чтобы* создать мир;

– In the Middle East, with the brutality of a terrorist organization that has forced entire populations to flee — на Ближнем Востоке жёсткость террористической организации привела к тому, что большое количество людей было вынуждено *бежать, при этом наводя угрозу* по всему земному шару / на Ближнем Востоке весь мир был повергнут в ужас *жестокостью терроризма, которые вынуждены спасаться бегством*;

Безусловно, явление интерференции, её давление на язык перевода усиливается в условиях острого дефицита времени, высокой скорости речи оратора, нервного напряжения, которые нам диктует синхронный перевод.

Для анализа перевода были неслучайно выбраны выступления в различных стилях. Выступление постоянного представителя Швеции при ООН выдержано в официально-деловом стиле. Более того, языку международных организаций всегда характерны определенные особенности: сложный синтаксис, в котором доминируют сложноподчинённые и сложносочинённые предложения с параллельными оборотами, сложные предлоги. В подобных речах преобладают политические штампы и традиционные формулировки, как правило, отобрана лексика возвышенного, книжного характера. В большинстве случаев речевые ошибки при переводе подобных речей вызваны незнанием этих особенностей, незнанием закреплённых в речи клише.

Выступление бизнеса-тренера Брайна Трейси в большей степени выдержано в разговорном стиле, однако его речи свойственна особая метафоричность и выразительность. При переводе данной речи явление интерференции сказалось особенно сильно на всех языковых уровнях.

Выявление и анализ переводческих ошибок является неотъемлемой частью дидактики перевода, так как это позволяет структурированно обозначить область проблем и недочётов и продумать пути их устранения.

Список литературы

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 208 с.

Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.

Источники

Grunditz Marten. Permanent representative of Sweden to the United Nations at the General Debate of the 69th session of the General Assembly, United Nations, New York, 29 september 2014 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://gadebate.un.org/en/69/sweden>

Tracy Brian. 6 Ways to Better Enjoy Your Career [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=B2fW3DJf35Y&t=104s>

Stanislava Ye. Serkova

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpreting,
Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: stanislava.serkova@mail.ru

TRANSLATION INTERFERENCE AND SPEECH ERRORS MADE BY STUDENTS IN SIMULTANEOUS INTERPRETING IN THE B→A LANGUAGE COMBINATION

Today, simultaneous interpreting is an integral part of international conferences, fora, negotiations and training programs. The specific character of simultaneous interpreting shows that one of the most significant reasons for interpreters' mistakes is interlingual and translation interference. Interference and its pressure on the target language increase due to tight time constraints, a rapid pace of the speaker's delivery and the interpreter's mental strain which are all common with simultaneous interpreting. Interference influences all levels of the target language: phonetic, lexical, morphological, syntactic and stylistic. In order to find speech errors made by students during simultaneous interpreting (the B→A English-Russian language combination), we analyzed the interpreting records of 15 students at the Higher School of Translation and Interpreting of Lomonosov Moscow State University. The students in question interpreted two different speeches. Altogether 30 records were analyzed. Such analysis of speech errors is indispensable in order to reveal blind spots and find solutions to the aforementioned problems.

Key words: interpreting, simultaneous interpreting, the theory of interpreting, interpreting practice, interpreting didactics, speech errors.

References

Chernov G.V. Teoriya i praktika sinkhronnogo perevoda [The Theory and Practice of Simultaneous Interpreting]. Izd. 3-e. Moscow: Knizhnyi dom "LIBROKOM", 2009. 208 p. (In Russian).

Garbovskii N.K. Teoriya perevoda [The Theory of Translation]. 2-e izd. Moscow: Izd-vo Mosk.un-ta, 2007. 544 p. (In Russian).

Grunditz Marten. Permanent representative of Sweden to the United Nations at the General Debate of the 69th session of the General Assembly, United Nations, New York, 29 september 2014. URL: <https://gadebate.un.org/en/69/sweden>

Shveitser A.D. Perevod i lingvistika [Theory and Linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973. 280 p. (In Russian).

Tracy Brian. 6 Ways to Better Enjoy Your Career. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=B2fW3DJf35Y&t=104s>

Д.Ю. Шебаршина,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова;
e-mail: shebarshina@mail.ru

УСТНЫЙ СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД: ОПРАВДАНЫЕ И ВЫНУЖДЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ПЕРЕВОДА

При осуществлении процесса синхронного перевода синхронист проводит ряд синтаксических, семантических и лексико-синтаксических трансформаций. В то же время, различные лингвистические и внелингвистические факторы (физиологические, психологические и прочие) затрудняют выбор наилучшей переводческой стратегии. Это, в свою очередь, приводит к появлению ряда вынужденных трансформаций. Задача данного исследования — выявить оправданные и неоправданные вынужденные трансформации и оценить качество предложенного синхронного перевода.

Ключевые слова: перевод, синхронный перевод, оправданная и вынужденная трансформация, синтаксическая, семантическая, лексико-синтаксическая трансформация.

Подобно тому как прецеденты облегчают процесс судопроизводства в рамках правовой системы, в переводе в качестве прецедентов выступают переводческие трансформации — незаменимый инструмент для решения сугубо переводческих проблем. Н.К. Гарбовский отмечает, что «переводческие трансформации являются обычной процедурой любого процесса перевода в силу асимметричности систем любой пары языков, сталкивающихся в переводе» [Там же: 365].

Н.К. Гарбовский характеризует переводческую трансформацию как «такой процесс перевода, в ходе которого система смыслов, заключённая в речевых формах исходного текста, воспринятая и понятая переводчиком в силу его компетентности, трансформируется естественным образом вследствие межъязыковой асимметрии в более или менее аналогичную систему смыслов, облакаемую в формы языка перевода» [Там же: 366]. Каковы же мотивы, побуждающие переводчика преодолевать данную межъязыковую асимметрию? Лингвист А.Ф. Архипов в своём исследовании приводит целый ряд причин:

1. Стремление избежать нарушения норм сочетаемости единиц в языке перевода.
2. Стремление использовать выражения и конструкции, наиболее употребительные в переводящем языке.
3. Необходимость преодоления межъязыковых различий в оформлении однородных членов предложения.
4. Стремление избегать чуждых переводящему языку словообразовательных моделей.
5. Стремление избегать неестественности, неэстетичности повторов, громоздкости, неясности и нелогичности выражения.
6. Стремление к более компактному варианту перевода.
7. Стремление донести до рецептора важную фоновую информацию или снять избыточную.
8. Стремление воссоздать трудно передаваемую игру слов, образность¹.

Из вышеприведённых пунктов видно, что перевод сродни линейному уравнению с бесконечным множеством решений — в процессе перевода переводчик сталкивается с множеством неизвестных факторов и условий, которые надо учесть и выполнить. Перевод по своей сути многолик — он может быть письменным и устным. Устный перевод, в свою очередь, подразделяется на устный последовательный, устный синхронный перевод, перевод с листа. Соответственно, для каждого отдельного вида перевода в большей или меньшей степени характерны определенные переводческие трансформации, то есть инструменты, обуславливающие типизацию переводческих решений.

Безусловно, одинаково важен и интересен для исследователей языка анализ переводческих трансформаций во всех видах и подвидах перевода, тем не менее, данная работа посвящена трансформациям, обнаруженным нами в устном синхронном переводе.

Многие теоретики и практики анализировали синхронный перевод. Так, В.Н. Комиссаров характеризует синхронный перевод как «способ устного перевода, при котором переводчик, слушая речь оратора, практически одновременно (с небольшим отставанием 2–3 сек.) проговаривает перевод» [Комиссаров, 2001: 112]. Г.В. Чернов характеризует синхронный перевод как «двужычную коммуникативно-речевую деятельность, осуществляемую в экстремальных условиях — мощных физических, психологических и семантических «помех», острого дефицита времени и внешнего контроля за темпами протекания деятельности» [Чернов, 1978: 130].

¹ *Архипов А.Ф.* Практический самоучитель перевода по немецкому языку. М.: Изд-во Высшая школа, 1991.

Согласно «модели усилий» французского лингвиста Даниэля Жилия, во время синхронного перевода мозг параллельно выполняет три операции: воспринимает и обрабатывает текущий фрагмент сообщения на исходном языке, удерживает в памяти предыдущие части и порождает эквивалентное сообщение на языке перевода. Учёный отметит, что ввиду ограниченного когнитивного ресурса синхронные переводчики работают в режиме динамического перераспределения внимания. В частности, по мере увеличения отставания от докладчика уменьшается глубина обработки информации, которую переводчик слышит в данный момент. Это объясняется тем, что чем больше временное отставание, тем больше нагрузка на рабочую память, а чем больше когнитивных ресурсов выделено для удержания предыдущей информации, тем меньше ресурсов доступно для обработки новой информации (перевод мой — Д.Ш.) [Gille, 1995: 30].

Современные исследователи рассматривают синхронный перевод с позиции нейролингвистики. Так, учёные из Женевского университета, занимающиеся исследованием языка и мозга, выявили с помощью функциональной магнитно-резонансной томографии (фМРТ) участки головного мозга, задействованные в процессе синхронного перевода. Нейролингвисты называют данные участки головного мозга «черными ящиками», поскольку нейронные процессы, протекающие в них, отличаются крайне сложной природой. Благодаря исследованиям мозга и языка, учёным удалось выяснить, что нет единого мозгового центра, отвечающего за процесс синхронного перевода: именно взаимодействие разных областей головного мозга обеспечивает этот сложный процесс. Следовательно, вопрос координирования деятельности разных участков мозга в момент осуществления этого сложного процесса становится основным предметом исследования современных нейролингвистов² (перевод мой — Д.Ш.).

Таким образом, экстремальные условия осуществления синхронного перевода определяют стратегию, которую избирает переводчик в тот или иной момент перевода. Итальянская лингвистка Алессандра Рикарди разделяет стратегии синхронного перевода на стратегии, в основе которых заложены знания, и стратегии, в основе которых заложены навыки. Последние она характеризует как «храняемые в долгосрочной памяти стандартные переводческие решения, клише, целесообразность использования которых определяется в момент осуществления коммуникативного акта»

² <http://www.bbc.com/future/story/20141117-the-ultimate-multi-taskers>

(перевод мой — *Д.Ш.*) [Ricardi, 2005: 760]. Подобные стратегии применяется синхронистом, в том числе, и в формальных ситуациях: при приветствии, выражении благодарности, оглашении повестки дня, прощании и пр. Второй вид стратегий — это стратегии, в центре которых знания. Данные стратегии Рикарди характеризует как «сознательный аналитический процесс, который запускается в тот момент, когда синхронист оказывается неспособным найти незамедлительное переводческое решение или же когда ресурс памяти переводчика оказывается перегружен» (перевод мой — *Д.Ш.*) [Ricardi, 2005: 762].

Так, для успешного осуществления заданных стратегий необходима координация разных областей головного мозга переводчика. Таков принцип работы синхрониста, и он ещё раз доказывает уникальность и сложность самого процесса синхронного перевода. Разные стратегии синхронного перевода находят своё отражение в тех переводческих трансформациях, которые воплощает в жизнь переводчик.

Здесь мы представим переводческие трансформации, которые были обнаружены в нашем материале и которые включают семантические, синтаксические и лексико-синтаксические преобразования. В свою очередь, трансформации в зафиксированных нами случаях будут иллюстрировать как оправданный выбор синхрониста, так и вынужденное решение, своеобразный переводческий просчёт, снижающий качество перевода. Аналитический комментарий к каждому случаю использования переводчиком той или иной стратегии покажет, какая именно трансформация использована синхронистом — оправданная или вынужденная.

При демонстрации случаев использования оправданных и вынужденных трансформаций в устном синхронном переводе с английского и испанского языков на русский мы приводим примеры из профессионального перевода, осуществляемого переводчиками Организации Объединённых Наций на семьдесят второй сессии Генеральной Ассамблеи.

1. Оправданные и вынужденные синтаксические трансформации

• Замена предложного оборота придаточным предложением

В английском и испанском языках наблюдается очевидная тенденция к использованию сжатых конструкций. При переводе таких сжатых конструкций на русский язык представляется необходимым развёртывание высказывания в силу особенностей грамматического строя русского языка. Пример:

1. This is the beautiful *vision of this institution*, and this is foundation for cooperation and success [1³]. — Вот прекрасное *видение, которое воплощает это учреждение*, это устой для сотрудничества и для успеха [1.1].

Переводчик-синхронист вынужден заменить английский предложный оборот “*vision of this institution*” на придаточное определительное предложение «*которое воплощает это учреждение*» из-за особенностей лексической сочетаемости в русском языке. Так, слово «видение» может сочетаться лишь с одушевлённым существительным, следовательно, введение придаточного предложения позволяет сохранить лексическую сочетаемость.

2. ¿*Hay esperanza para los conflictos* que aún subsisten en el planeta! [2]. — *Есть надежда на то, что будут погашены конфликты*, которые разгорелись в настоящий момент в других странах мира! [2.2].

В данном случае в оригинальной фразе “*Hay esperanza para los conflictos*” в предложном обороте опущен инфинитив, что свойственно грамматике испанского языка. Следовательно, переводчику при переводе на русский язык необходимо передать подразумеваемый смысл оригинала посредством введения придаточного предложения «*Есть надежда на то, что будут погашены конфликты*».

3. ¿*Cómo puede esto reconciliarse con la Idea de los Presidentes Reagan y Trump de “America First”?* [3]. — И как это увязать с *принципом «Америка прежде всего»*, который продвигал президент Рейган и сейчас продвигает Трамп? [3.3].

Здесь в испанском языке мы наблюдаем сжатую конструкцию, состоящую из двух предложных оборотов, вводимых предлогом “*de*” и зависимых от одного слова “*la Idea*”. В русском языке переводчик применяет тактику развёртывания высказывания через использование придаточного определительного предложения для передачи смыслов исходного предложения. На наш взгляд, использование данной трансформации не вполне оправдано, поскольку грамматический строй переводного языка позволяет в данном случае сохранить сочетаемость без добавления излишних элементов речи. Например, «И как это увязать с *принципом «Америка прежде всего»* *президентов Рейгана и Трампа?*» (перевод мой — Д.Ш.). К тому же, в синхронном переводе воспроизведение протяжённого речевого сообщения на языке перевода компенсируется за счёт ресурса памяти, в результате чего перевод последующего высказывания может характеризоваться значительными смысловыми потерями.

³ Здесь и далее см. материалы исследования. Н. В.: особенности нумерации материалов, например, 1 — выступление на оригинальном языке, 1.1 — перевод выступления (2 и 2.2, 3 и 3.3 и т.д.).

- **Замена придаточного предложения причастным, именным, предложным оборотом, вводной конструкцией и т.д.**

1. 4 años después, veo hacia atrás cómo Honduras ha enfrentado los principales retos *que encontramos* [4]. — Прошло четыре года, и я вижу, как Гондурас справился с существенными проблемами *на своём пути* [4.4].

При переводе с испанского языка происходит замена придаточного определительного предложения “*que encontramos*” («которые мы встретили на своём пути») на обстоятельство места «*на своём пути*». Данная трансформация представляется нам целесообразной, поскольку она позволяет переводчику: во-первых, опустить элементы, не привносящие новый смысл в переводное высказывание, во-вторых, сосредоточиться на процессе восприятия и осознания поступающего сообщения.

2. I am pleased that India has displayed the courage and leadership to take tough decisions, which *have launched the interlinked process of sustainable development* [5]. — Я рада, что Индия проявила смелость и лидерство и приняла тяжёлое решение *ради устойчивого развития* [5.5].

Придаточное определительное предложение в английском языке «*which have launched the interlinked process of sustainable development*» преобразуется в предложный оборот «*ради устойчивого развития*» в русском языке. Трансформация сопряжена с определенными смысловыми потерями в ПЯ, а потому является вынужденной. Однако, приоритетная задача синхрониста — уложиться во временные рамки, диктуемые высоким темпом процесса синхронного перевода.

- **Замена пассивной конструкции активной и наоборот**

1. Through Skill India, Start-Up India and Stand-Up India poor and middle class youth are being trained to match their honed talent with bank credit and become self-employed or small-scale entrepreneurs [5]. — *Программы Skill Индия, Start-Up Индия и Stand-Up Индия помогают бедным слоям населения, среднему классу получать* новые навыки для того, чтобы превращаться в средних предпринимателей [5.5].

Здесь мы видим грамотную замену английской пассивной конструкции “*middle class youth are being trained*” активной конструкцией в русском языке «*программы... помогают бедным слоям населения, среднему классу получать...*». Данная синтаксическая замена продиктована стремлением синхронного переводчика максимально упростить синтаксис в языке перевода для обеспечения лучшей

сочетаемости элементов высказывания в поступательно разворачивающемся процессе перевода.

2. Como consecuencia de estos fenómenos naturales, *las lluvias e inundaciones* en el último año *han provocado* pérdidas cuantiosas al afectar miles de kilómetros de carreteras y caminos vecinales [3]. — Из-за природных бедствий, *из-за дождей и наводнений* в прошлом году *были разрушены* тысячи километров шоссе и дорог [3.3].

Стоящее в действительном залоге предложение на испанском языке “*las lluvias e inundaciones... han provocado...*” в русском языке оказывается переданным через страдательный залог «*из-за дождей и наводнений... были разрушены*». Подобная трансформация, на наш взгляд, объясняется линейностью развёртывания высказывания при синхронном переводе и нежеланием переводчика переделывать конструкцию в условиях нехватки временного ресурса. Мы считаем, что трансформация в данном случае имеет оправданный характер, некоторые элементы смысла упущены, при этом в целом перевод высказывания получился. Именно синтаксическая гибкость русского языка помогла переводчику выполнить перевод, допустив лишь некоторые смысловые потери.

• **Приём объединения предложений** — это способ перевода, при котором синтаксическая структура оригинала преобразуется путём соединения двух простых предложений в одно сложное [Комиссаров, 1990: 218].

1. This institution was founded in the aftermath of two world wars to help shape this better future. *It was based on the vision* that diverse nations could cooperate to protect their sovereignty, preserve their security, and promote their prosperity [4]. — Такое учреждение, как ООН, ведь создали после двух мировых войн, чтобы сформировать облик лучшего будущего *на основе видения*, что самые разные страны могут сотрудничать друг с другом, чтобы ограждать свой собственный суверенитет, сохранять безопасность и поощрять процветание [4.4].

Данный пример иллюстрирует приём объединения предложений при переводе с английского языка на русский. Объединение предложений обусловлено невысоким темпом речи оратора, что, в свою очередь, позволило переводчику соединить два простых предложения.

2. Mr. President, *There are two ways of addressing the curse of poverty. The traditional method is through incremental levels of aid and hand-holding. But our Prime Minister Narendra Modi has chosen the more radical route, through economic empowerment* [6]. — *Госпожа председатель, можно двояко подойти к искоренению нищеты — это*

традиционный метод увеличения гуманитарной помощи. Но наш премьер-министр Нарендра Моди пошёл по более радикальному пути — это расширение экономических прав и возможностей [6.6].

Здесь мы обнаруживаем некорректное употребление приёма объединения предложений. В примере на языке оригинала мы видим последовательность логичных высказываний: смысл одного высказывания дополняется следующим. Однако, при переводе высказываний на русский язык логические связи нарушаются, синхронисту не удаётся грамотно расставить смысловые акценты. Это не иначе как вынужденная трансформация.

- **Приём членения предложения**

1. *Los dolorosos daños a servicios y las pérdidas de bienes sociales y personales, las privaciones ocasionadas a las familias por largas horas sin electricidad o abasto de agua, acentuaron la unidad y solidaridad de nuestro noble y heroico pueblo* [3]. — Был нанесён колоссальный ущерб различным службам, социальному и личному имуществу. Кроме того, пострадали многие семьи — долгие часы они находились без электроснабжения и воды. Всё это сплотило наш народ, повысило солидарность нашего героического народа [3.3].

Оригинальное предложение на испанском языке содержит целый ряд однородных распространённых подлежащих со сказуемым, значительно отстоящим от первого подлежащего. Переводчик, чтобы избежать перегруженности предложения и потенциальных ошибок в лексической сочетаемости, принимает решение разбить сложное предложение на три простых.

2. *International criminal networks traffic drugs, weapons, people; force dislocation and mass migration threaten our borders; and new forms of aggression exploit technology to menace our citizens* [1]. — Международные преступные сети. Торговля наркотиками, оружием, людьми. Принудительное перемещение людей. Массовая миграция. Угроза нашим границам. Новые формы агрессии с использованием технологий для того, чтобы угрожать нашим гражданам [1.1].

В данном примере мы видим трансформацию, которую вряд ли можно считать оправданной. Переводчик в силу определенных обстоятельств, будь то высокий темп оратора, протяжённый ряд однородных подлежащих или же психологический фактор, не смог вычленить сказуемые в оригинальном предложении. В результате чего, он меняет тип предложения на назывное, чем вносит явную неточность в расстановку логических связей в предложении. Эта вынужденная трансформация, на наш взгляд, не является успешным примером синхронного перевода.

2. Оправданные и вынужденные семантические трансформации

• **Трансформация генерализации** предполагает замену единицы ИЯ, имеющей более узкое значение, единицей ПЯ с более широким значением [Комиссаров, 1990: 214]. Пример:

1. Desde esta tribuna, con respeto y *cariño*, envío un caluroso saludo al Pueblo panameño que me dio la oportunidad de servirle [7]. — С трибуны *с самыми лучшими чувствами* и уважением приветствую народ Панамы, который дал мне возможность служить ему [7.7].

Здесь переводчик имеет дело с несовпадением языковых регистров испанского и русского языков. В переводе на русский язык слово *cariño* означает «нежность», «забота», что неприемлемо в конкретной ситуации перевода, поэтому переводчик использует приём генерализации *с самыми лучшими чувствами*, который нейтрализует нежелательную коннотацию.

2. America's devotion is measured on the battlefields where *our young men and women* have fought and sacrificed alongside of our allies, from the beaches of Europe to the deserts of the Middle East to the jungles of Asia [1]. — Приверженность этому Америки измеряется на поле боя, где *наши молодые люди* сражались и жертвовали жизнью вместе со своими союзники от берегов Европы до пустынь Ближнего Востока и дальше до джунглей Азии [1.1].

Представляется противоречивым данный пример, иллюстрирующий употребление приёма генерализации. Употребление словосочетания *our young men and women* в оригинальном тексте обусловлено стремлением оратора избежать гендерной асимметрии в языке оригинала. Однако синхронист не отражает в своём переводе на русский язык столь важную для общества США проблематику — вопрос гендерного равенства, ограничиваясь лишь словосочетанием *наши молодые люди*. С другой стороны, в России не существует гендерной проблематики в языке, в результате чего, вероятно, переводчик и предложил вариант, коррелирующий с реалиями российской действительности.

3. En nombre de cerca de 50 *millones de colombianos*, quiero decir al Secretario General, al Consejo de Seguridad, a esta Asamblea: ¡GRACIAS! [2]. — *Многие миллионы жителей Колумбии* с удовольствием через меня передают вам слова благодарности [2.2].

Здесь мы обнаруживаем целых два случая использования трансформации генерализации.

Во-первых, синхронист при переводе словосочетания *50 millones de colombianos* в силу определенных факторов не расслышал точную

цифру и обратился к приёму генерализации — *многие миллионы*. Подобная трансформация не позволяет точно передать прецизионную информацию, соответственно, имеет вынужденный характер.

Во-вторых, в выступлении на испанском языке оратор от имени народа Колумбии благодарит различные структуры ООН и, в частности, Генерального Секретаря. Переводчик заменяет соответствующие названия на местоимение *вам*, что в контексте масштаба и статуса мероприятия не является вполне оправданной стратегией.

• **Трансформацией конкретизации** называется замена слова или словосочетания ИЯ с более широким предметно-логическим значением словом и словосочетанием ПЯ с более узким значением. В результате применения этой трансформации создаваемое соответствие и исходная лексическая единица оказываются в логических отношениях включения: единица ИЯ выражает родовое понятие, а единица ПЯ — входящее в неё видовое понятие [Комиссаров, 1990: 213]. Конкретизация бывает языковой и контекстуальной. Пример:

1. For more than 70 years, in times of war and peace, the leaders of nations, movements, and religions *have stood before this assembly* [1] — За более чем 70 лет времён войны и мира руководители стран, движений и религий *выступали здесь, с трибуны Генеральной Ассамблеи* [1.1].

Перед нами пример контекстуальной конкретизации — приёма, обусловленного факторами конкретного контекста. Так переводчик в стремлении достичь большей образности перевода обращается к этому приёму: *«выступали здесь, с трибуны Генеральной Ассамблеи»*.

2. So as the world looks on, I am calling for further steps and for nations with this special responsibility to work together and exert the pressure we know is necessary to force Kim Jong Un *to change his ways* [8]. — И сейчас, когда ждёт дальнейших шагов мир, я призываю принять такие меры и усилить нажим, чтобы заставить Ким Чен Ына *исправить своё поведение* [8.8].

Здесь использование приёма конкретизации обусловлено тем, что для английского словосочетания *to change one's ways* в русском языке нет прямого эквивалента с такой же широкой семантикой, поэтому синхронист вынужден подбирать слово с конкретным значением. Переводчик на ПЯ подобрал словосочетание *исправить своё поведение*, которое, на наш взгляд, не в полной мере соответствует коммуникативному регистру речи.⁴ Данный пример являет собой

⁴ Модель речевой деятельности, обусловленная точкой зрения говорящего и его коммуникативными интонациями, располагающая определённым репертуаром языковых средств и реализованная в конкретном фрагменте текста.

случай вынужденной переводческой трансформации, которая обусловлена совокупностью факторов.

3. Оправданные и вынужденные лексико-синтаксические трансформации

• **Экспликация или описательный перевод** служит для передачи значения единицы ИЯ при помощи более-менее распространённого объяснения. Сущность трансформации заключается в преобразовании внутренней формы слова или словосочетания, или полной её замене для адекватной передачи содержания высказывания. Пример:

1. The Philippines, as ASEAN Chairman this year, looks forward to commencing negotiations on the *long-overdue* code of conduct in West Philippine Sea/South China Sea [9]. — Филиппины в качестве председателя АСЕАН в этом году надеются на успешные переговоры по кодексу поведения в Западно-Филиппинском / Южно-Китайском море. *Уже давно нужно было принять* этот кодекс [9.9].

Во фразе на ИЯ у переводчика возникают сложности с переводом прилагательного “*long-overdue*”, для которого не существует прямого эквивалента на ПЯ. Синхронист принимает решение ввести новое предложение, растолковывающее значение вышеупомянутого прилагательного. Таким образом, здесь мы наглядно видим использование приёма экспликации.

2. To put it simply, we meet at a time of both immense promise and great peril. It is entirely up to us whether we lift the world to new heights, or let it fall into *a valley of disrepair* [1]. — Просто-напросто говоря, мы сейчас проводим встречу во времена самых выдающихся возможностей и огромных опасностей. От нас зависит, выведем ли мы мир на новую высоту, либо же он обрушится *в долину, из которой он уже никогда не выйдет* [1.1].

Здесь переводчик обращается к дословному переводу или нулевой трансформации: английское слово “*valley*” («долина») синхронист переводит дословно. При этом у переводчика возникают трудности с передачей дополнения “*disrepair*”, для которого нет прямого соответствия в русском языке. В результате чего, переводчик прибегает к стратегии использования описательного перевода для передачи сложного для перевода термина. Следует заметить, что при избрании стратегии, отличной от стратегии нулевой трансформации, у переводчика бы не возникли трудности с переводом данного термина. На наш взгляд, словосочетание “*a valley of disrepair*” уместно перевести словом «*пропасть*», при этом отпадает необходимость использования экспликации. Нулевая

трансформация и последующая экспликация представляются нам вынужденными трансформациями, не передающими содержание оригинала в идиоматичной форме в русском языке.

• **Конверсная трансформация** — это «такое преобразование исходной фразы, в результате которого получается новая фраза, отображающая то же самое, что и исходная фраза — отношение между элементами ситуации действительности, но описывающая это отношение с другого конца» [Латышев, 1981: 185–186]. При конверсной трансформации меняется структура предложения, лексическая составляющая, синтаксические функции слов и словосочетаний.

Пример:

1. *If complacency defines the next 13 years then we are in danger of losing control* [5]. — *Если предстоящие 13 лет пройдут без результата*, то мы потеряем контроль над ситуацией [5.5].

Преобразование прямого дополнения “*the next 13 years*” в подлежащее «*предстоящие 13 лет*» включает в себе приём конверсной трансформации, характеризующейся изменением синтаксической функции слов предложения. Возможно было перевести данное предложение без изменения синтаксической функции слов, тем не менее, трансформация, произведённая переводчиком, не искажает смысл, заложенный в оригинальном предложении, поэтому её можно считать оправданной.

2. *Ni siquiera para los ricos, habrá la prosperidad que se anuncia, sin detener el cambio climático* [3]. — *Даже богатые не смогут наслаждаться своим изобилием, если не остановит изменение климата* [3.3].

В синхронном переводе часто замена косвенного дополнения подлежащим помогает переводчику снизить вероятность ошибиться в лексической и/или грамматической сочетаемости, однако, в данном примере мы видим одновременно и искажение смысла (*la prosperidad que se anuncia* — «процветание, о котором заявляют»), и ошибку в лексической сочетаемости элементов высказывания («не смогут наслаждаться своим изобилием»). В результате этого перевод на русский язык оказывается неидиоматичным. Таким образом, логично сделать вывод о том, что данная трансформация имеет вынужденный характер.

• **Опущение** — лексико-синтаксический приём, в ходе которого семантические компоненты исходного высказывания, имеющие лексическое выражение, оказываются семантически избыточными и опускаются. Опушения вызываются разными причинами: исклю-

чением избыточных слов из текста перевода, «сжатием» исходной единицы. Пример:

1. Del mismo modo, exhortamos a todos los países a evitar escaladas verbales que siempre anteceden, *a lo largo de la Historia*, a tragedias mayores [10]. — Мы также призываем все страны избегать риторической гонки, которая всегда приводила к трагедии [10.10].

Вводная фраза текста оригинала “*a lo largo de la Historia*” («на протяжении всей истории человечества») оказывается семантически избыточной, поскольку слово “*siempre*” («всегда») в полной мере передаёт смысл данного высказывания. Это позволяет синхронисту опустить данную вводную конструкцию при переводе на русский язык и лучше сосредоточиться на синхронно поступающем отрезке высказывания.

2. Esto supone la realización de un proceso *regular de consultas* y coordinación interinstitucional del que participan el Gobierno, la academia, *la sociedad civil*, el sector privado y los organismos internacionales, de cara al cumplimiento de los Objetivos de Desarrollo Sostenible [10]. — Регулярная координация была налажена на межучрежденческом уровне: участвуют и правительство, и частный сектор, и научные учреждения, а также различные международные структуры. И всё это делается в целях реализации Целей Устойчивого Развития [10.10].

Здесь мы видим два случая обращения к приёму опущения. В первом случае, испанское слово “*consultas*” оказывается избыточным — значение этого слова передаётся через синонимичный термин “*coordinación*”. Во втором случае, при перечислении однородных подлежащих переводчик опускает одно из них — “*la sociedad civil*” («гражданское общество»), в результате чего, в тексте перевода мы можем наблюдать семантическую потерю. Соответственно, первый случай опущения — оправданная трансформация, при которой не происходит смысловых потерь. Второй упомянутый случай опущения — пример, хорошо иллюстрирующий вынужденную трансформацию, которая вызвана тем, что синхронист из-за протяжённого ряда однородных подлежащих не смог запомнить и передать все элементы в переводе, что в конечном итоге привело к пропуску немаловажной информации.

Выводы к проведённому исследованию

Проведённое исследование позволяет нам сделать ряд выводов.

Во-первых, один из главных, на наш взгляд, выводов заключается в том, что синхронный перевод — это деятельность, в которой не может быть единственного абсолютно верного решения. Это

умозаключение объясняется опять же той совокупностью лингвистических, психологических и физиологических факторов, которые оказывают воздействие на переводчика. В подобной ситуации использования схожей семантической, синтаксической или лексико-семантической трансформации синхронист может предложить и «исчерпывающий» вариант перевода, и едва ли удачное решение, как мы это могли видеть на примерах изложенных трансформаций.

Во-вторых, стоит заметить, что в статье представлены далеко не все семантические, синтаксические и лексико-синтаксические трансформации, обнаруженные нами в речах, а лишь те, что представляют особую ценность для нашего исследования. Так, синтаксические трансформации замены оборотов, типов предложений, конструкций, приёмы членения и объединения предложений оказываются наиболее трудоёмкими преобразованиями в синхронном переводе, поскольку переводчику бывает сложно предугадать ход мысли оратора и его синтаксические «инструменты» изложения мыслей.

В свою очередь, семантическая трансформация генерализации — частый помощник синхронного переводчика, поскольку она позволяет избегать сложностей, сопряжённых с расхождением в регистрах языков, с незнанием узкоспециализированной терминологии, с заполнением неуместных пауз и т.д. Однако, если речь идёт о передаче прецизионной информации через трансформацию генерализации, то вряд ли такую стратегию можно считать оправданной.

Одновременно с этим, семантическая трансформация конкретизации также может «навредить» процессу синхронного перевода, если, скажем, переводчик решил конкретизировать понятие, неверно истолковав его смысл. В таком случае нет возможности вернуться к допущенной ошибке и исправить её, поскольку синхронный перевод, в отличие от письменного, происходит «в режиме онлайн». А стремление переводчика поправлять себя лишь подрывает доверие рецептора информации к нему.

Лексико-синтаксическая трансформация опущения — также неизменный помощник синхрониста. Благодаря опущению незначительных для перевода элементов переводчик поддерживает баланс в переводе — грамотно задействует свой ресурс памяти, контролирует восприятие оратора, выдерживает темп. Тем не менее, при опущении прецизионной информации данное преобразование становится вынужденным.

Лексико-синтаксическая трансформация экспликации играет в синхронном переводе двоякую роль. С одной стороны, описательный перевод помогает переводчику передать незнакомую терминологию, не нарушая семантику. С другой стороны, в условиях

катастрофической нехватки времени синхронист вынужден компенсировать эту трансформацию ресурсом памяти и концентрацией, что может снизить качество перевода последующего отрывка.

Наконец, конверсная трансформация сопряжена с актуальным членением предложения. По определению Матезиуса, актуальное членение предложения определяется как «членение предложения в контексте на исходную часть сообщения — тему (данное) и на то, что утверждается о ней — *рему* (новое)». Расхождения, ассоциируемые с актуальным членением предложения в определенной паре языков, обуславливают конверсную трансформацию. При попытке отразить актуальное членение предложения в переводе всегда есть риск того, что оправданная трансформация перейдет в разряд вынужденной.

В-третьих, если посмотреть на рассматриваемые трансформации с позиции представленных языковых комбинаций, то можно сделать следующий вывод: изложенные выше оправданные и вынужденные трансформации характерны как для английского, так и для испанского языков за небольшим исключением. Так, синтаксическое преобразование объединения предложений в большей степени свойственно переводу с английского языка на русский, ввиду имплицитной структуры синтаксиса английского языка. Наоборот, синтаксическое преобразование членения предложений характерно для перевода с испанского языка на русский в связи с тем, что испанский язык отличается сложным синтаксисом, в котором преобладают сложные предложения с разными типами связей. Аналогично, имплицитными свойствами английского языка объясняется частотное использование приёма экспликации при синхронном переводе. В свою очередь, сложным синтаксисом испанского языка объясняется частотное использование приёма опущения при синхронном переводе.

В-четвертых, сопоставив количество оправданных и вынужденных трансформаций, выявленных в ходе нашего исследования, с позиции их категории (синтаксической, семантической или лексико-синтаксической) мы пришли к выводу о том, что наибольшее количество оправданных и вынужденных преобразований — это преобразования в синтаксисе. Очевидно, это связано с невозможностью постоянно прогнозировать и воспринимать как смысловую, так и формальную составляющие в момент осуществления синхронного перевода.

Наконец, примеры удачных и неудачных преобразований из реальной практики синхронных переводчиков представляют собой безусловную методологическую ценность, поскольку начинающий переводчик получает представление о том, как на практике «выгля-

дят» оправданные и вынужденные преобразования. Исследование может служить вспомогательным инструментом для разработки учебных материалов, которые позволят начинающему синхронисту методом проб и ошибок выработать навык ухода от вынужденных трансформаций в переводе. Учебные материалы, в свою очередь, будут включать примеры на английском и испанском языках, что позволит выработать необходимый навык в разных языковых комбинациях.

Список литературы

Архинов А.Ф. Практический самоучитель перевода по немецкому языку. М.: Изд-во Высшая школа, 1991.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: Учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. 544 с.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. 424 с.

Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

Латышев Л.К. Курс перевода (Эквивалентность перевода и способы её достижения). М.: Международные отношения, 1981. 248 с.

Матезиус В. Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. Издательство «Прогресс». М., 1967.

Чернов Г.В. Теория и практика синхронного перевода. М.: Междунар. отношения, 1978. 253 с.

Ширяев А.Ф. Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода. М.: Воениздат, 1979. 183 с.

Gile Daniel. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 1995.

Riccardi Alessandra. "On the Evolution of Interpreting Strategies in Simultaneous Interpreting." *Meta: Translators' Journal* 50/2, 2005. 753–767.

Интернет-ресурсы

Geoff Watts. "The amazing brains of the real-time interpreters", 2014 [Electronic resource]: <http://www.bbc.com/future/story/20141117-the-ultimate-multi-taskers>

Словари

Кравец, С.Л. Большая российская энциклопедия. ОАО «БРЭ». 2005–2019.

Материалы исследования

1. Statement by His Excellency Donald Trump, president of the United States of America, at the 72 session of the UN General Assembly, New York, September 19, 2017.

1.1 Речь президента США, Дональда Трампа, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 19 сентября 2017 года.

2. Palabras del Presidente de la República de Colombia, Juan Manuel Santos, ante la Asamblea General de la Organización de las Naciones Unidas en el 72 periodo de sesiones. Nueva York. 19 de septiembre de 2017.

2.2 Речь президента Колумбии, Хуана Мануэля Сантоса, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 19 сентября 2017 года.

3. Intervención del Ministro de Relaciones Exteriores de la República de Cuba, Bruno Rogriguez Parrilla en el 72 periodo de sesiones de la Asamblea General de la ONU. Nueva York. 22 de septiembre de 2017.

3.3 Выступление министра иностранных дел республики Кубы, Бруно Родригеса Парильи, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 22 сентября 2017 года.

4. Palabras del presidente de Honduras, Juan Orlando Hernández, ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 21 de septiembre de 2017.

4.4 Выступление президента Республики Гондураса, Хуана Орландо Эрнандеса, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 21 сентября 2017 года.

5. General Debate of the 72nd Session of the United Nations General Assembly Address by Minister of External Affairs of India Smt. Sushma Swaraj 23 September 2017.

5.5 Речь министра иностранных дел Индии, Сушмы Сварадж, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

6. Intervención de S.E. Miguel Vargas ministro de Relaciones Exteriores de la República Dominicana ante el plenario de la 72 Asamblea General de las naciones Unidas.

6.6 Речь министра иностранных дел Доминиканской Республики, Мигеля Варгаса, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 20 сентября 2017 года.

7. Palabras del presidente de Paraguay Juan Carlos Varela ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 20 de septiembre de 2017.

7.7 Речь президента Парагвая, Хуана Карлоса Варелы, на 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН 20 сентября 2017 года.

8. Statement made by Her Excellency Theresa May, Prime Minister, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland at the General Debate of the 72nd Session of the General Assembly of the United Nations, New York, 20 September 2017.

8.8 Речь премьер-министра Великобритании, Терезы Мей, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 20 сентября 2017 года.

9. Statement of Secretary Alan Peter S. Cayetano at the 72nd session of the General Debate of the United Nations General Assembly, New York. 23 September 2017.

9.9 Выступление министра иностранных дел Филиппин, Алана Питера Каetano, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 23 сентября 2017 года.

10. Palabras del ministro de Relaciones Exteriores de Uruguay, Rodolfo Nin Novoa, ante la Asamblea General de las Naciones Unidas. Nueva York. 25 de septiembre de 2017.

10.10. Речь министра иностранных дел Уругвая, Родольфа Нин Новoa, на общих прениях 72 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью Йорке 25 сентября 2017 года.

Daria Yu. Shebarshina,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpreting,
Lomonosov Moscow State University, Russia;
e-mail: shebarshina-@mail.ru

SIMULTANEOUS INTERPRETING: JUSTIFIED AND FORCED TRANSFORMATIONS AND THEIR IMPACT ON THE QUALITY OF INTERPRETING

While performing simultaneous interpreting a simultaneous interpreter undoubtedly undertakes a number of syntactic, semantic and lexico-syntactic transformations. Nevertheless, multiple obstacles (linguistic, psychological, physiological and others) complicate the choice of the best possible interpreting strategy. As a result, there appears a number of employed transformations. The aim of this work is to identify both justified and unjustified usage of specific translation tools and evaluate the quality of interpreting.

Key words: interpreting, simultaneous interpreting, justified and unjustified transformation, syntactic, semantic and lexico-syntactic transformations.

References

Arhipov A.F. Prakticheskij samouchitel' perevoda po nemeckomu jazyku [German: a practical self-teaching guide]. Moscow: Izd-vo Vysshaja shkola, 1991 (In Russian).

Chernov G. V. Teorija i praktika sinhronnogo perevoda [Theory and practice of simultaneous interpreting]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1978. 253 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. Teorija perevoda: Uchebnik [The theory of translation]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 2007 (In Russian).

Gile Daniel. Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1995.

Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie [Modern translation theory]. Moscow: JeTS, 2001 (In Russian).

Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation Theory: Linguistic Aspects]. Moscow: Vysshaja shkola, 1990. 253 p. (In Russian).

Latyshev L.K. Kurs perevoda (Jekvivalentnost' perevoda i sposoby ee dostizhenija) [The course in translation. Equivalence of translation and ways of achieving it]. Moscow: Mezhdunarodnye otnoshenija, 1981. 248 p. (In Russian).

Matezius. Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. Sbornik statej [The Prague Linguistic Circle. Digest of articles]. Izdatel'stvo "Progress". Moscow, 1967 (In Russian).

Riccardi Alessandra. "On the Evolution of Interpreting Strategies in Simultaneous Interpreting." *Meta: Translators' Journal* 50/2, 2005. 753–767.

Shirjaev A.F. Sinhronnyj perevod: Dechjatel'nost' sinhronnogo perevodchika i metodika prepodavanija sinhronnogo perevoda simultaneous [Interpreting: Simultaneous Interpreter's Activity and Methods of Teaching Simultaneous Interpreting]. Moscow: Voenizdat, 1979. 183 p. (In Russian).

Electronic resource

Geoff Watts. "The amazing brains of the real-time interpreters", 2014. URL: <http://www.bbc.com/future/story/20141117-the-ultimate-multi-taskers>

Dictionary

Kravec S.L. Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija [The Great Russian Encyclopedia], OAO. "BRJe". 2005–2020 (In Russian).

ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУКА О ПЕРЕВОДЕ

Б.Л. Бойко,

доктор филологических наук, профессор
Военного университета Министерства обороны РФ;
e-mail: borisboiko@gmail.com

ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА ФРОНТОВЫХ СЦЕН В ОБЩЕЙ КАРТИНЕ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА ГЕНРИХА БЁЛЛЯ «ГЕНЕРАЛ СТОЯЛ НА ХОЛМЕ...»)

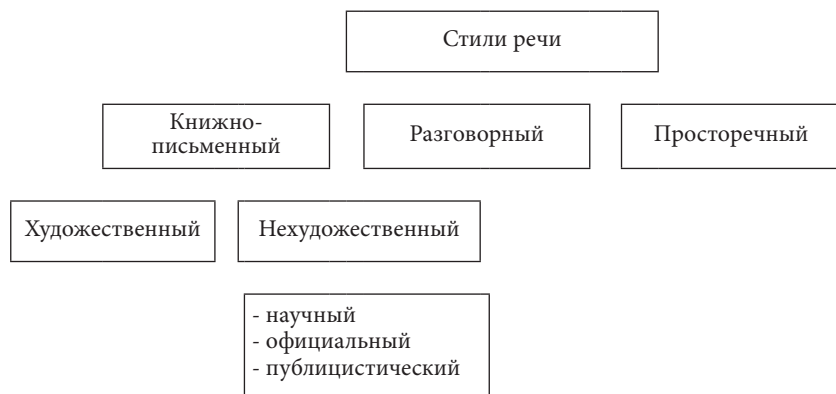
Военная лексика в иноязычной картине мира отражает её этническую принадлежность. В иностранных языках аналогичный слой лексики общенародного языка представлен примерно тем же набором лексических единиц, обозначающих реалии войны и военного дела в самом общем плане. Точность семантики военного термина и размытость семантики единицы военной лексики, используемой в художественном тексте, — основной признак разделения данных категорий.

Ключевые слова: военная лексика, военная терминология, картина мира войны, художественный текст, эквиваленты.

Военная лексика в контексте настоящей статьи — это лексика художественных произведений о войне. Обогащённая вариантами разговорной речи, военная лексика не претендует на точность семантики и обозначает реалии войны и фронтового быта, военного дела в целом во всём «неуставном» разнообразии отдельных лексических единиц [Бойко, 2015: 44–53]. Понимание военной лексики как совокупности военной терминологии, военно-профессиональной лексики и военного жаргона [Бойко, 2016: 88–99] пополним ещё одним планом — планом противопоставления военной лексики как лексики военного дела, лексики войны, входящий в лексический состав общенародного языка, с одной стороны, и военной терминологии, — с другой.

Военная лексика нам представляется как составная часть лексики военного варианта художественного стиля, относящегося в свою очередь книжно-письменному стилю речи и удовлетворяющего

потребности именования того, что составляет предмет описания в художественном тексте военной тематики. Аналогичные военные варианты нехудожественного стиля (научный, официальный, публицистический) обобщают военную лексику этих стилей и вместе с военным вариантом художественного стиля исчерпывают, в интерпретации Н.К. Гарбовского, понятие книжно-письменного стиля речи [Гарбовский, 1978: 34–35]. Добавим, что и военные варианты разговорного и просторечного стилей речи находят отражение в художественных текстах о войне; это прочитывается в тексте научной статьи и показано на схеме речевых стилей [Гарбовский, Мишкурин, 2010: 18].

Все стили речи имеют свои военные варианты, позволяющие различать в общем массиве лексики военные единицы стилей художественного, разговорного, просторечного, научного, официального, публицистического, а затем и обоснованно применять термины *общая военная лексика*, *разговорная военная лексика*, *военное просторечие (сленг, жаргон)*, *военно-научная терминология*, *военные термины*, *военно-публицистическая лексика (терминология)*.

Основанием для различения военной лексики как составной части лексического состава общенародного языка и военной терминологии того же языка нам служит понятие точности семантики, присущее термину, и достаточно размытой семантики лексических единиц (обще)военной лексики. Напрашивается ещё один план изучения состава и функционирования военной лексики — план её интерпретации средствами языка перевода, формирование в языке перевода специфической военной лексики (и терминологии — в случае перевода специальных текстов), отражающей специфику иноязычной этнической картины мира,

таковы лексемы вермахт, бундесвер, люфтваффе, хаупт-ефрейтор, объединённые силы обеспечения, медико-санитарная служба, генеральный инспектор и др.

Военная лексика на страницах короткого рассказа Генриха Бёлля «Генерал стоял на холме...» („Der General stand auf einem Hügel...“) используется автором для именованя реалий войны, связанных с воссозданием речевыми средствами картины одного неудавшегося боя немцев, предпринятого с целью попытки остановить наступление русских.

Сюжет рассказа в кратком пересказе таков: весьма потрёпанной в предыдущих боях с русскими немецкой дивизии приказано атаковать позиции противника и вернуть утраченную местность. Немецкий генерал, командир дивизии, отдаёт необходимые указания подчинённым войскам и, расположившись на холме в окружении офицеров штаба и адъютантов, приступает к руководству наступлением. Наблюдая за полем боя, он вдруг обнаруживает, что русские незаметно для немцев вывели на позиции свои знаменитые реактивные миномёты и готовы нанести мощный огневой удар по частям дивизии. Генерал понимает, что исход атаки предрешён, однако остановить её он не в силах — отмена приказа означает для него неминуемый полевой суд и расстрел. В отчаянии генерал покидает командный пункт и присоединяется к наступающим немецким малочисленным ротам. В ходе боя он погибает. Немецкие войска разгромлены, уцелевшие уходят в тыл, раненые собираются на медицинском пункте, развёрнутом под прикрытием леса, и ожидают эвакуации в тыл. Генералу в рассказе противопоставлен бывалый солдат Пауль, который описан автором в различных сценах до, во время и после неудавшегося наступления немцев.

Анализ единиц военной лексики предпримем на фоне развития сюжетных линий рассказа и описания конкретных сцен войны, в которых действуют её персонажи. Таких сюжетных линий и эпизодов войны, если ограничиться описанием событий только на поле боя, четыре:

- генерал на холме в окружении подчинённых и адъютантов перед началом наступления;
- солдаты в окопах в ожидании приказа перехода в наступление и в ходе наступления;
- паническое бегство немецких солдат под ударами русских танков;
- оказание первой помощи раненым на медицинском пункте, развёрнутом в лесу, и эвакуация тяжелораненых.

В наибольшей степени насыщены военной лексикой эпизоды войны, содержащие описание поведения солдат непосредственно на поле боя. Ознакомимся с военной лексикой, как она дана в нескольких эпизодах войны с участием названных солдат.

1-й эпизод. Ночь и раннее утро накануне атаки

Трое солдат, которых свела всего на один бой война, всю ночь роют окоп. Уже во время артподготовки погибает самый младший солдат, только что присланный на фронт с пополнением, ему 17 лет и зовут его Эрвин. Солдат постарше, Йоханн, присланный на фронт после ранения, не вернётся из атаки. Останется в живых только старший из них, бывалый солдат Пауль.

<p>Die drei saßen in ihre schmutzigen Mäntel gehüllt in drei kleinen Ausbuchtungen ihres Loches; einer mit dem Gesicht zum Feind, die anderen beiden links und rechts an seiner Seite; ihre Gewehre lagen oben auf einer Art von Brüstung, zwischen spärlichem Tarnzeug, Büscheln von Gras und Sträuchern; hinter sich, auf einer tiefer gelegenen Abflachung lagen ihre Koppel, ihre Patronen, Brotbeutel und so vieles unvermeidliche Gerät, das den Infanteristen auch im modernen Krieg zu einem Lasttier macht: die Gasmaske, der Spaten, das Sturmgerätk, schwere Blechkästen mit M.G.-Munition, Handgranaten, Sprengkörper zur Bekämpfung der Panzer. P. 33.</p>	<p>Трое сидели в своей дыре, завернувшись в грязные шинели. Один — лицом к расположению врага, двое других, справа и слева от него. Их оружие лежало сверху, на своего рода бруствере, среди скудной маскировки из веток и травы. На плоском земляном выступе лежали их армейские ремни, патроны, хлебные мешки и разного рода инвентарь, превращающий современного пехотинца во вьючную скотину: противогаз, штыковая лопата, патронташ, тяжёлые жестяные ящики с боеприпасами для пулемётов, ручные гранаты, противотанковые подрывные шашки. С. 177.</p>
---	---

Насыщенность этой сцены военной лексикой предельно велика: Mantel — шинель, Feind — враг, Gewehr — винтовка, Brüstung — бруствер, Tarnzeug — маскировочный материал, Koppel — армейские ремни, Patronen — патроны, Brotbeutel — мешок для провизии, Gerät — (разного рода) инвентарь, Infanterist — пехотинец, Krieg — война, Gasmaske — противогаз, der Spaten — штыковая (сапёрная) лопата, das Sturmgerätk — боевая выкладка, Blechkästen mit M.G.-Munition — жестяные ящики с патронами для пулемёта, Sprengkörper zur Bekämpfung der Panzer — противотанковые подрывные шашки.

Мы не станем отвлекать читателя на обсуждение неточностей передачи в переводе отдельных единиц военной лексики. Прежде всего, потому, что неточность семантики сопоставляемых единиц военной лексики по сравнению с единицами военной терминологии — основное условие различие терминов и нетерминов (военной лексики художественных текстов о войне). В связи с этим переводчику в какой-то степени простительно незнание значения русского слова *патронташ* из лексикона охотников, которое никак не может быть предложено в качестве эквивалента для нем. *Sturmgerätk*. Патронташ (от нем. *Patrontasche*) — сумка, пояс с гнездами для ружейных патронов, *Sturmgerätk* — в общем немецко-русском словаре сопровождается пометой *воен.* и интерпретируется как боевая выкладка солдата, а в современном электронном Дудене поясняется как *aus bestimmten Ausrüstungsgegenständen, einer eisernen Ration u.Ä. bestehendes Gepäck, das bei bestimmten Einsätzen mitgeführt wird* [Немецко-русский (основной) словарь, 1992], [DUDEN: das Onlinewörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH, 2020: <https://www.duden.de/>].¹

Пренебрежительное отношение к окопу как весьма примитивному наспех вырытому в земле укрытию, и солдату, нагруженному сверх всякой меры тем, что ему необходимо в бою, в армейском речевом обиходе выражено единицами разговорной речи *das Loch* и *das Lasttier*. Первая (*Loch*) наделена образным значением *дыра* (в земле), *нора* и служит речевым аналогом окопа для одиночного солдата, вторая (*Lasttier*) означает вьючное животное. Боевое снаряжение одиночного солдата (*Sturmgerätk*), включающее оружие и боеприпасы к нему, сапёрную лопату, минимальный набор продуктов питания и воды и др. предметы, может иметь весьма внушительный вес.

2-й эпизод. Начало наступления. Выход на позиции противника

Второй эпизод отличается насыщенностью повествования военной лексикой, содержит описание немецкой атаки в условиях, когда у наступающих нет никакого преимущества над противником. Захватив окопы переднего края противника, атакующие не находят в них ни вражеских солдат, ни их оружия, ни питьевой воды, в которой у атакующих огромная нужда.

¹ О внешнем виде и содержании того, что по-немецки именуется *Sturmgerätk*, можно судить по подробному описанию экипировки в форме рюкзака немецких солдат Национальной Народной Армии Германской Демократической Республики, см. <https://flaechentarn-kraus.hpage.com/sturmgeraepack.html>

Der Angriff gewann langsam Boden; unter schweren Verlusten war der erste feindliche Graben erreicht; der mit mattem „Hurra!“ genommen wurde; der Graben war leer; einige Tote lagen herum, alles an Gerät und Waffen war mitgenommen; nur leere Hülsen und Leichen; es war wie ein blutiger Stoß ins Leere; die Hoffnung auf Beute Wasser, Brot oder Tabak war zerschlagen. Die Offiziere sammelten die Reste ihrer Kompanien zum nächsten Stoß; Paul und Johann hockten bei der Gruppe, die sich rings um den schmalen, bleichen Leutnant gesammelt hatte; die Kompanien, schon unansehnlich, wenn sie in den Kampf zogen, schmolzen beim ersten Angriff zu Gruppen zusammen; schmutzig, von Schweiß beschmiert, erschöpft, hockten sie auf dem Boden des Grabens, an die Wand gelehnt und rauchten Cigaretten <...> P. 44–45.

Атака же шла своим чередом. С тяжкими потерями солдаты добрались до первых вражеских окопов и взяли их с вялым «Ура!». Окоп был пуст. Несколько трупов. Никакого оружия, отступающий враг всё взял с собой. Только пустые гильзы и мёртвые тела. Все усилия впустую. Никакой добычи, никаких трофеев, ни воды, ни табака, ни хлеба. Офицеры собрали каждый свою роту для следующего броска. Пауль и Йоханн вместе с другими обступили худенького бледного лейтенанта. Роты после тяжёлого наступления всегда собираются в группы. Грязные, перепачканные сажей, утомлённые спустились они на дно окопа, прислонились к стенке и курили сигареты <...> С. 185.

К военной лексике второго эпизода относятся единицы: Angriff — атака, schwere Verluste — большие потери, Graben — окоп, Gerät und Waffen — оружие (и боеприпасы), Hülsen — гильзы, Beute — трофеи, Offiziere — офицеры, Kompanien — роты, Stoß — бросок, Leutnant — лейтенант. Неточности подбора эквивалентов не приходится ставить в вину переводчице рассказа: военная лексика рядового читателя, его словарный запас ограничен объёмом прочитанных текстов и просмотренных фильмов о войне. В этом случае нет никакой беды в том, что в переводе первая траншея противника (der erste feindliche Graben), которую захватили немцы в ходе своей безнадежной и бесперспективной атаки, названа в переводе «первым вражеским окопом». Употреблённый автором-фронтовиком военный термин не нуждается в точности перевода, в рассказе этот многокомпонентный военный термин утрачивает свою терминологическую точность: читатель вслед за переводчиком удовлетворяется самым общим значением, которое присуще единицам военной лексики в художественных текстах.

3-й эпизод. Паническое бегство.

Пауль и лейтенант перевязывают свои раны

Третий фрагмент рассказа Г. Бёлля в оригинале и переводе на русский язык — живое свидетельство тому, что не только в деталях на уровне отдельных единиц военной лексики, но и на уровне описываемых сцен войны переводчик не скован проблемами точности воспроизведения значения единиц военной лексики.

<p>Qualm und Erde und Splitter und Geschrei ... von den Flügeln, wohin die Gewalt des feindlichen Feuers zu reichen schien, hörte man das bohrende Brummen von Panzern, die quer hinter den Angreifenden umherfuhren und mit dem grässlichen Knall ihrer Kanonen in die Reihen feuerten; dort sah man die Fliehenden wie gehetztes Wild zwischen den Panzern zurücklaufen, ohne Waffen und Gepäck, nur erfüllt von dem alles überdeckenden Wunsch nach Sicherheit ... es gab nun kein Halten mehr, alles rannte zurück <...></p> <p>Paul und der Leutnant erreichten den Graben und nahmen sich Zeit, ihre Wunden zu verbinden; Paul hatte einen Splitter im Unterarm, der Leutnant eine große Fleischwunde an der rechten Schulter; sie umwickelten die Wunden mit den Fetzen von ihren Hemden, stopften sich den noch brauchbaren Inhalt ihrer Brotbeutel in ihre Manteltaschen. Ängstlich beobachteten sie die Bewegungen der feindlichen Panzer, die ungestört durch die Reihen der Fliehenden brummt... P. 49–50.</p>	<p>Дым, гарь, осколки, рёв, крики... Откуда-то со стороны противника доносился характерный рокот и жужжание: на атакующих наступали танки. С флангов начался танковый обстрел. Там рассеянные роты больше не наступали, там солдаты без оружия и вещмешков, спасались бегством в поисках безопасного места. Наступление превращалось в бегство <...></p> <p>Пауль и лейтенант успели нырнуть в окоп и перевели дух. Пауля ранило осколком в руку пониже локтя, у лейтенанта зияла рана на правом плече. Они перевязали раны, оторвав лоскут от рубашек, перебрали вещмешки: может осталось ещё что-нибудь пригодное, и со страхом наблюдали за передвижением вражеских танков, которые продолжали наступать на убегающих. С. 188–189.</p>
--	---

Сопоставление содержания приведённых двух абзацев оригинала с переводом на русский язык приводит нас к выводу о том, что о переводе в классическом смысле этого слова как процессе воспроизведения содержания на основе поиска эквивалентных средств на уровне лексики и грамматики говорить не приходится. Сопоставляемые фрагменты неравны по объёму, их лексика и синтаксис разнятся. Из перевода не прочитывается, что танки противника совершают, говоря военным языком, двусторонний фланговый охват отступающих. В оригинале и переводе находим

картину панического бегства немецких солдат, что достигается отбором общей лексики и военной лексики с общим значением: осколки, танки, танковый обстрел, рассеянные роты, наступление (противника). Отдельные единицы немецкой военной лексики служат переводчику ориентиром для подбора эквивалентов русской военной лексики: Splitter — осколки, Flügel — фланги, feindliches Feuer — огонь противника, Panzer — танки, Angreifende — наступающие, Kanonen — пушки, Fliehende — спасающиеся бегством, ohne Waffen und Gepäck — без оружия и вещмешков. Второй абзац несколько точнее воспроизводит содержание оригинала, но и на нём лежат следы воспроизведения оригинала художественного текста в общих чертах: erreichten den Graben — успели нырнуть в окоп и перевести дух, einen Splitter im Unterarm — ранило осколком ниже локтя, eine große Fleischwunde an der rechten Schulter — зияла открытая рана на правом плече, umwickelten die Wunden — перевязали раны, stopften sich den noch brauchbaren Inhalt ihrer Brotbeutel in ihre Manteltaschen — перебрали вещмешки, feindliche Panzer, die ungestört durch die Reihen der Fliehenden brummten — вражеские танки продолжали наступать на убегающих.

4-й эпизод. Медицинский пункт. Эвакуация раненых

Раненые и убитые. Без них не обходится ни успешное наступление, ни наступление, завершившееся разгромом наступающих.

<p>Welch eine Erlösung, eigene Truppen zu sehen und Sanitäter, sogar einen Kraftwagen für Schwerverwundete; in einer Lichtung standen Bahren mit Stöhnenden herum, geworfene Gewehre, blutige Fetzen, Geschrei, Fliegen, Fliegen, Fliegen; ein Arzt verstaute die Bahren auf den Lastwagen und packte in jede Lücke noch einen Stehenden hinein; so geriet der Leutnant, ehe er sich versah, auf den ersten abfahrenden Wagen, weil er zufällig bei einem Bekannten an der Bahre stand. Nachdem der Wagen abgefahren war, blieb der Arzt mit noch zehn Schwerverwundeten zurück... P. 51</p>	<p>Свои! Что за счастье! Свои, родные, роты, санитары, даже грузовик для тяжелораненых. На лесной прогалине повсюду на носилках стонали раненые, валялись брошенное оружие и боеприпасы, кровавое тряпье. Непрерывные стоны, мухи, мухи, мухи... Врач командовал погрузкой носилок на грузовик и в пустые места между лежащими ранеными определял тех, кто мог стоять и сидеть. лейтенант, не успев оглядеться, случайно оказался рядом с носилками одного знакомого, а вместе с ним и в кузове грузовика, и был отправлен в госпиталь. Грузовик уехал. Врач остался с ещё десятком тяжелораненых. С. 189.</p>
--	--

В приведённом эпизоде военная лексика, заимствованная общим языком, главным образом медицинская: *Arzt* — врач, *Sanitäter* — санитар, санитары, *Bahre* — носилки, *Schwerverwundete* — тяжело раненные etc.

Обратимся к эквивалентным средствам, которые предложила переводчик — Анна Кукес в процессе перевода рассказа Г. Бёлля. Несомненно, немецкие читатели этого рассказа, современники автора и участники войны, увидели в тексте больше, чем представители поколений, родившихся после Второй мировой войны. Ветераны могли дорисовывать в своём воображении детали боя и уточнять для себя наименования применяемого в описываемых сценах оружия и предметов вооружения немецкого солдата, калибры и мощность применяемых артиллерийских средств, наименования полевых фортификаций. Поколения читателей, родившиеся после Второй мировой войны, воспринимали картины войны по текстам военной прозы, не содержащих точных наименований оружия, деталей боя и местности, на которой бой разворачивается. Ещё меньшим опытом изображения сцен войны располагает переводчик-иностранец, берущийся за перевод художественного текста о войне, написанный иноязычным автором. О том, как он увидит бой в целом, его участников и их поведение в бою, он расскажет в тексте перевода. Отсутствие точности в описании деталей боя автором освободит и переводчика от необходимости стремиться к точности в деталях, сосредотачиваясь на главном — передаче общей картины боя и эмоционального состояния человека на войне.

Воспроизводя значения единиц военной лексики эквивалентными средствами, т.е. единицами военной лексики языка перевода с аналогичным в каждом отдельном случае значением, переводчик, представитель иного этноса и иного среза времени, прибегнет к ещё большему обобщению значения исходных лексических единиц. Границы между значениями единиц военной лексики и военных терминов достаточно условны и определяются различиями своих значений в художественном или специальном текстах. *General*, *Offizier*, *Soldat*, *Leutnant*, *Feuer*, *Artillerie*, *Kompanie* — эти и им подобные лексические единицы давно и прочно усвоены общенародным языком и воспринимаются в нём как относящиеся к военной тематике, эти же слова в военных специальных текстах функционируют как термины и при переводе на другие языки потребуют знания точных эквивалентов — генерал, офицер, солдат, лейтенант, огонь, артиллерия, рота. Эти и многие другие им подобные слова могут встретиться в художественных и специальных текстах, где всякий

раз будут употреблены то ли в общем значении, то ли в сугубо терминологическом.

Мы не ставим под сомнение профессиональное мастерство и добросовестность переводчицы, хотя неоднократно наталкиваемся в её переводе на вольную и даже в отдельных случаях неверную интерпретацию того, что имеется в исходном тексте.² Не секрет, что слово реализует одно из своих значений в контексте, в тексте художественного стиля это значение будет наиболее общим. Например, немецкое слово **Angriff** в зависимости от контекста может иметь в русском языке эквиваленты *наступление* и *атака*. В терминологическом плане атака — составная часть наступления, его начало, решительный бросок в сторону врага с целью, как минимум, захвата его передовых позиций. В немецком тексте рассказа слово **Angriff** встречается многократно как в значении *наступление*, так и в значении *атака*. Какого-либо чёткого различия в семантике этого термина не просматривается, хотя по сюжету рассказа и с точки зрения общей тактики, оба слова используются с полным пренебрежением сути дела: дивизия как крупное войсковое соединение призвано вести наступление, в ходе которого его передовые подразделения одно за другим переходят в атаку. Сопоставление текстов оригинала и перевода позволяет сделать вывод о том, что в переводе лексические единицы *наступление* и *атака* используются как синонимы, в частности:

Von hier aus sollte ein **großer Angriff** mit anderen Divisionen, die angelehnt waren, beginnen. P. 32. Отсюда пехота, соединившись с другими частями, должна начать **массированное наступление**. С. 176.

... der links saß, war ein ganz junger, der seinen ersten **Angriff** vor sich hatte, der andere war eben aus Lazarett gekommen... P. 34. Тот, что слева, был совсем ещё молод, ему предстояло первое в жизни **наступление**. Второй только что выписался из госпиталя после ранения... С. 178.

Der Angriff gewann langsam Boden; unter schweren Verlusten war der erste feindliche Graben erreicht, der mit mattem „Hurra“ genommen wurde; der Graben war leer ... P. 44–45. **Атака** же шла своим чередом.

² Позволим себе только один пример. В семантике немецкого слова *Automat* переводчица увидела образ привычного для русского обывденного сознания вида автоматического оружия, тогда как в немецком языке такой вид оружия имеет наименование *Maschinenpistole*. Фрагмент текста ... *einzelne rannten nach vorne, mit der fürchterlichen, mechanischen Schnelligkeit von aufgezogenen Automaten* ... означавший, что часть солдат, словно заведённые автоматы, не испытывая страха бросились в атаку, переводчица интерпретирует «побежали механически, подгоняемые страхом, с автоматами наперевес». См. оригинал, с. 49, и перевод, с. 188.

С тяжкими потерями солдаты добрались до первых вражеских окопов и взяли их с вялым «Ура!». Окоп был пуст. Несколько трупов. С. 188.

Спасение от гибели солдаты на поле боя ищут не только в окопе — **Graben**, но и в любых сколько-нибудь похожих на укрытия выемках. Да и сами окопы, отрытые накануне боя на пределе человеческих сил, представляют собой далеко не совершенные укрытия и на немецком солдатском языке именуется пренебрежительно *дырами* в земле — **Loch, Löcher**. Встречается среди наименований укрытий и слово **Mulde** (ровик, ложбинка):

Die Infanteristen lagen unterdessen in **Löchern** eingegraben in die Erde, die ihr Element ist... P. 31. Пехота замерла, зарылась в свою землю так, что стала с ней одним целым. С. 176.

Lange bevor das Feuer eingesetzt hatte, hockten drei Soldaten in einer kleinen **Mulde**, die sie während der Nacht nur mit ihren kleinen Spaten gegraben haben, und flüsterten miteinander. P. 32. Задолго до того, как начался обстрел, трое солдат переговаривались **в маленьком окопе**, который они сами же выкопали ночью... <...> Трое сидели в своей дыре, завернувшись в грязные шинели. С. 177.

Es gibt keinen schärferen und unbestechlicheren Beobachter als den schmutzigen Frontsoldaten, der vorne in seinem **Loch** liegt ... P. 32. Нет более зоркого и неподкупного наблюдателя, нежели грязный фронтовой солдат, который день и ночь сидит в своём **окопчике**. С. 176–177.

Der General sprang in den **Graben** und hörte mit ruhigem, ernstem Gesicht die Meldung des Leutnants an: dritte Kompanie bisher neunzehn Ausfälle, Rest der Kompanie: 1 Offizier, 1 Unteroffizier und elf Mann. P. 47. Генерал спрыгнул в **окоп** и со спокойным лицом выслушал доклад лейтенанта. Первая цель наступления атакована. В третьей роте потери составили девятнадцать человек. В строю остаются: один офицер, один унтер-офицер и одиннадцать рядовых. С. 187.

На войне стреляют не по мишеням, а по живым людям. Убитые и раненые — печальный и неотвратимый результат применения оружия. Автор часто использует слова с корнем ...wund: Wunde рана, Verwundete раненые, verwundet раненый.

Lärm und **das schreckliche Schreien der Verwundeten** dran immer wieder bis zu dem Hügel, an dessen Hang der Stab des Generals eifrig an Karte, Fernsprechern, und Gläsern beschäftigt war; es stand nun fest in zehn Minuten sollte der Angriff beginnen. P. 31. **Шум и крики раненых** долетали до холма, на склоне которого в штабе генерала шла суета над картами, возня у стереотрубы и суматоха возле раций и телефонных аппаратов. Через десять минут начнётся наступление. С. 176.

Столь же часто встречаются в тексте рассказа Г. Бёлля лексические единицы **Gewehre** и **Waffen** (оба слова имеют форму мн. числа), для которых переводчик находит русский эквивалент с широкой семантикой — **оружие**. В этом слове русского языка с весьма широкой семантикой, обобщены используемые в оригинале значения слов в форме множественного числа **Gewehre** и **Waffen**:

...fürchterlich einsam lagen die Toten in der brennenden Sonne; manche waren fast der Erde gleich, kaum zu erkennen, kleine unscheinbare Hügel ... zusammengekrümmte ... viele wie Kinder, die beim Spiel vornüber gestürzt sind und gleich weglaufen ... **Waffen** blitzten in der Sonne, Kleider, Stahlhelme ... Gerät lag über die Erde verstreut ... P. 52. Страшно одиноко лежали тела погибших под палящим солнцем. Иные уже как будто сливались с землёй. Их почти было не различить, они, скрюченные в агонии, казались просто низенькими кривыми холмиками в поле. **Оружие**, разбросанное по земле, и стальные каски поблёскивали на солнце. С. 190.

Подводя итоги, отметим, что военная лексика как составная часть текстов военного варианта художественного стиля образует отдельный лексический слой, отличающийся по сравнению с военными терминами специальных текстов размытой семантикой. В оригинале и переводе рассказа Генриха Бёлля «Генерал стоял на холме...» доступен наблюдению обширный массив военной лексики, освоенный общепонятным немецким языком. В своей основной массе — это наименования понятий, объединённых тематическими сферами «война», «военное дело» и характеризующихся достаточно размытой семантикой. Этим военная лексика художественных текстов отличается от военных терминов, имеющих чётко означенный объём значений и употребляющихся преимущественно в военных специальных текстах — военно-научных, официальных (уставах, наставлениях, приказах и других номенклатурных документах), военно-публицистических. Столь же свободен от требований терминологической точности массив русских эквивалентов, используемых непрофессионально и принадлежащих художественному стилю русского языка в его военном изводе. Изучение эквивалентного материала оригинальных и переводных текстов поможет увидеть природу языка и слова как источников дополнительного проникновения в процессы взаимодействия культур и языков, через сопоставление обнаружить в них общее и различное, скрытые от прямого наблюдения детали лексической семантики.

Список литературы

Бёлль Генрих. Генерал стоял на холме... Рассказ. Перевод с немецкого Анны Кукес // Иностранная литература. 2017, № 12. С. 176–195.

Бойко Б.Л. Военная лексика в речевом общении // «Вопросы психолингвистики», 2015. № 3 (25). С. 44–53.

Бойко Б.Л. Военная лексика в оригинале и переводе (на материале романа Э.М Ремарка «Возвращение») // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2016. № 2. С. 88–99.

Гарбовский Н.К., Мишикуров Э.Н. Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода, 2010. № 2. С. 16–41.

Гарбовский Н.К. Существует ли монолитный военный функциональный стиль? // Сб. статей № 14: Иностранные языки, юридические науки. М.: Изд-во Военного ун-та, 1978. С. 30–35.

Немецко-русский (основной) словарь: Ок 95 000 слов. М.: Рус. яз., 1992. 1040 с.

Böll Heinrich. Der General stand auf einem Hügel... Erzählungen aus dem Krieg. Kiepenheuer & Witsch. 1. Auflage, 1995, pp. 30–60.

DUDEX: Das Onlinewörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH, 2020. URL: <https://www.duden.de/>

Boris L. Boiko,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the Military University, Moscow, Russia;
e-mail: borisboiko@gmail.com

MILITARY VOCABULARY OF FRONTLINE SCENES IN THE GENERAL PICTURE OF WAR (BASED ON THE STORY BY HEINRICH BÖLL “THE GENERAL STOOD ON THE HILL...”)

The military vocabulary in any foreign language world picture reflects its ethnic origin. In foreign languages, a similar layer of the vocabulary of the national language is represented by approximately the same set of lexical units indicating the realities of war and military affairs in the most general sense. The accuracy of the semantics of a military term and the blurring of the semantics of a military lexicon unit used in the fiction text are the main signs of the division of these categories.

Key words: military vocabulary, military terminology, picture of the world of war, fiction text, equivalents.

Referens

Böll Heinrich. Der General stand auf einem Hügel... Erzählungen aus dem Krieg. Kiepenheuer & Witsch. 1. Auflage, 1995, pp. 30–60.

Boyko B.L. Voyennaya leksika v rechevom obshchenii [Military Vocabulary in Oral Communication]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2015. No. 3 (25), pp. 44–53 (In Russian).

Boyko B.L. Voyennaya leksika v originale i perevode (na materiale romana E.M Remarka “Vozvrashcheniye” [Military Vocabulary in the Original and in the Translation (on the basis of E. M. Remark’s novel “The Road Back”)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2016. No. 2, pp. 88–99 (In Russian).

DUDEN: Das Onlinewörterbuch. Bibliographisches Institut GmbH, 2020. URL: <https://www.duden.de/>

Garbovskiy N.K., Mishkurov E.N. Voyennyy perevod v sovremennom mire (teoretiko-metodologicheskiye, lingvisticheskiye, voenno-istoricheskiye i sotsial’no-poliyicheskiye aspekty) [Military Translation in the Modern World (Theoretic-methodological, Linguistic, Military-historical and Social-political Aspects)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2010. No. 2, pp. 16–41 (In Russian).

Garbovskiy N.K. Sushchestvuet li monolitnyy voyennyy functional’nyy stil’? [Does the Monolithic Military Functional Style Exist?]. Sb. Statey. No. 14: Innostrannyye yazyki, yuridicheskiye nauki. Moscow: Izd-vo Voyennogo un-ta, 1978, pp. 30–35 (In Russian).

Nemetsko-russkiy (osnovnoy) slovar’: Ok 95 000 slov [German-Russian Basic Dictionary (about 95.000 words)]. Moscow: Rus. yaz., 1992 (In Russian).

О.С. Макарова,

кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель иностранного языка, Ставропольский государственный педагогический институт; e-mail: o-ss@mail.ru

А.С. Гончаров,

бакалавр, Ставропольский государственный педагогический институт, e-mail: raven-moon-34999@mail.ru

АНАЛИЗ БАЗИСНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ И ЦЕННОСТНЫХ АТТРАКТОРОВ ЭПОСА «НАРТЫ» В ПОИСКЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПУТИ РАЗВИТИЯ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Настоящая статья посвящена изучению концептуальной, ценностной и архетипической стороны Нартского эпоса, а также некоторого языкового материала по побочным циклам о Нартах. Ход исследования строится на анализе культурных концептов и ценностных аттракторов Нартиады, являющихся общими для большинства языковой иберийско-кавказской языковой семьи. С целью раскрытия лингвоментального комплекса представлений языкового мира, предшествовавшего зарождению большей части лингвокультур народов Северного Кавказа, мы используем как общий семантический анализ, так и когнитивно-семантический анализ, при актуализации корпуса когнитивной лингвистики. При изучении когнитивно-валёрной системы некоторых героев Нартиады, с учётом специфики поэтического текста и фольклора в целом, мы используем архетипическую концепцию К.Г. Юнга в её американской разновидности, чтобы упростить диахроническое рассмотрение языка. Такой подход позволяет на конкретных примерах показать наличие и эволюцию концептов в отдельно взятых языках, так, мы затрагиваем специфику осетинского (иронского), адыгейского, абхазского, чеченского и абазинского языков иберийско-кавказской языковой семьи. В качестве наглядного примера влияния Нартского эпоса на кавказские языки, мы используем материал из абазинского языка (иберийско-кавказская языковая семья) и армянского языка (индоевропейская языковая семья), чтобы показать не только наличие и эволюцию аналогичных культурных концептов, но и неоднородность влияния Нартиады на разные языковые семьи и языковые группы. Проявление культурных концептов и ценностных аттракторов также показывается на примере характера и действий главных героев Нартиады из циклов: «Начала Нартов», «Заземления» и непосредственно героической цикла. В основе исследования лежит наработанный языковой

материал кавказоведа Т.А. Гуриева и исторический материал культуролога В.В. Иванова.

Ключевые слова: культурная концепция, определитель ценностей, лингвистический комплекс, языковой мир, архетип, межкультурное общение, обновлённый язык.

Введение

Актуальность исследования заключается в необходимости более детального исследования лингвоментального комплекса народов Северного Кавказа с раскрытием базисных концептов и аттракторов, лежащих в основе лингвокультур иберийско-кавказской языковой семьи.

Тексты Нартского эпоса представляют собой наиболее полный и цельный исторический и языковой материал, по которому можно провести не только классический структурный, общесемантический, но и когнитивно-семантический анализ, осуществив, таким образом, актуализацию корпуса когнитивной лингвистики в отношении культуры народов Северного Кавказа и раскрыв основные этнолингвистические особенности ментальности, традиций, обычаев, ритуалов и устойчивых привычек, существующих в современном социальном и языковом пространстве северокавказского региона.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования материала статьи для выявления, посредством соотношения культурных концептов и ценностных аттракторов, современного лингвоментального комплекса представителей кавказской культуры, а также для установления некоторых языковых факторов развития северокавказского региона в историко-культурного контексте. Кроме того, концептуальную систему статьи можно использовать при изучении структурно-функциональных особенностей манифестации, модификации и реализации языковых сущностей на уровне отдельно взятого языка иберийско-кавказской семьи.

Новизна исследования выражена в детальном изучении концептуальной, архетипической и ценностной стороны содержания Нартского эпоса при спецификации базисных концептов и аттракторов, общих для большинства языков иберийско-кавказской семьи, в разной степени испытавших влияние исламской и греко-византийской цивилизации.

Анализ некоторых концептов в адыгейской, абхазской и осетинской версии Нартского эпоса при сопоставлении с обобщённой версией Нартиады позволяет получить более полное представление о культуре прародителей народов Кавказа, не исказив общую

картину этнолингвистическими различиями, но, одновременно, имея возможность их обнаружить, сравнив и сопоставив особенности языков близкородственных групп, например, абхазский и адыгейский.

Цели статьи

Цель исследования — показать историко-культурный путь развития народов Северного Кавказа на примере основных культурных концептов и ценностных аттракторов героического эпоса «Нарты», актуализируя наиболее значимые народные представления в социальном и этико-нравственном аспекте, с учётом специфики анализа поэтического текста и фольклора в целом.

Многообразие языков северокавказского региона — один из наиболее актуальных предметов изучения российской этнолингвистики. Иберийско-кавказская языковая семья, включающая языки народов Северного Кавказа, не входящих ни в одну из известных языковых семей, активно исследуется со второй половины XX века. Если языки северокавказского региона, принадлежащие к индоевропейской, алтайской или картвельской семье, намного проще поддаются категоризации и, соответственно, по ним легче провести когнито-семантический анализ.

Абхазо-адыгские, картвельские и нахско-дагестанские языки, входящие в иберийско-кавказскую языковую группу, порождены языковым миром автохтонных народов, а значит, представляют ценность, прежде всего для корпуса когнитивной лингвистики. В данном контексте их анализ возможен с социолингвистической позиции: лингвоментальный комплекс языкового мира северокавказского региона, выраженный в совокупности ключевых ценностных аттракторов [Гуриев, 2010: 59].

1. Обзор литературы

Раскрытием лингвоментального комплекса через концепты Нартского эпоса занимались такие лингвисты-кавказоведы, как: Т.А. Гуриев, З.Д. Джапуа, А.М. Евлоева, В.В. Иванов, В.А. Мамонова, Х.С. Мухамадиев, Л.Х. Сабанчиева, Г.А. Халухаев. Причём, Т.А. Гуриев, ведущий специалист по Нартскому эпосу, смог проследить эволюцию многих концептов в творчестве народных сказителей через центральный фольклор, а исследователи З.Д. Джапуа, А.М. Евлоева, В.А. Мамонова смогли провести более узкий анализ с учётом абхазского, ингушского и осетинского языков, соответственно.

Культуролог В.В. Иванов произвёл когнитивно-семантический анализ через диахроническое рассмотрение кавказских языков в

поиске пути развития народов Северного Кавказа. Этот исторический, культурологический и языковой материал стал базой нашего исследования, с тем отличием, что В.В. Иванов делал упор не на диахроническом подходе, а исходил, прежде всего, из цивилизационного подхода А. Тойнби (локально-цивилизационный тип), мы же исследуем непосредственно лингвокультурную ценность Нартиады как языкового и исторического источника для изучения лингвоментального комплекса иберийско-кавказской семьи.

2. Специфика работы с текстом Нартиады

Наиболее полный и цельный языковой материал, отражающий культурные концепты и ценностные аттракторы языков Северного Кавказа, проще всего получить при работе с тем источником, который бы содержал этико-нравственные, идеологические и социокультурные нормы и предпочтения каждого народа, хотя бы и в обобщённом виде. Геройский эпос «Нарты» — центральный эпос кавказской культуры [Бларамберг, 2019: 315]. Его когниосемантический анализ способен не только предоставить исследователю совокупность общезыковых и этнолингвистических особенностей народов Северного Кавказа, но и наглядно показать историко-культурный путь развития всего северокавказского региона, даже затронув аспекты развития восточно- и южнокавказского региона с их уникальными языковыми мирами [Anderson, 2016: 45].

Кавказовед З.Д. Джапуа пишет, что влияние Нартского эпоса по части культурных концептов и ценностных аттракторов больше всего ощущается в абхазском, адыгейском и убыхском языках. Несмотря на исчезновение убыхского языка в конце XX — начале XXI веков, именно в нём прослеживается эволюция основных понятий и их качественных характеристик. Это важное замечание наталкивает на мысль, что лучше сосредоточить внимание, при анализе Нартиады, непосредственно на специфике иберийско-кавказской языковой семьи [Дробижева, 2013: 47].

В этом ключе важно отметить проблему поиска культурных концептов и ценностных аттракторов, которую затронул ещё классик отечественной лингвистики А.А. Реформаторский [Реформаторский, 2018] в контексте семантического анализа, описывая, почему культурные концепты, имеющие практически полное лексико-морфологическое и фонетическое совпадение с концептами в других языках из одной языковой группы, используются одним народом чаще, а другим реже. Реформаторский, сравнивая популярный в обществе язык с местной валютой, ссылался на отрывок из философского трактата античного скептика Секста Эмпирика,

который писал: «Подобно тому, как человек, лояльно придерживающийся известной монеты, имеющей хождение в городе согласно местному обычаю, может беспрепятственно производить денежные операции, имеющие место в том городе, другой же, такую монету не принимающий, но чеканящий какую-то иную, новую монету для себя самого и претендующий на её признание, будет делать это впустую, так и в жизни тот человек близок к сумасшествию, кто не желает придерживаться речи, принятой подобно монете, но предпочитает создавать свою собственную» [Там же: 25].

Это замечание, даже в такой философской форме, хорошо показывает, почему большая часть народов Северного Кавказа плохо воспринимают культурные концепты, которые распространены в российском обществе, номинально идентичном с обществом северокавказского региона, имеющим интеркультурную коммуникацию и входящим в систему российских общественно-экономических отношений. Для многих представителей и носителей языков Северного Кавказа основным источником формирования культурных концептов является Нартский эпос. Осознанно или нет, но этическое и идеологические нормы складываются у детей под влиянием культурного идеала пранациональных героев — Нартов.

В бессознательной форме, на уровне архетипических мотивов «нартская этика» прививается, как правило, родителями в дошкольном периоде, но это могут быть также учителя, кумиры, сверстники — в более позднем возрасте, обладающие теми же этнолингвистическими особенностями, что и ребёнок. В различных концепциях этот феномен называется «коллективная память» или «историческая память» [Юнг, 2020: 216]. Американские исследователи пользуются термином коллективная память, отечественные исследователи предпочитают термин историческая память. Учитывая цель нашего исследования, показать историко-культурный путь развития народов Северного Кавказа, — далее мы будем использовать термин «историческая память», с некоторым методическим отступлением от теории Юнга.

Культура народов северокавказского региона в своём историческом развитии часто менялась, практически в каждую эпоху она испытывала влияние извне, и качественное преобразование находило отклик в естественном для кавказского народотворчества героического эпосе. Богатейший фольклор, благодаря своей многомерности и многообразности смог не только описать во всех подробностях историю народов Кавказа до начала интеркультурной коммуникации с представителями формирующейся русской культуры в X–XI веках, но и отразить наиболее важные с лингвистической точки зрения

этические и идеологические аспекты повседневной жизни автохтонных народов в северокавказском регионе [Халухаев, 2013: 31].

Прежде всего, следует отметить основную проблему, ставящую под сомнение перспективность изучения неактуализированных языков иберийско-кавказской семьи. Ключевые мифологемы иберийско-кавказской семьи представляют собой базис мировоззренческой стороны кавказской культуры, определяющей её функцию ретрансляции традиций, обычаев, ритуалов и устойчивых привычек в историко-культурном контексте. Но — большая их часть в лингвоментальном комплексе народов Северного Кавказа отражена только в Нартском эпосе [Подорогова, 2017: 149]. Однако, манифестация лексикодов Sa, Sb, Sc, Sd в эпическом произведении, как правило теряется, и в связях Sx с метакодами Sá, Sβ, Sγ, Sδ на уровне отсутствующей структуры Sγ появляется больше разрывов. В результате — метакод Sδ, отвечающий за передачу мировоззренческих норм, не переходит в лексикод полностью.

Идеологические Sγ, духовно-нравственные Sβ, этико-нравственные Sá нормы и, соответственно, культурные концепты и ценностные аттракторы не будут полностью раскрывать сущность лингвоментального комплекса, из-за чего придётся либо остановиться на анализе трёх метакодов, либо искать иные исторические источники и языковые материалы неэпического содержания [Hill, 2018: 173].

Но, поскольку не существует достаточно объёмных источников, которые бы через диахроническое рассмотрение смогли бы предоставить необходимый материал по всей иберийско-кавказской семье и по кавказской культуре в целом, мы решили ограничиться на анализе некоторых концептов и аттракторов из Нартского эпоса.

3. Первичные концепты Нартиады

Итак, прежде всего, стоит остановиться на концептах «дороги» и «пути» в отрывках — лирических отступлениях, нравоучениях и завязках. Концептуальная сторона пути и дороги у народов Северного и Восточного Кавказа — это древняя идейная форма осуществления достижения цели, которая зародилась ещё в период формирования первых культурных и языковых общностей. В коллизии человек-история дорога выступает как наиболее ценный мотив, формирующий человеческое «Я» [Goksoy, 2018: 56]. Герои кавказских былин, сказок также были часто связаны с дорогой. Практически в любой сказке герой преодолевает определённый путь до своей цели, будь то освобождение прекрасной девицы или сражение с чудовищем, олицетворявшем, судя по всему, турецких и

иранских захватчиков. Как зачин, дорога особенно часто является в сказках с антропоморфными животными, в целом, весь кавказский фольклор пропитан дорожной символикой. Частота использования этих двух концептов говорит о том, что ещё до X века большая часть автохтонных кавказских народов не вела оседлый образ жизни [Anderson, 2016: 72].

Во многих разделах философии, например, в гносеологии и в этике, значение дороги сводится к мотиву нравственного искания. В поэтике концепт пути восходит к сюжетообразующему компоненту. Данный концепт оказал значительное влияние даже на творчество русских писателей, оказавшихся в ссылке на Кавказе в первой половине XIX века. Прежде всего, это заметно в поэзии М.Ю. Лермонтова [Тендрякова, 2020: 128].

В творчестве М.Ю. Лермонтова путь и дорога приобретают символические мотивы, поскольку лирический герой не всегда охотно встречает дорогу, он может её не любить, или и вовсе ненавидеть, а может страстно желать отправиться в путь. Лермонтов отождествляет концепты «дорога» и «свобода» не только как возможность нравственного выбора, но и из-за наличия множества вариантов его, потому что сама возможность, с точки зрения автора, — уже достойна высокой оценки.

Во многих стихотворениях, написанных во время южной ссылки, Лермонтов по-разному старается раскрыть своё понимание дороги, пути как неотъемлемой части души человека, его менталитета. Жизненный путь преобразует героя, заставляя раскрыть свои потаённые мотивы, дорога — это отрезок, который отделяет человека от безграничной свободы, от возможности «прикоснуться к частице вечности», именно поэтому, даже не сама концовка дороги, а нахождение на ней — уже является величайшей наградой [Тендрякова, 2020: 134].

Поэма «Демон» пропитана мотивами дороги, как в классическом представлении, так и в форме «небесного пути». Лирический герой изнемог от исканий, он пытается найти то, чего не существует. Для него дорога — мучение, но возможность её окончания придаёт сил, заставляет продолжать движение мечтать и размышлять. «Выхожу один я на дорогу...», в целом, передаёт мотив всего цикла, но именно в этом стихотворении используются те топосы и тропы, которые позволяют понять ценностную систему и самого автора, и кавказской культуры одновременно [Тендрякова, 2020: 137]. Возможно, поэтому данное стихотворение ценили и при жизни поэта, и после смерти. В частности, В.С. Высоцкий использовал парафраз на одну из строк стиха в своей песне «Баллада об уходе в рай»: У Лермон-

това — ранняя версия: «Я ищущу свободы и покоя! / Я б хотел забыться и уснуть!»; у Высоцкого: «Ах, как нам хочется, как всем нам хочется / Не умереть, а именно уснуть».

Во многих языках иберийско-кавказской семьи дорога является и концептом, и аттрактором одновременно. Приведём примеры.

1. «Фæндаг» (осетинский) означает в большей степени процесс хождения, пребывание в пути, а не отражает картину дороги, в этом прослеживается существенное отличие от русского концепта, исторически связанного с бытовым, поэтическим и религиозным представлением о дороге — «путь», «тропа», «тропинка», «стезя» (М.А. Волошин, В.Я. Брюсов), «мостовая» (А.И. Введенский, И.Ф. Анненский), «небесный путь» и «небесная тропа» (т.е. лестница Иакова) [Мамонова, 2020: 96–97].

2. «Гъюгум» (адыгейский) означает дорогу в поэтизированном смысле, часто в разговорном стиле происходит смыкание «жизненного пути» и «дороги свершений», в этом можно сравнить концепт дороги в адыгейском языке с южными говорами иронского диалекта осетинского языка, которые, однако, имеют ряд значительных отличий в структуре лингвоментального комплекса [Мухамадиев, 2020: 63].

3. «Амеа», «а́меа хара» (абхазский) означает «долгий путь», дорогу, на протяжении которой придётся пройти через определённые испытания. В контексте Нартского эпоса дорога, действительно, ставит перед искателем задачи, решение которых возможно либо с помощью хитрости, либо с помощью проявления терпения, силы и воли [Джапуа, 2016: 214].

4. «Некъ» (чеченский) означает «испытание», в отличие от примера с абхазским языком, где испытания являются следствием долгого нахождения на дороге, здесь сам путь предстаёт в виде какого-либо испытания силы, воли, причём, количественно-временная характеристика в концепте на данном языке не столь важна [Там же: 251].

Отечественный лингвист и культуролог Т.А. Гуриев, ведущий эксперт по Нартскому эпосу, считает, что в творчестве народных сказителей, кайчи, прослеживается эволюция ещё одного концепта, являющегося одновременно и ценностным аттрактором [Гуриев, 2010].

Концепт «свободы» в кавказской культуре, который, по основным этнолингвистическим традициям, можно соотнести с русским «воля», чешским “vule” или с немецким “der Wille”, имеет связь с предыдущим концептом, но понимается шире. У сванов и хевсуров, например, понятие свободы неразрывно связано с объективиза-

цией крыльев, то есть, с Нартами, которые обладали мифической способностью к полёту. Это позволяет сделать вывод о том, что Нартский эпос очень близок к ионической песне, по основной форме сюжетоповествования, а также по детализации сцен повседневной жизни [Там же: 245].

Особенно важно понимание типологии внутреннего архетипического мира богов и героев Нартиады: «созерцателей», «участников» и «деятелей». Уархаг и его сыновья, Хсар и Хсартаг — созерцатели по своему архетипу, которые стояли у истоков, но не вмешивались в «земные дела». Цикл «Заземления» или Оземления» Амаги, Тамирис (Томирис) — участники, которые были царями над смертными и были символами множества культов. Непосредственно геройский цикл — Ацамаз (менестрель), Сослан (великан), Амиран (ср. в греческой мифологии — Прометей). Для каждого из данных типов характерно своё поведение, раскрывающееся по ходу повествования [Нарты. Адыгский героический эпос, 2017].

Несмотря на то, что количество тем, которые затрагивает Нартский эпос, превышает возможности даже синкретического жанра, он содержит относительно малое количество концептов, являющихся общими хотя бы для большей части языков иберийско-кавказской семьи. «Путь», «дорога» и «свобода», «воля», «свобода» — ключевые концепты, которые являются также ценностным аттракторами [Иванов, 2011: 148]. Продолжая анализ, разберём вторичные концепты.

4. Вторичные концепты Нартиады

Концепт «очарование» встречается часто, иногда переключаясь с мотивами мистики. Как правило, в таких произведениях автор-рассказчик или герой, если повествование ведётся от его имени, старается отвлечённо рассказать о потере, утрате, которая, по сути, является следствием переживаний поэта. Однако, часто оказывается, что концепт сливается с мотивами печали или тоски, их вечные образы предстают в форме метафизических героев, без ярко выраженных характеров, которые не имеют непосредственной «выгоды» от совершения какого-либо действия в ходе повествования [Евлоева, 2012: 57].

Довольно часто встречающийся концепт на протяжении всех частей эпоса после «Слова...» — «странствие», он передаётся с помощью тех же концептов «путь» и «дорога», которые часто сочетаются. Во многих отрывках концепт по-разному преобразует героя, заставляя его раскрыть свои потаённые мотивы, дать оценку миру и своему окружению. Поэтическая форма здесь позволяет развить, а

не только направлять сюжет, сменяя место действия, либо переходя к описательной характеристике внешнего вида, характера героев, к лирическому отступлению [Там же: 64]. Неоднозначность и неоднородность концепта свидетельствует об эволюции, проходящей через многие вехи творчества, вполне вероятно, что исконное значение уже установить не удастся, но точно можно сказать, что это связующий концепт, который в основном используется для зачина. Так, духовные поиски часто приводят Нартов к тому, что они обращаются к потусторонним силам за помощью, Сослан, например, просит её у Донбеттыры, водного божества, архетипа щедрости, потому что верит, что его просьба может выполнена потому, что он прошёл через своего рода «искание» [Нарты. Адыгский героический эпос, 2017].

Другой важный концепт — это «выбор», его ассоциат — «избрание». Возможность избрать человека или сделать нравственный выбор, не прислушиваясь к чьему-либо мнению, настоянию верховной власти, сословий, которые диктуют весь уклад общественной жизни. Сделать самостоятельный выбор для многих Нартов — значит намного больше, чем просто поступить не так, как поступили бы другие. Нарту необходимо чувство самости, чтобы совершенствоваться [Дробижева, 2013: 209]. Казалось бы, столь незначительное положение и отношение к совершенно обыденному понятию, может решить судьбу и даже сформировать характер героя, как это было с Урузмагом, Тамирис и Зариной в цикле о «Заземлении». Так или иначе, в эпосе выбор и избрание — весьма символичны. Нарт, как правило, отождествляет нравственный выбор и свой собственный выбор, что не вполне этично по современным меркам, но категория самости в Нартском эпосе всегда поощрялась, если не шла вразрез с наставлением родителя, близкого друга или старшего товарища [Нарты. Адыгский героический эпос, 2017]. Для сравнения, примерно такое же отношение к категории самости в германской мифологии, с той поправкой, что во многих поздних мифах за неправильный поступок герой может снискать в немилость богов, тогда как в Нартском эпосе, даже в случае провала, его ждёт похвала за самостоятельный поступок.

«Покорность» — важный концепт, прослеживающийся в характерах и поступках многих Нартов, он не противоречит концепту «выбора», но скорее дополняет его, позволяя получить более полное представление о культуре прародителей народов Кавказа. Если Нарту важно сделать самостоятельный выбор, но при этом он должен условно прислушиваться к мнению родителей, друзей,

то получается, что покорность проявляется в уважении их опыта, это говорит уже не об индивидуализме, а о коллективизме в фило-софском смысле, что гораздо более подходит под структурно-функциональные свойства, проявления лингвоментального комплекса народов Кавказа в современности [Там же]. Стало быть, именно «коллективное решение» в Нартской психологии ставится на первое место, тогда как самость может проявляться в желании «проявить себя» посредством участия в совещании [Клычников, 2018: 94]. Это же и необходимость почувствовать себя полезным своему обществу, даже на уровне одной семьи. Часть эпоса об Ахсаре и Ахсартаге, архетипы соперников, показывает, что бывает, когда человек принимает решение, не посоветовавшись с другими, не узнав, может ли это причинить им вред. И наоборот, Урузмаг и Сатана, архетипы отца и матери, — в начале эпоса кажутся идеалом семейной пары, потому что всегда нуждаются в супружеском совете [Сабанчиева, 2014: 166].

Выделим ещё один концепт — «страсть». Свобода и страсть тесно взаимосвязаны, хотя для многих Нартов страсть скорее соотносится с концептами «вера», «уверенность», «верность», становясь при этом переходным аттрактором. Эти концепты образуют единое целое во всех отрывках, где описывается любовная линия главных героев. Можно заметить единый способ словообразования для многих кавказских языков [Киященко, 2013: 163]. В абазинском языке (иберийско-кавказская семья) «азхъацIара» («вера»), «азхъацIара» («уверенность»), «азцIабыргызлара» («верность») все три концепта имеют схожий вид, а концепты «вера» и «уверенность» являются омонимами. В армянском языке (индоевропейская семья) между концептами հաշիւաբարձրանիւր («верность»), «հաշիւ» («вера»), «վաշիւաբարձրանիւ» («уверенность») также можно проследить связь, хотя, как следует отметить, что влияние Нартского эпоса на данную языковую семью менее значимо, чем на иберийско-кавказскую, но, тем не менее, имеет место быть [Джапуа, 2016; Тендрякова, 2020].

Выводы

Итак, основные культурные концепты, которые можно считать общими для большинства языков иберийско-кавказской семьи, это «путь», «дорога», «свобода», «воля», «выбор» и его ассоциат — «избрание», категория «самости», «покорность», «страсть», «вера», «уверенность», «верность», из которых также являются ценностными аттракторами «путь», «дорога», «свобода», «воля» и «страсть». Общий стиль и форму сюжетоповествования эпоса Нарты можно соотнести с ионической песней, при этом фольклор насыщен раз-

ноструктурными образованиями, которые позволяют, раскрыв принадлежность центральных и побочных циклов о Нартах, получить наиболее полную и цельную информацию о лингвоментальном комплексе представителей языкового мира, предшествовавшего зарождению большей части лингвокультур народов Северного Кавказа. В поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа, данный исторический и языковой материал позволяет проследить теснейшую связь десятков и сотен культур, оказавших существенное влияние на развитие крупнейших восточных и западных языковых сообществ.

Список литературы:

Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.: Изд. Надыршин А.Г., 2019. 451 с.

Гуриев Т.А. Сборник избранных работ. Владикавказ: Издательство СОГУ, 2010. 295 с.

Джапуа З.Д. Абхазский нартский эпос. Текстология. Семантика. Поэтика. М.: Наука. Восточная литература. Исследования по фольклору и мифологии Востока, 2016. 384 с.

Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет / Л.М. Дробижева. М.: Новый хронограф, 2013. 336 с.

Евлоева А.М. Ингушская драматургия: национальные истоки, эволюция, жанровая специфика. Нальчик, 2012. 160 с.

Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 6. М.: Издательский дом ЯСК, 2011. 380 с.

Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (Очерки о синергетике языка). М.: ИФРАН, 2013. 204 с.

Клычников Ю.Ю. История и культура народов Северного Кавказа. М.: Юрайт, 2018. 117 с.

Мамонова В.А. Нартский эпос как код этнической истории и культуры осетин. М.: OmniScriptum Publishing KS, 2020. 348 с.

Мухамадиев Х.С. Концепты в художественном дискурсе современной литературы Казахстана. М.: OmniScriptum Publishing KS, 2020. 152 с.

Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Вита Нова. Серия «Фамильная библиотека». «Героический зал», 2017. 632 с.

Подорогова В.А. Опыт и чувственное в культуре современности. Философско-антропологические аспекты. М.: ИФРАН, 2017. 258 с.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. Издание 5-е, испр. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 536 с.

Сабанчиева Л.Х. Архетип отцовства в эпосе «Нарты» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: всероссийский научный журнал. Краснодар, 2014. № 6. Ч. 2. С. 165–168.

Тендрякова М.В. Многообразие типичного. Очерки по культурно-исторической психологии народов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2020. 400 с.

Халухаев Г.А., Кузнецова А.Б. Ингушский Нартский эпос: структура и место в мировом фольклоре. М., 2013. 160 с.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное. М.: АСТ. «Философия — Neoclassic», 2020. 512 с.

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York: Verso, 2016. 256 p.

Goksoy S. Reasons of the problems that academicians experience in management of teaching and learning process. Journal of Pedagogical Research. No. 2, 2018, pp. 55–62.

Hill A.A. Introduction to linguistic structures: From sound to sentence in English. New York: Harcourt: Brace, 2018. 202 p.

Olesya S. Makarova,

Cand. Sc. (Pedagogy), Associate Professor, Foreign Language Teacher (English) at Stavropol State Pedagogical Institute, Russia;
e-mail: o-ss@mail.ru

Artyom S. Goncharov,

Bachelor, Stavropol State Pedagogical Institute, Russia;
e-mail: raven-moon-34999@mail.ru

ANALYSIS OF BASIC CONCEPTS AND ATTRACTORS OF THE NART EPIC IN THE SEARCH FOR THE HISTORICAL AND CULTURAL PATH OF DEVELOPMENT OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS

This article is devoted to the study of the conceptual, value and archetypal side of the Nart epic, as well as some language material on the side cycles of the Narts. The course of the study is based on an analysis of the cultural concepts and value attractors of Nartiada, which are common to the majority of the linguistic Iberian-Caucasian language family. In order to reveal the linguo-mental complex of representatives of the linguistic world that preceded the emergence of most of the linguistic cultures of the peoples of the North Caucasus, we use both general semantic analysis and cognitive-semantic analysis, while updating the corpus of cognitive linguistics. In studying the cognitive-valency system of some of the heroes of Nartiada, while taking into account the specifics of the poetic text and folklore as a whole, we use the archetypal concept of K.G. Jung in its American variation to simplify the diachronic examination of the language. This approach makes it possible to use concrete examples to show the existence and

evolution of concepts in individual languages, e. g. we touch on the specifics of the Ossetian (Ironic), Adyghe, Abkhaz, Chechen and Abaza languages of the Iberian-Caucasian language family. To illustrate the influence of the Nart epic on the Caucasian languages, we use some material from the Abazin language (the Iberian-Caucasian language family) and the Armenian language (the Indo-European language family) to show not only the existence and evolution of similar cultural concepts, but also the heterogeneous influence of Nartiades on different language families and language groups. The manifestation of cultural concepts and value attractors is also shown by the example of the nature and actions of the main characters of Nartiade from the cycles: “The Beginning of the Narts,” “Grounding” and the heroic cycle itself. The basis for the study is the linguistic and historical material accumulated by the expert in Caucasian studies T.A. Guriev and culturologist V.V. Ivanov.

Key words: cultural concept, value attractor, linguo-mental complex, language world, archetype, intercultural communication, updated language.

References

Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. New York: Verso, 2016. 256 p.

Blaramburg I.F. Istoricheskoe, topograficheskoe, statisticheskoe, etnograficheskoe i voennoe opisanie Kavkaza [Historical, topographic, statistical, ethnographic and military description of the Caucasus]. Moscow: Izd. Nadyrshin A.G., 2019. 451 p. (In Russian).

Goksoy S. Reasons of the problems that academicians experience in management of teaching and learning process. Journal of Pedagogical Research. No. 2, 2018, pp. 55–62.

Guriev T.A. Sbornik izbrannyh rabot [Collection of selected works]. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOGU, 2010. 295 p. (In Russian).

Hill A.A. Introduction to linguistic structures: From sound to sentence in English. New York: Harcourt, Brace, 2018. 202 p.

Dzhapua Z.D. Abhazskij nartskij epos. Tekstologiya. Semantika. Poetika [Abkhazian Nart epic. Textology. Semantics. Poetics]. Moscow: Nauka. Vostochnaya literatura. Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka, 2016. 384 p. (In Russian).

Drobizheva L.M. Etnichnost' v social'no-politicheskom prostranstve Rossijskoj Federacii. Opyt 20 let [Ethnicity in the socio-political space of the Russian Federation. 20 years experience]. Moscow: Novyj hronograf, 2013. 336 p. (In Russian).

Evloeva A.M. Ingushskaya dramaturgiya: nacional'nye istoki, evolyuciya, zhanrovaya specifika [Ingush drama: national origins, evolution, genre specificity]. Nal'chik, 2012. 160 p. (In Russian).

Ivanov V.V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury [Selected works on semiotics and cultural history]. V. 6. Moscow: Izdatel'skij Dom YaSK, 2011. 380 p. (In Russian).

Kiyashchenko L.P. V poiskah ischezayushchej predmetnosti (Ocherki o sinergetike yazyka) [Search of Vanishing Objectivity (Essays on the Synergetics of Language)]. Moscow: IFRAN, 2013. 204 p.

Klychnikov Yu.Yu. Istoriya i kul'tura narodov Severnogo Kavkaza [History and culture of nations of the North Caucasus]. Moscow: Yurajt, 2018. 117 p. (In Russian).

Mamonova V.A. Nartskij epos kak kod etnicheskoj istorii i kul'tury osetin [Nart epic as a code of Ossetian ethnic history and culture]. Moscow: OmniScriptum Publishing KS, 2020. 348 p. (In Russian).

Muhamadiev H.S. Koncepty v hudozhestvennom diskurse sovremennoj literatury Kazahstana [Concepts in the literature discourse of modern literature in Kazakhstan]. Moscow: OmniScriptum Publishing KS, 2020. 152 p. (In Russian).

Narty. Adygsckij geroichesckij epos [Nart. Adyghe heroic epic]. Moscow: Vita Nova. Seriya "Famil'naya biblioteka". "Geroichesckij zal", 2017. 632 p. (In Russian).

Podorogova V.A. Opyt i chuvstvennoe v kul'ture sovremennosti. Filosofsko-antropologichesckie aspekty [Experience and sensuality in modern culture. Philosophical and anthropological aspects]. Moscow: IFRAN, 2017. 258 p. (In Russian).

Reformatsckij A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics. Edition 5, rev.]. Izdanie 5-e, ispr. Moscow: Izdatel'stvo "Aspekt Press", 2018. 536 p. (In Russian).

Sabanchieva L.H. Arhetip otcovstva v epose "Narty" [The archetype of paterinity in the "Nart" epic]. *Gumanitarnye, social'no-ekonomichesckie i obshchestvennye nauki: vserossijsckij nauchnyj zhurnal*. Krasnodar, 2014. No. 6. Part 2, pp. 165–168 (In Russian).

Tendryakova M.V. Mnogoobrazie tipichnogo. Ocherki po kul'turno-istorichesckoj psihologii narodov [The variety is typical. Essays on the cultural-historical psychology of peoples]. Moscow: Izdatel'sckij Dom YaSK, 2020. 400 p. (In Russian).

Haluhaev G.A., Kuznecova A.B. Ingushckij Nartskij epos: struktura i mesto v mirovom fol'klоре [Ingush Nart epic: structure and place in world folklore]. Moscow, 2013. 160 p. (In Russian).

Yung K.G. Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow: AST. "Filosofiya — Neoclassic", 2020. 512 p. (In Russian).

Мэн Ся,

доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Института иностранных языков Шэньсийского педагогического университета, КНР; e-mail: xmeng003@163.com

С.И. Маслихина,

магистрант Шэньсийского педагогического университета, КНР; e-mail: svetamaslihina@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ РАЗНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПСИХОЛОГИИ

Данная статья посвящена рассмотрению основных психологических процессов в ходе переводческой деятельности. Опираясь на исследования в области трёх психологических школ, а именно гештальтпсихологии, когнитивной психологии и психолингвистики даётся описание задействованных в процессе перевода психологических механизмов, а именно восприятия, внимания, памяти и речепорождения. На основе проведённого анализа выявлено, что изучение психологических особенностей перевода является необходимым условием для глубинного познания переводческой деятельности, а также для развития важных переводческих навыков.

Ключевые слова: переводческая деятельность, перевод, гештальт-психология, когнитивная психология, психолингвистика, восприятие, внимание, память, речепорождение.

Введение

В связи с возрастанием роли межкультурной коммуникации в жизни современного человека переводческая деятельность приобретает всё большую значимость, а вместе с тем повышается и интерес к изучению процесса перевода.

Несомненно, перевод, как предмет изучения, весьма многогранен, ведь процесс перевода детерминируется множеством факторов. Со времён возникновения потребности в межъязыковом общении учёные пытаются найти ответы на вопросы о том, что такое перевод, возможен ли перевод вообще, и если да, то как происходит сам процесс перевода.

На протяжении долгого времени к вопросу перевода подходили с сугубо лингвистических позиций, и, несмотря на утверждения

о том, что невозможно «строить теорию перевода на чисто лингвистической основе, без учёта экстралингвистических факторов» [Бархударов, 1975: 13], на настоящий момент лингвистическое направление является наиболее разработанным. Это легко объясняется тем, что предмет лингвистического исследования материален, он представляет собой результат переводческой деятельности, а именно — текст, который легко поддаётся изучению. Однако рассмотрение перевода в рамках исключительно лингвистического подхода представляется нам ограниченным, ведь сам процесс преобразования текста из одной языковой системы в другую происходит непосредственно в голове у переводчика, что говорит о том, что данный процесс нуждается в более пристальном рассмотрении в контексте психологической науки.

Психология, в отличие от лингвистики, чётко разграничивает понятия перевода, как процесса, и перевода, как продукта переводческой деятельности, т.е. текста. И, если лингвистические теории отталкиваются в основном от текста, то психологическое изучение направлено прежде всего на перевод, как процесс, и уже затем на текст, как результат этого процесса [Зимняя, 1982: 5].

По словам В.В. Сдобникова, «выявление психологических особенностей перевода является необходимым условием для глубинного познания переводческой деятельности» [Сдобников, 2006: 28]. В данной статье мы предпринимаем попытку описать некоторые психологические процессы переводческой деятельности с точки зрения разных направлений психологии, взяв за основу три направления: гештальтпсихологию, когнитивную психологию и психолингвистику. Выбор данных направлений обосновывается тем, что, опираясь на результаты исследований в рамках данных психологических школ, можно описать основные, задействованные в процессе перевода, психологические механизмы, такие как восприятие, внимание, память, речепорождение.

Гештальтпсихология

Начать рассуждение представляется целесообразным с гештальтпсихологии, поскольку главным предметом изучения данного направления является восприятие, с которого начинается любой процесс перевода.

Гештальтпсихология — это направление, возникшее в Германии в первой половине XX века и выдвинувшее программу изучения психики, прежде всего восприятия и мышления, с точки зрения целостных структур — гештальтов. Основным принципом гештальтпсихологии является мысль, что человек воспринимает

окружающий мир через сенсорные анализаторы не в виде отдельных фрагментов, а в виде упорядоченных целостных конфигураций [Ярошевский, 2005: 13]. Другими словами, в процессе восприятия мы непроизвольно создаём целостный образ, основанный на накопленном опыте, а не разбираем каждую деталь по отдельности. Например, при взгляде на человека, идущего нам навстречу, мы воспринимаем не отдельно нос, глаза, уши, руки и т.д., а всего человека в целом.

По мнению гештальтистов, «целое всегда больше, чем сумма составляющих его частей» [Бархударов, 1975: 27]. Значит, результат восприятия является чем-то большим, чем то, что мы услышали или увидели. Мы можем додумать, дочувствовать, и происходит это посредством сочетания ассоциаций, которые уже присутствовали в нашем сознании до этого.

Опираясь на принципы гештальтпсихологии, будет интересно описать работу механизма восприятия в процессе устного перевода, который совершается в условиях ограниченного времени и характеризуется кратковременностью восприятия информации.

Так, изучая процесс перевода, некоторые исследователи (А. Нойберт, Дж. Холмс) утверждают, что образ потенциального текста перевода возникает в сознании практически сразу: «когда мы переводим, мы имеем в нашем сознании образ исходного текста и одновременно образ того текста, который мы хотим создать на языке перевода» [Зимняя, 1981: 34].

Таким образом, механизм восприятия в процессе перевода можно описать так: информация поступает в мозг через сенсорные анализаторы (слух, зрение), и происходит взаимодействие сенсорной и мыслительной деятельности. На базе прошлого опыта и уже имеющихся ассоциаций возникает целостная «картина» услышанного, и, что самое интересное, происходит это мгновенно. В процессе устного перевода образ, закодированный оратором в слова на языке оригинала, достигает переводчика скорее в виде законченной картинки, нежели грамматически выстроенного текста. Далее переводчику лишь нужно подобрать подходящий языковой код на языке перевода, чтобы образ, воспринимаемый реципиентом, максимально совпадал с тем, что был создан оратором.

Воспринимаемый текст в сознании переводчика сразу не имеет вербальной формы. Всем начинающим переводчикам знакома ситуация, когда смысл исходного текста понят, а в словах выразить его не получается. Это ещё раз доказывает обоснованность идеи о том, что целостный образ есть нечто большее, чем сумма его составляющих. Кроме того, благодаря целостности восприятия,

переводчик легко может выйти из ситуации, в которой он не знает какое-либо слово из середины предложения или просто его прослушал. В подобном случае в нашем сознании всё равно возникнет законченный образ, опираясь на который можно осуществлять дальнейший перевод.

Например, «Министерство (...) сообщило об увеличении времени приёма у врачей. Многие (...), что из-за этого в поликлинике вырастут (...)». Из общего контекста очевидно, что речь идёт о министерстве ЗДРАВООХРАНЕНИЯ, что многие ОБЕСПОКОЕНЫ (переживают или боятся), что в поликлинике вырастут ОЧЕРЕДИ (а не деревья).

Таким образом, базовые принципы гештальтпсихологии помогают углубить представление о том, как происходит первый, и, по мнению многих, самый важный, этап процесса перевода — восприятие, а также, опираясь на знания об особенностях данного механизма, можно усовершенствовать подход к обучению будущих переводчиков.

Когнитивная психология

О целостности восприятия говорят и сторонники когнитивной психологии, которая изучает познавательные процессы. Однако психологи-когнитивисты убеждены, что при объяснении восприятия должны учитываться не только внешние воздействия, но и знание человека о том, как устроен мир. То есть мы скорее видим то, что знаем, чем то, что происходит на самом деле. Так, Роберт Солсо пишет, что в «восприятии участвуют высшие когнитивные механизмы, интерпретирующие сенсорную информацию» [Солсо, 2006: 59].

Учитывая бесчисленное количество сенсорной информации, непрерывно возбуждающей нашу нервную систему, очевидно, что далеко не все сенсорные сигналы могут быть подвержены дальнейшей обработке. Поэтому в любой деятельности, и особенно в деятельности переводчика, крайне важным является механизм внимания, благодаря которому становится возможным фокусироваться на одном сообщении и загормаживать обработку информации из других источников, таким образом разгружая систему обработки. Уильям Джеймс определяет внимание, как «отвлечение от одних вещей ради того, чтобы эффективнее работать над другими» [Там же: 66]. Данное определение хорошо описывает одно из ключевых качеств внимания — переключение, именно оно делает возможным существование всех видов устного перевода.

Рассмотрим также другие свойства внимания, а именно: объём, концентрацию, устойчивость и избирательность.

Объём определяется количеством объектов, которые могут одновременно находиться в поле внимания [Зимняя, 1998: 17]. Чем больше объём внимания у переводчика, тем лучше он может воспринимать крупные смысловые блоки, которые отражают суть сообщения и связаны между собой. Кроме того, хороший объём внимания позволяет переводчику связывать сразу несколько информационных блоков и работать с ними.

Под концентрацией внимания понимают степень сосредоточенности на объекте. В деятельности переводчика объектом внимания будет являться содержание исходного материала.

Не менее важным качеством является избирательность внимания, которое Зимняя определяет, как «способность среди различных однородных объектов внимания выбирать именно то, что является в данный момент целью деятельности...». В устном переводе избирательность проявляется, например, в выборе наиболее значимых, ключевых слов, и опущении слов, не несущих смысловой нагрузки [Там же: 19].

И наконец устойчивость, т.е. длительность сосредоточения внимания на доминирующих объектах. В ситуациях длительного времени выполнения работы внимание имеет свойство рассеиваться и ослабевать, мешая таким образом качественному выполнению работы. В случае с устным переводом это особенно актуально ввиду того, что время работы устного переводчика зачастую растягивается на многие часы.

Следовательно, для полноценного осуществления переводческой деятельности необходимо постоянно работать над улучшением качеств внимания, тренировать его устойчивость и расширять объём.

Вышеописанные психологические процессы тесно переплетаются и опираются на ещё один крайне важный механизм — память. Действительно, возможно ли было бы осуществить перевод, если бы у нас не было памяти? Маловероятно, ведь память является ключевым механизмом в обработке информации [Солсо, 2006: 225].

Полагаем, что всем известна классическая модель памяти, впервые предложенная Уильямом Джеймсом. Заключается она в разделении памяти на кратковременную (КВП) и долговременную (ДВП).

Долговременная память представляет собой основное хранилище нашего опыта. По словам Роберта Солсо, это «способность обращаться к прошлому и находить там информацию, необходимую для понимания настоящего» [Там же: 244]. В ДВП хранятся все наши знания, придающие смысл жизни. Психологи когнитивисты утверждают, что объём долговременной памяти и длительность

хранения информации в ней не ограничены. Однако далеко не вся информация попадает на длительное хранение. Сначала она подвергается сортировке, оставаясь ненадолго в кратковременной памяти, которая в большей мере участвует в первичной обработке стимулов, поступающих из внешнего мира. КВП, в отличие от ДВП, значительно ограничена в объёме. Согласно модели памяти Миллера, объём КВП составляет всего лишь 7 ± 2 единиц, например, за один раз в кратковременной памяти мы можем удерживать только 7 букв. Однако, если буквы объединены в слово, то они будут составлять одну единицу информации [Там же: 231]. Исходя из этого можно предположить, что «хотя объём КВП и ограничен 7 единицами, плотность такой информации может меняться в огромном диапазоне» [Там же: 234], конечно же в зависимости от уже имеющихся знаний.

Возвращаясь к переводческой деятельности, представим, например, такую ситуацию: перед специалистом стоит задача перевести вступительную речь оратора на выставке ЭКСПО, проходящей в Китае. В том случае, если он обладает достаточным количеством фоновой информации и хорошо подготовился, то для него такая фраза как «4-я международная выставка ЭКСПО Шёлкового пути — инвестиционно-торговая ярмарка по вопросам сотрудничества Восточного и Западного Китая» будет восприниматься не в 16 единиц (по количеству слов), а в одну, потому что слова в данном случае объединены в один смысловой сегмент, с которым переводчик уже знаком.

Совершенно очевидно, что механизмы кратковременной и долговременной памяти не функционируют изолированно друг от друга. Ведь после восприятия услышанного фрагмента речи мы начинаем всячески его преобразовывать, и, даже если информация не переходит в долговременную память, и мы её вскоре забываем, то для работы с ней в настоящем времени нам всё равно нужно оперировать накопленными знаниями. Для описания данного процесса ввели понятие оперативной памяти, которая непосредственно включена в деятельность «для удержания её промежуточных результатов» [Там же: 230]. Принято считать, что из кратковременной памяти информация сначала переходит в оперативную и только потом в долговременную. Оперативная память характеризуется тем, что при кратковременном хранении данных, полученных в момент восприятия, происходит также их дополнение данными, хранящимися в долговременной памяти.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что в переводческой деятельности память играет первостепенную роль.

Опираясь на хорошую память, можно развить способность автоматически применять множество переводческих стратегий, не говоря уже о глубоком знании языка. Например, одной из крайне важных стратегий, позволяющих устным переводчикам осуществить качественный перевод, является стратегия вероятностного прогнозирования. Она заключается в предвосхищении того, чем закончится высказывание ещё до того, как его закончил оратор. Мордынская определяет вероятностное прогнозирование, как «предсказывание наступления событий в будущем на основании прошлого речевого опыта» [Мордынская, 1988]. Обладая навыком вероятностного прогнозирования, переводчик, опираясь на лингвистические знания, способен предугадать возможные варианты окончания коммуникативной ситуации. Например, он слышит начало предложения «Господин председатель, хочу поздравить вас...», и если переводчик хорошо подготовлен и имеет достаточно информации о мероприятии, на котором он работает, то он с лёгкостью закончит фразу «...с избранием на этот высокий пост»; или «Хочу выразить организаторам благодарность...» за что? «...за проделанную работу».

Можно сделать вывод, что, наряду с вниманием, не менее важным является развитие памяти и способности к запоминанию, ведь чем меньше у нас знаний об окружающем мире, тем ниже качество внимания. А если вспомнить утверждение когнитивных психологов о том, что мы воспринимаем то, что уже знаем, а не то, что есть на самом деле, то ключевая роль памяти становится очевидной. Кроме того, любое развитие возможно только благодаря сохранению приобретённого опыта.

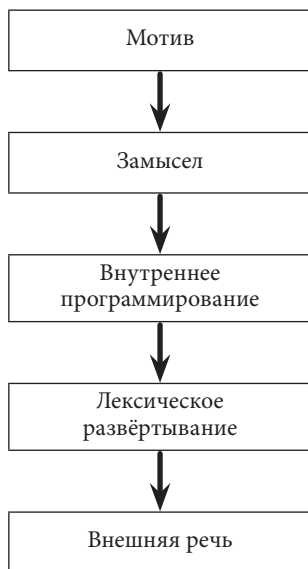
Психолингвистика

Что же происходит далее? Вот переводчик слышит фразу, воспринимает её через сенсорные анализаторы, фильтруя и преобразовывая при этом поступающую информацию при помощи механизмов внимания и памяти. Происходит переработка информации. Как же происходит вербализация воспринятой информации, тем более на другом языке?

Рассуждая на эту тему, мы решили опереться на исследования в рамках сравнительно новой психологической школы. Психолингвистика изучает психические процессы, связанные с использованием языка. Эти процессы разделены на две группы: процессы восприятия высказывания и процессы порождения высказывания. Мы уже достаточно много говорили о восприятии переводчиком исходного материала, теперь же рассуждение привело нас к речепорождению.

В психолингвистике существует достаточно много моделей порождения речи. Базовой моделью принято считать схему-модель, предложенную А.А. Леонтьевым. Согласно данной модели, процесс порождения речевого высказывания состоит из пяти последовательных этапов [Леонтьев, 1999: 78].

Схематично они выглядят так:

Для более полной картины, расшифруем данную схему.

Очевидно, что изначально у автора речевого сообщения возникает потребность выразить определенную информацию, она и называется мотивом. По словам Дж. Миллера, на данном этапе говорящий имеет образ результата, но ещё не имеет плана действия [Выготский, 1982: 97].

На следующем этапе, этапе замысла, происходит определение того, о чём нужно сказать и что именно об этом нужно сказать, другими словами, происходит определение темы и ремы.

Этап внутреннего программирования считается ключевым этапом порождения речи, сам Леонтьев описывает этот этап, как процесс построения некой смысловой схемы, опираясь на которую строится дальнейшее высказывание [Леонтьев, 1999: 113]. На этапе внутреннего программирования выбираются единицы смыслового содержания, которые являются наиболее подходящими для говорящего, а также определяется их иерархия. Также данный этап называют внутренней речью. Внутренняя речь играет роль

«мысленного черновика» [Выготский, 1982: 98], причём переход от внутренней речи к внешней представляет собой не простую вокализацию, а переструктурирование речи, которое происходит на этапе лексического развёртывания.

Прямой переход от мысли к речи невозможен, поскольку во внутренней речи личностный смысл всегда преобладает над значением. Значение слова носит универсальный характер и является общим для всех, в то время как смысл всегда индивидуален. Основной задачей говорящего на этапе лексического развёртывания является преобразование смысла в значения, которые точно будут поняты слушающим. Для этого происходит тщательный отбор лексических единиц и их грамматическое оформление.

Наконец, на завершающем этапе, на основе всех проделанных операций, происходит реализация речевого высказывания, при этом также подбирается ритмико-интонационная и артикуляторная организация речи.

Однако, процесс перевода гораздо сложнее процесса порождения обычного речевого высказывания, хотя бы потому, что переводчику необходимо сформулировать не свою мысль, а чужую.

Получается, прежде всего переводчику необходимо уловить мотив автора, понять не только что сказано, но и для чего это сказано. Намерение переводчика должно совпадать с намерением автора оригинала произвести то или иное воздействие на реципиента. Как правило, процесс понимания мотива и замысла автора речевого высказывания происходит ещё в момент восприятия. Выше мы уже говорили о том, что до переводчика доходит скорее целостная картина, нежели грамматически оформленный текст. Сформированный образ является исходным материалом для дальнейшей работы. Значит, переводчику нужно не заменить слова одного языка на слова другого языка, а описать возникший в его сознании образ на языке перевода. В переводоведении об этом говорят «переводить смысл текста, а не отдельные слова» [Бархударов, 1975: 85]. В данном случае хорошее знание иностранного языка (например, если мы переводим с иностранного на родной) необходимо для наиболее полного понимания смысла исходного материала, чтобы при восприятии текста образ максимально совпал с образом, созданным оратором, и знание родного языка, чтобы иметь в памяти достаточное количество эквивалентов.

Опираясь на наши рассуждения, можно сделать следующий вывод: особенность порождения текста в переводческой деятельности заключается в том, что переводчик должен сформулировать и вербализовать не свою собственную мысль, а мысль, созданную

другим человеком. Далее всё идёт по той же схеме. Осознав мотив и замысел оратора, переводчик как бы идентифицируется с ним, а затем переходит к внутреннему программированию, в котором как раз задействованы механизмы памяти и мышления, затем идёт лексическое развёртывание, и наконец, мы получаем грамматически оформленный законченный текст на языке перевода.

Заключение

Итак, мы описали основные психологические процессы, задействованные в переводческой деятельности. Начали мы с восприятия и, опираясь на принципы гештальтпсихологии, выяснили, что до переводчика текст оригинала доходит, как один завершённый смысловой сегмент. На этом же этапе переводчик должен понять мотив и замысел оратора, понять его намерение, что особенно важно в устном переводе, который происходит в условиях ограниченного времени. Далее, благодаря исследованиям в области когнитивной психологии, мы подчеркнули важность сортировки поступающей информации при помощи внимания. Выделили также значимую роль памяти и накопленных знаний, опираясь на которые происходит переработка информации, строится схема высказывания, выбираются языковые единицы. Идеи сторонников психолингвистики помогли глубже разобраться в заключительном этапе процесса перевода — вербализации, которая представляет собой результат преобразования переводчиком смысла в значения, которые должны быть поняты слушающим.

В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость исследования перевода в контексте психологии. Ведь для того чтобы стать хорошим переводчиком, недостаточно просто владеть иностранным языком, необходимо обладать хорошим навыком восприятия информации, объёмным и устойчивым вниманием, развитой оперативной и хорошей долговременной памятью, способностью к анализу внешних факторов и подбору подходящих языковых средств и т.д. Совершенно очевидно, что взгляд на перевод со стороны психологии позволяет значительно углубить представление о его процессе, ведь невозможно понять сущность переводческой деятельности, опираясь лишь на результат перевода.

По нашему мнению, учёт протекания психологических процессов позволяет, во-первых, выявить профессионально значимые качества переводчика и усовершенствовать систему подготовки обучающихся. Во-вторых, может помочь будущим переводчикам осознанно осваивать теорию перевода и понимать протекание основных психологических процессов, реализуемых в практике.

Список литературы

Аткинсон Р.Л. Введение в психологию: Учебник для студентов университетов // Р.Л. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э.Е. Смит. М., 13 изд., 2000. 672 с.

Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь: Собр. соч. СПб.: Т. 2, 1982. 504 с.

Зимняя И.А., Ермолович В.И. Психология перевода: учебное пособие (для Высших курсов переводчиков). М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. 99 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1999. 288 с.

Мордынская И.И. Деривационная составляющая вероятностного прогнозирования в речи / Н.И. Мордынская // Деривация в речевой деятельности (Общие вопросы. Текст. Семантика): тезисы науч.-практ. конф. Пермь, 1988.

Сдобников В.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков // В.В. Сдобников, О.В. Петрова. М.: АСТ: Восток — Запад, 2006. 448 с.

Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

Ярошевский М.Г. Гештальтпсихология. М.: ПЕР СЭ, 2005. 416 с.

Meng Xia,

Doctor of Philology, Professor at the College of Foreign Languages, Shannxi Normal University, China;
e-mail: xmeng003@163.com

Svetlana I. Maslikhina,

Graduate Student at Shaaxi Normal University, China;
e-mail: svetamaslihina@mail.ru

PSYCHOLOGICAL PROCESSES IN TRANSLATION PRACTICE: A CASE STUDY OF DIFFERENT PSYCHOLOGICAL SCHOOLS

The article highlights the peculiarities of the translation process on the basis of three psychological schools: Gestalt psychology, cognitive psychology, psycholinguistics. The most important psychological processes in translation practice are perception, attention, memory and speech production. It is stressed that studying psychological processes is highly important for real understanding of translation practice and for cultivating skills for future translators and interpreters.

Key words: translation practice, translation, Gestalt psychology, cognitive psychology, psycholinguistics, perception, attention, memory, speech production.

Referense

Atkinson R.L. Vvedenie v psihologiyu [Introduction to psychology] Uchebnik dlya studentov universitetov. R.L. Atkinson, R.S. Atkinson, E.E. Smit. Moscow, 13 izd., 2000. 672 p. (In Russian).

Barhudarov L.S. Yazik i perevod: Voprosi obshtei I chastoi teorii perevoda. [Language and translation: questions of general and particular translation theory]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975. 240 p. (In Russian).

Vygotsky L.S. Myshlenie I rech [Thinking and speech]. St. Petersburg. Vol. 2, 1982. 504 p. (In Russian).

Zimmaya I.A., Ermolovich V.I. Psihologiya perevoda [Translation psychology] Uchebnoye posobiye dlya visshih kursov perevodchikov). Moscow: MEPII.YA im. M. Toreza, 1981. 99 p. (In Russian).

Leontiev A.A. Osnovy psiholingvistiki [Basics of psycholinguistics]. Moscow: Smysl, 1999. 288 p. (In Russian).

Mordynskaya I.I. Derivatsionnaya sostavlyayushchaya veroyatnostnogo prognozirovaniya v rechi [The diversion component of the probable prognosis in the speech]. I.I. Mordynskaya, Obshchie voprosi. Text. Semantica: tezisy nauchnoi konferentsii, Perm, 1988.

Sdobnikov V.V. Teoriya perevoda [The theory of translation] Uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakultetov inostrannykh yazikov. V.V. Sdobnikov, O.V. Petrova. Moscow.: AST: Vostok — Zapad, 2006. 448 p. (In Russian).

Solso R. Kognitivnaya psihologiya [Cognitive psychology]. St. Petersburg.: Piter, 2006. 589 p. (In Russian).

Yaroshevski M. Geshtalt psihologiya [Gestalt psychology]. Moscow.: PER SE, 2005. 416 p. (In Russian).

А.В. Серикова,

преподаватель Высшей школы перевода (факультета)
МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: nshuleva@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ РОЛЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА

В статье переводческая деятельность рассматривается через призму теории социальных ролей, определяется соответствующий ролевой набор, а также приводится краткое описание содержания каждой роли. Особое внимание уделяется роли переводчика-психолога, проводится параллель между работой психолога и переводческой деятельностью. Кроме того, рассматривается эволюция понятия эмоциональный интеллект и его содержания. Основой анализа роли эмоционального интеллекта в контексте работы устного переводчика выступает модель эмоционального интеллекта Дэниела Гоулмана.

Ключевые слова: социальные роли, эмоциональный интеллект, переводчик-психолог.

*Disciplinary science has died. It's gone.
Frans Johansson
Дисциплинарная наука умерла.
Её больше нет.*

Франс Йоханссон

Начало XXI века ознаменовало активное развитие междисциплинарного подхода в различных областях научной мысли. Исключением не стало и переводоведение, неслучайно и V международная юбилейная конференция «Наука о переводе сегодня» прошла под темой «Междисциплинарная интеграция как вектор развития». В конференции приняли участие представители научного сообщества и эксперты в области перевода и переводоведения из пяти стран. Одной из основных тем конференции стал междисциплинарный характер развития современной науки о переводе. Выступая с приветственным обращением, Почётный президент Постоянного международного совета университетских институтов устного и письменного перевода (CIUTI) — первой международной организации, объединяющей представителей университетских структур подготовки переводчиков по всему миру, — профессор Женевского университета (Швейцария) Х. Ли-

Янке обратила внимание на продуктивность междисциплинарной интеграции для развития современного научного знания. «Сегодня это единственный путь, ведущий к прогрессу в нашей области, — уверена профессор Ли-Янке, — только так мы сможем сделать шаг вперёд, который возможно будет способствовать и развитию других наук» [Костикова, 2016].

Безусловно, идея междисциплинарности не нова. Историю развития данного подхода подробно рассматривает в своей статье «Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний» Н.К. Гарбовский [Гарбовский, 2015]. Ещё А.Д. Швейцер писал, что «общая теория перевода является междисциплинарным направлением, лингвистическим в своей основе, тесно смыкающимся с сопоставительным языкознанием, психолингвистикой, социолингвистикой, этнолингвистикой, лингвистической географией. По сути, речь идёт о приложении лингвистической теории к конкретному виду речевой деятельности — переводу. Поэтому можно охарактеризовать общую лингвистическую теорию перевода как отрасль прикладного языкознания» [Швейцер, 1973].

В.Н. Комиссаров отмечал, что «переводоведение в целом — это, несомненно, особая научная дисциплина, имеющая многие интердисциплинарные аспекты. Лингвистика может описать и объяснить целый ряд важнейших факторов, определяющих характер и результаты перевода, но она не может раскрыть всю многогранность этого сложного вида человеческой деятельности» [Комиссаров, 1999]. В частности, для изучения личности переводчика используются методы и подходы, характерные для социологии и психологии, которые упоминал А.Д. Швейцер [Швейцер, 1973]. Одним из таких подходов можно считать и теорию социальных ролей или символического интеракционизма, возникшую в 1930-е годы в США. Данная теория рассматривает личность с точки зрения выполняемых ею социальных ролей.

Теория социальных ролей коррелирует с актантной моделью переводческой деятельности, предложенной Греймасом [Greimas, 1966] и получившей своё развитие в статье Н.К. Гарбовского и О.И. Костиковой «Перевод и общество». Данная модель включает два сирконстанта — «пространство» и «время», а также набор актантов: «субъект», «объект», «адресат», «адресант», «вспомогательные средства» и «помехи». Актант «Субъект» определён в статье как «письменный/устный переводчик (личность переводчика, его компетенции, эрудиция, психическая предрасположенность, этические и эстетические принципы, настроение и состояние здоровья

и др.)» [Гарбовский, Костикова]. В свою очередь, социальная роль «переводчик» и характерный для неё ролевой набор может служить одной из определяющих характеристик данного актанта.

В статье переводческая деятельность рассматривается сквозь призму теории социальных ролей. Предпримем попытку определить соответствующий ролевой набор и дать краткое описание содержания каждой роли, уделив особое внимание роли переводчика-психолога и проведя параллель между работой психолога и переводческой деятельностью. Кроме того, проследим эволюцию понятия «эмоциональный интеллект» и его содержания. Основой анализа роли эмоционального интеллекта в контексте работы устного переводчика выступает модель эмоционального интеллекта, предложенная Дэниелом Гоулманом.

Некоторые положения теории социальных ролей и ролевой набор устного последовательного переводчика. В соответствии с теорией социальных ролей, каждый человек занимает несколько позиций в социальной системе. Каждая из этих позиций, предполагающая определенные права и обязанности, называется статусом. Человек может иметь несколько статусов, но чаще всего только один определяет его положение в обществе, он называется главным или интегральным. Зачастую интегральный статус обусловлен должностью или профессией. Социальный статус обозначает конкретное место, которое занимает индивид в социальной системе. Совокупность требований, предъявляемых индивиду обществом, образует содержание социальной роли. Социальная роль — это совокупность действий, которые должен выполнить человек, имеющий определенный статус в социальной системе. Каждый статус обычно включает ряд ролей, а совокупность ролей, вытекающих из определенного статуса, называется ролевым набором [Мид, 2009].

Советский социолог И.С. Кон в своей работе «Личность как субъект общественных отношений» подробно рассматривает проблему личности в рамках социологии и, в частности, теории социальных ролей. Так, например, он пишет, что описание поведения и взаимоотношений индивида с другими людьми и общественными учреждениями невозможно, кроме как в терминах выполняемых им социальных ролей [Кон, 1967]. Именно социальные роли, связанные с определенными ролевыми ожиданиями, предопределяют отношения между участниками коммуникации и успешностью коммуникативного акта, что особенно важно при осуществлении переводческой, в некотором смысле посреднической, деятельности.

Развитие личности всегда происходит в определенном социальном пространстве. Личность в процессе становления может вступать в различные взаимоотношения с другими индивидами, группами, социальными общностями. В определенном смысле человек играет определенную социальную роль, которая характеризует его отношения с другими индивидами.

Рассмотрим положения теории социальных ролей в разрезе интегрального статуса «переводчик». Профессия многогранна, разные виды профессионального перевода существенно отличаются друг от друга. Так, В.Н. Комиссаров предложил психолингвистическую классификацию видов перевода, которая учитывает способ восприятия оригинала и создания текста перевода, выделив письменный и устный перевод. В письменном переводе и оригинал, и текст перевода предстают в фиксированном виде, переводчик имеет возможность обращаться к ним неоднократно, при необходимости вносить изменения. Основным каналом восприятия перевода выступает зрение. При устном переводе оригинал и перевод чаще всего имеют нефиксированную форму, доступны лишь для однократного восприятия и не предоставляют переводчику возможности внесения исправлений. Ещё одним отличием от письменного перевода является форма восприятия и перевода — аудиальная. В свою очередь, устный перевод подразделяется на синхронный и последовательный. Синхронный перевод предполагает практически одновременное с прослушиванием (с отставанием в несколько секунд) проговаривание перевода, требует применения специальных технических средств. При последовательном переводе переводчик подключается после того, как оратор завершил своё выступление или некий его фрагмент. Различия между видами перевода, такие как канал восприятия, канал перевода, фактор времени, неодинаковые отрезки оригинала, характер взаимодействия с участниками межъязыкового общения [Комиссаров, 1990], обуславливают необходимость сконцентрировать внимание на одном аспекте переводческой деятельности — работе устного последовательного переводчика на деловых переговорах.

Ролевой набор в данном случае выглядит следующим образом:

- 1) *слушатель* воспринимает речевое произведение на языке оригинала;
- 2) *оратор* воспроизводит речевое произведение на языке перевода;
- 3) *посредник межкультурной коммуникации* налаживает контакт между представителями различных культур;
- 4) *исследователь* проводит подготовительную работу;

- 5) *организатор* обеспечивает комфортные условия работы, минимизирует вероятность возникновения непредвиденных ситуаций;
- 6) *психолог* способствует нормализации отношений между участниками переговоров и отношения к самому переводчику;
- 7) *участник переговоров* находится за столом переговоров, заинтересован в успешном завершении переговорного процесса.

Роль переводчик-психолог и транзакционный анализ. Психолог — это специалист, который занимается изучением поведения человека в различных ситуациях, коррекцией поведения индивида в жизни, на работе, помогает преодолеть внутриличностные конфликты и проблемы межличностных отношений. Также психолог помогает человеку преодолеть различные комплексы, побороть страхи и вести гармоничный образ жизни. Одним из широко распространённых в психотерапии методов является метод транзакционного анализа, впервые предложенный психотерапевтом Э. Берном [Berne, 1961]. Данный метод, хоть и был основан на психоанализе, однако имел более общий и масштабный характер, а также был изложен простым языком, что обеспечило его быстрое и широкое распространение. Подробнее данный метод будет рассмотрен в соответствующем разделе статьи.

Роль переводчика-психолога предполагает менее обширное и глубокое, однако схожее воздействие на участников переговорного процесса. Точный перевод требует внимания не только к вербальным, но и к невербальным средствам выражения ораторов. Таким образом, можно сказать, что переводчик-психолог изучает поведение индивидов. Более того, при обострении ситуации, росте напряжённости, переводчик может выступить своеобразным «громоотводом», способствуя нормализации обстановки. Так Виктор Михайлович Суходрев, которого по праву можно назвать легендой, личный переводчик политических лидеров нашей страны: Хрущева, Брежнева, Громыко, Микояна, Косыгина, Горбачева, в своих мемуарах описывал весьма непростую командировку в Индию, когда он сопровождал «большую троицу», во главе с Председателем Президиума Верховного Совета Климентом Ефремовичем Ворошиловым, «глубоком старцем, немощным умом и телом». В ходе визита происходит целый ряд сложных и неоднозначных ситуаций. Когда премьер-министр Индии Джавахарлал Неру упомянул в разговоре поставку определенных средств, Ворошилов отреагировал весьма бурно, «затараторил»: «Ни о каких средствах мы тут говорить не можем! Это только с Никитой Сергеевичем! А мы не можем! Нам

нельзя!». Суходрев понял, что остальные члены делегации были весьма встревожены подобным поведением, и «еле заметно кивнул им, мол, не беспокойтесь». При переводе постарался «обойти острые углы и интерпретировал тираду Ворошилова в более нейтральном варианте». Такое переводческое решение позволило сохранить лицо делегации. Та же командировка принесла ещё более неожиданную ситуацию, когда Суходрев был вынужден выйти из роли переводчика и напрямую обратиться к Ворошилову, который наотрез отказывался понимать специфику обычаев страны, в частности, предпринял попытку насильно расчесать представителя секты, члены которой с детства не стригут и не расчёсывают волосы:

«— Климент Ефремович! Нельзя ему!

И только это остановило Ворошилова. Он повернулся ко мне и переспросил:

— Нельзя?

Я повторил.

— Ну, ладно, — сказал Ворошилов, убрал расчёску в карман и пошёл дальше» [Суходрев, 2008].

Данные примеры позволяют провести параллель с работой психолога, который применил метод транзакционного анализа и принял единственно верное решение, способствовавшее нормализации обстановки.

Транзакционный анализ, изначально основанный на психоанализе, представляет собой своего рода психологическую модель. Согласно транзакционному анализу, каждому человеку присущи три эго-состояния, каждое из которых определяет его функционирование в отдельно взятой ситуации [Berne, 1961].

Эго-состояние *Родителя* содержит установки и поведение, перенятые извне, в первую очередь — от родителей. Внешне они часто выражаются в желании критиковать других и заботиться о них. Эго-состояние *Ребёнка*, в отличие от *Родителя*, отражает внутренние реакции на внешние события, иными словами, хранит в себе пережитые эмоции и чувства. Оно отвечает за импульсивные поведение, а также за творческие проявления личности. Эго-состояние *Взрослого* позволяет обрабатывать информацию, используя предыдущий опыт. Данное состояние ориентировано на восприятие текущей реальности и на получение объективной информации. Оно является организованным и действует, изучая реальность, оценивая свои возможности и спокойно их рассчитывая [Berne, 1964].

В приведённых выше примерах можно проследить яркие проявления всех трёх эго-состояний. Ворошилов, явно пребывая в состоянии *Ребёнка*, руководствуется лишь собственными

желаниями и импульсами, не учитывая влияние окружающих обстоятельств. Суходрев, пребывая в роли переводчика-психолога, находится в состоянии **Взрослого**: анализирует поступающую информацию и внешнюю обстановку и действует сообразно им. Более того, понимая угрозу возникновения конфликтной ситуации, он даже осознанно принимает решение перейти на некоторое время в состояние **Родителя** и «пресечь» дурное поведение своего «подопечного».

К данной триаде фундаментальных ролей-состояний обращался и советский и российский лингвист Ю.Н. Караулов в своих исследованиях в области психолингвистики, рассматривая её сквозь призму языковой личности. Учёный отмечает, что все мы выступаем в роли «ребёнка» в разговоре «со старшим, уважаемым, признаваемым авторитетным по положению или возрасту собеседником». При этом совершенно иначе строим своё поведение «в разговорах с детьми или зависимыми от нас собеседниками, естественно присваивая себе роль «родителя» [Караулов, 1987].

Караулов также говорит о важности соответствия роли ситуации, приводит пример из кинофильма «Сатурн». Актёр, исполняющий роль Крамера, впервые встречается с офицерами Абвера. Данные обстоятельства требуют от него включения элементов, характеризующих позицию «ребёнка» по отношению к «родителю», собеседники старше по званию и хозяева положения, а он всего лишь перебежчик. Но актёр желает подчеркнуть внутреннее достоинство и глубокое превосходство советского разведчика над фашистами, что заставляет его исключить из своего поведения даже малейшие признаки «ребёнка». Поскольку речь идёт о художественном фильме, в результате эти сцены выглядят «ходульными, неправдоподобными» [Караулов, 1987]. Когда же речь идёт об общении в реальной жизни, тем более о взаимодействии в рамках профессиональной деятельности, последствия могут быть гораздо более плачевными.

Эмоциональный интеллект. В последние десятилетия учёные всё чаще обращаются к исследованию процесса осуществления перевода не как к творческой деятельности отдельного переводчика, а как к интеллектуальной деятельности, которая в первую очередь обусловлена вполне объективными факторами, например, социально-культурной средой.

Эта идея берёт начало в теории переводческих норм, которые доминируют в определённую эпоху и формируют принципы переводческой деятельности. В настоящее время переводческая деятельность рассматривается прежде всего как явление социаль-

ное, обеспечивающее возможность коммуникации между представителями различных социокультурных образований. В связи с этим переводчик должен быть способен понимать и учитывать все особенности представителей различных социокультурных образований и специфику взаимодействия с ними, а перевод должен быть эмоционально интеллектуален.

В психологии всё чаще и чаще используется термин эмоциональный интеллект, обозначающий способность осознавать эмоции, достигать и генерировать их так, чтобы содействовать мышлению, пониманию эмоций и того, что они означают, и, соответственно, управлять ими таким образом, чтобы способствовать эмоциональному и интеллектуальному росту [Coleman, 2008].

Рассмотрим подробнее понятие «эмоциональный интеллект». В наши дни существуют различные трактовки, описывающие его структуру и разъясняющие его суть.

Идея единства эмоций и интеллекта восходит к древнейшим философским и религиозным учениям. В Библии, в Книге Притчей Соломоновых можно найти изречения о роли интеллекта в процессе эмоциональной саморегуляции: «Придёт гордость, придёт и посрамление; но со смиренными мудрость» (Притча 11:2), «Иной пустослов уязвляет как мечом, а язык мудрых — врачует» (Притча 12:18). В православной традиции воспитание чувств имеет первостепенное значение для умственного развития, а в русской религиозной философии высоко ценилась ориентация на других людей, готовность к сопереживанию. Подобные идеи можно встретить в работах А.А. Ухтомского, Н.А. Бердяева, А. Сурожского, С.П. Франка [Андреева, 2012].

Связь познавательных и эмоциональных процессов нашла отражение и в трудах античных философов. Аристотель в «Риторике» определяет эмоции «как нечто, столь сильно преобразующее человеческое состояние, что это отражается на его способности к рассуждениям» [Лафренье, 2004].

Само словосочетание изначально появилось в конце XX века на страницах научной литературы по психологии, однако сегодня мы уже свободно оперируем этим понятием, ставшим «неотъемлемой составляющей жизни современного человека» [Хьелл, 2013].

В первой половине XX века Дэвид Векслер (1943) предложил классическое представление об интеллекте как о глобальной способности индивида целенаправленно действовать, рационально мыслить, и взаимодействовать с окружением эффективным образом. Д. Векслер выделял «интеллектуальные» (рациональные способности) и «неинтеллектуальные» элементы интеллекта (социальные,

коммуникативные навыки). И несмотря на то, что Векслер предположил, что «неинтеллектуальные» способности имеют приоритетное значение для определения способности личности в достижении успеха, данная группа факторов осталась практически без внимания, в отличие от когнитивной составляющей. Это привело к тому, что интеллект долгое время представляли как некий конструктор для решения логических и математических задач [Wechsler, 1943]. Однако эти идеи долгое время не получали развития. И только в 1983 году Ховард Гарднер, автор одной из современных концепций интеллекта, заявил о «множественном интеллекте», выделив семь форм:

- Логико-математический (number smart).
- Вербальный (лингвистический) (word smart).
- Визуально-пространственный (picture smart).
- Телесно-кинестический (body smart).
- Музыкальный (music smart).
- Межличностный (эмоциональный) (people smart).
- Духовный (экзистенциальный) (problem solving smart).

Х. Гарднер считал, что межличностный (эмоциональный) интеллект и духовный (экзистенциальный) интеллект так же важны, как и традиционно измеряемый IQ (вербальный и логико-математический) [Gardner, 1993].

Проблемой эмоционального интеллекта занимались Э. Торндайк, Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо, К. Изард, Р. Бар-Он и многие другие. Они предлагали теории, в которых предпринималась попытка наиболее точно определить понятие «эмоциональный интеллект», его сущность, структуру. Некоторые из них (например, Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Карузо) стали авторами моделей эмоционального интеллекта. Учёные продолжают предлагать новые теории, способы диагностики уровня эмоционального интеллекта, практические психологи разрабатывают различные тренинги, направленные на повышение уровня эмоционального интеллекта для людей разных возрастов и профессий.

Значительный вклад в развитие данной области внёс Дэниел Гоулман. Он оценил идеи об эмоциональном интеллекте, расширил их и в 1995 году написал книгу об эмоциональном интеллекте, ставшую бестселлером в США. В своей книге Д. Гоулман уделил особое внимание практическому применению теории эмоционального интеллекта в жизни и на работе. Он предложил внедрять программы обучения эмоциональному интеллекту в школах и на предприятиях, заявляя, что эмоциональный интеллект более значим, чем академический [Goleman, 2009].

Модель эмоционального интеллекта по Гоулману принято относить к смешанным моделям эмоционального интеллекта. Она соединяет когнитивные способности и личностные характеристики и выделяет пять основных составляющих эмоционального интеллекта:

Самосознание — способность называть эмоциональные состояния, способность понимать взаимосвязи между эмоциями, мышлением и действием, способность адекватно оценивать свои сильные и слабые стороны;

Саморегуляция — способность контролировать эмоции, умение изменять нежелательное эмоциональное состояние, способность в кратчайшие сроки восстанавливаться после стресса.

Мотивация — способность получать удовольствие от решения проблем, стремление к достижениям, ответственность, инициативность, оптимизм, личные предпочтения при выборе целей.

Эмпатия — способность принимать иную точку зрения, открытость и честность, уход от стереотипов в отношении других людей, знание культуры.

Социальные навыки — навыки влияния, например, умение убеждать; умение общаться, в том числе с коллегами; умение слушать, сотрудничать, улаживать конфликты; способность вдохновлять и вести за собой; умение инициировать и управлять изменениями; способность понять чувства других людей [Goleman, 2009].

Данная модель представляется комплексной и всеобъемлющей, используем её для рассмотрения роли переводчика-психолога, для которой эмоциональный интеллект имеет первостепенное значение.

Самосознание. Переводчик должен адекватно оценивать своё эмоциональное состояние, проследить взаимосвязи между эмоциями, мышлением и действием. Чёткое осознание сильных и слабых сторон позволяет добиться максимально хорошего результата в работе. Так, например, начинающий переводчик может компенсировать недостаток опыта более тщательной подготовкой и проработкой темы предстоящих переговоров, что позволит ему чувствовать себя более уверенно и повысит качество перевода.

Саморегуляция. Одна из важнейших составляющих работы устного переводчика. Участие в переговорах — изначально стрессовая ситуация ввиду таких факторов, как высокая степень ответственности, непредсказуемость обсуждения, необходимость быстрого реагирования. Она может быть дополнительно осложнена недостатком опыта, резкой сменой условий работы, недостатком знаний о деталях переговорного процесса, его участниках и про-

чими факторами. При этом, и в образовательном процессе, и на выпускных экзаменах переводческих отделений, один из параметров оценки — «подача» — поведение переводчика, громкость и чёткость речи, выдержка, отсутствие хезитационных пауз и иных внешних проявлений нервозности. Более того, для потребителя перевода «подача» имеет весьма большое значение. Априори, уверенный в себе, спокойный внешне человек вызывает гораздо больше доверия, нежели мнущийся, суетливый, сомневающийся.

Мотивация. Устному переводчику приходится сталкиваться со множеством непредсказуемых ситуаций, которые требуют незамедлительного решения. Решение организационных вопросов — своевременное получение информационных материалов, проверка оборудования, внимание к деталям. В условиях сегодняшней действительности многие переводчики предпочитают не полную занятость, а краткосрочные контракты. Поэтому на первый план зачастую выходит инициативность — качество работника, особенно актуальное из-за ограниченного времени, в течение которого переводчик может произвести благоприятное впечатление на работодателя.

Эмпатия — ещё одно важнейшее качество переводчика. Х. Ли-Янке не раз обращалась к теме эмпатии в переводческой деятельности, в том числе, в рамках курса «Дидактика перевода», прошедшем в Высшей школе перевода. Тема подробно раскрыта в небольшой брошюре “Other words, other meanings: a guide to health care interpreting in international settings”, посвящённой работе переводчика в медицинской отрасли [Bischoff, Loutan, 2008]. Данные обстоятельства, вероятно, требуют максимального уровня эмпатии. Однако и переводчик на деловых переговорах воспринимает различные точки зрения, не имеет права руководствоваться стереотипами (или даже иметь их). Его манера открытая, вызывает доверие собеседников. И, безусловно, переводчик, как посредник межкультурной коммуникации, осведомлён о культурных особенностях, связанных с представителями различных национальностей.

Социальные навыки. В данном случае, роль переводчика налагает определенные ограничения. Например, он влияет и убеждает участников переговоров, но лишь в той мере воздействия, которую заложил оратор. Кроме того, он не может брать на себя роль лидера. Однако некоторые другие качества проявляются в полной мере: умение слушать, способность понимать чувства других людей и, конечно же, умение общаться — ключевое для данной профессии, ведь основная функция переводчика — обеспечить коммуникацию.

Вывод. Представленный ролевой набор устного последовательного переводчика позволяет лучше осмыслить различные направления данной деятельности. В дальнейшем внимание будет уделено другим ролям, в том числе, роли оратора, организатора, исследователя. Роль переводчика-психолога была выбрана для анализа неслучайно. В эпоху стремительного развития технологий (в том числе, и образовательных), именно «человеческий фактор» приобретает максимальную ценность, а способности эффективно выстраивать взаимоотношения с другими участниками коммуникации представляется одним из ключевых навыков переводчика. Эмоциональный интеллект, подробно рассмотренный в статье, и представляется воплощение того самого «человеческого фактора».

В статье изучены два ключевых инструмента социальной роли переводчика-психолога: метод трансакционного анализа и эмоциональный интеллект. Трансакционный анализ позволяет рационально интерпретировать собственное поведение и поведение окружающих, принимать самостоятельные и взвешенные решения, переключаться между различными эго-состояниями. Кроме того, метод отличает понятность и простота, которые позволяют применять его в любой ситуации социальной интеракции.

Мы видим, что наличие эмоционального интеллекта является важнейшим условием для эффективного выполнения роли переводчика. Он позволяет успешно справляться с социальными ролями, присущими статусу «переводчик», понимая ожидания других участников социального взаимодействия и отвечая им. Кроме того, он позволяет своевременно адаптироваться к меняющимся обстоятельствам, справляться со стрессовыми ситуациями и минимизирует негативные последствия для всех участников переговорного процесса. В рамках упомянутой выше актантной модели переводческой деятельности эмоциональный интеллект также играет важную роль. С одной стороны, он, наряду с социальной ролью, является определяющей характеристикой актанта «субъект». С другой стороны, его можно отнести и к актанте «вспомогательные средства», поскольку он полезен переводчику в его работе.

Закончить хотелось бы нетрадиционно, приведя цитату известного учёного, психолога Татьяны Черниговской. В программе «Повелитель интеллекта» она разъясняет роль эмоционального интеллекта. «Один из видов интеллекта — это эмоциональный интеллект. Это не только умение считать. Это ещё и умение, скажем, сопереживать. Это, в частности, нас выводит к проблеме зеркальных

нейронов. Это системы в мозгу, которые включаются тогда, когда не вы что-то делаете, а вы за этим наблюдаете. Если я иду на какой-то серьёзный важный разговор, то, если я соображаю и хочу в этом разговоре не провалиться в первую же минуту, я должна построить себе схему разговора, учитывая конкретного человека, с которым я буду говорить. Значит, я должна как бы выйти из своего организма, если хотите — из мозга, и встать на его сторону, и его глазами смотреть на себя. Это есть основа успешного социального взаимодействия». Данное описание чётко коррелирует с подготовкой переводчика к участию в важном мероприятии.

Список литературы

- Гарбовский Н.К.* Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2015. № 1. С. 3–21.
- Гарбовский Н.К., Костикова О.И.* Перевод и общество // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2018. № 1. С. 17–40.
- Йоханссон Ф.* Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур. М.: Вильямс, 2008. 192 с.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
- Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
- Комиссаров В.Н.* Общая теория перевода. Проблемы переводоведения в освещении зарубежных учёных. М.: ЧеРо, 1999.
- Кон И.С.* Социология личности. Издательство политической литературы Москва, 1967.
- Костикова О.И.* «Наука о переводе сегодня». V Международная конференция // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода, 2016. № 4. С. 106–129.
- Лафренье П.* Эмоциональное развитие детей и подростков. Пер. с англ.: М. Васильева и др. СПб.: Прайм-Еврознак; М.: Олма-Пресс, 2004. 250 с.
- Мид Дж.Г.* Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев. Отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2009.
- Суходрев В.М.* Язык мой — друг мой. М: Тончу, 2008.
- Хьелл Л.* Теории личности. 3-е изд. / Л. Хьелл, Д. Зиглер. СПб.: Питер, 2013.
- Швейцер А.Д.* Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973.
- Berne E.* Games People Play: The Psychology of Human Relationships. New York: Grove Press, 1964.
- Berne Eric.* Transactional Analysis in Psychotherapy. Grove Press, Inc., New York, 1961.
- Bischoff A., Loutan L.* Other words, other meanings: a guide to health care interpreting in international settings. Geneva: HUG. 2008. 56 p.

Coleman Andrew (2008). *A Dictionary of Psychology* (3 ed.). Oxford University Press.

Gardner H. *Multiple intelligences: the theory in practice* / H. Gardner. N.Y.: Basic Books, 1993.

Goleman D. *Emotional Intelligence*. A&C Black, 2009. 368 p.

Greimas A.J. *Sémantique structurale*. Paris: PUF, 1966. 262 p.

Wechsler, D. Non-intellective factors in general intellect. *D. Wechsler. Psychological Bulletin*, 1940. 37, pp. 444–445. Reprinted in *Journal of Abnormal Social Psychology*, 1943. 38, pp. 101–103.

Anastasia V. Serikova,

Lecturer at the Higher School of Translation and Interpreting,

Lomonosov Moscow State University, Russia;

e-mail: nshuleva@mail.ru

EMOTIONAL INTELLIGENCE AND THE SYSTEM OF INTERPRETERS' SOCIAL ROLES

The article utilizes the social role theory to study interpreting and determines the appropriate set of social roles, while each role is defined in a concise way. The main focus is on the interpreter-psychologist role; interpreting is compared to psychological practice. The evolution of the emotional intelligence concept and its content is another highlight of the article. The model of emotional intelligence by Daniel Goleman serves as the basis for analyzing the role of emotional intelligence in interpreting.

Key words: social roles, emotional intelligence, interpreter-psychologist.

References

Berne E. *Games People Play: The Psychology of Human Relationships*. New York: Grove Press, 1964.

Berne Eric. *Transactional Analysis in Psychotherapy*. Grove Press, Inc., New York, 1961.

Bischoff A., Loutan L. *Other words, other meanings: a guide to health care interpreting in international settings*. Geneva: HUG. 2008. 56 p.

Coleman Andrew (2008). *A Dictionary of Psychology* (3 ed.). Oxford University Press.

Garbovskiy N.K. Sistemologicheskaya model nauki o perevode. Transdisciplinarnost i sistema nauchnyh znaniy [Sistemological model of translatology: Transdisciplinarity and the system of scientific knowledge]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2015. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Garbovskiy N.K., Kostikova O.I. *Perevod i obschestvo* [Translation and society] *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2018. No. 1, pp. 17–40 (In Russian).

- Gardner H.* Multiple intelligences: the theory in practice. N.Y.: Basic Books, 1993.
- Goleman D.* Emotional Intelligence. A&C Black, 2009. 368 p.
- Greimas A.J.* Sémantique structurale. Paris: PUF, 1966. 262 p.
- Hjelle L.* Teorii lichnosti [Personality theories]. 3-e izd. L. Hielle, D. Zigler. St. Petersburg: Piter, 2013 (In Russian).
- Johansson F.* Effekt Medichi: voznikovenie innovaciy na styke idey, koncepciy i kultur. [The Medici Effect: Breakthrough Insights at the Intersection of Ideas, Concepts, and Cultures] Moscow: Williams, 2008. 192 p. (In Russian).
- Karaulov Yu.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost. [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow: Nauka, 1987. 263 p. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). [Theory of translation (linguistic aspects)]. Ucheb.dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moscow: Vyssh. shk., 1990. 253 p. (In Russian).
- Komissarov V.N.* Obschhaya teoriya perevoda. Problemy perevodovedeniya v osveshhenii zarubezhnyh uchyonyh. [General theory of translation]. Moscow: CheRo, 1999 (In Russian).
- Kon I.S.* Sociologiya lichnosti [The sociology of personality]. Izdatelstvo politicheskoy literatury Moskva, 1967 (In Russian).
- Kostikova O.I.* Nauka o perevode segodnya. V Mezhdunarodnaya konferenciya [Translation science today. 5th international conference]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, 2016. No. 4, 2016, pp. 106–129 (In Russian).
- LaFreniere P.* Emocionalnoe razvitie detey i podrostkov [English translation: M. Vasileva] [Emotional development: A biosocial perspective.]. St. Petersburg: Praim-Evroznak; Moscow: Olma-Press, 2004. 250 p. (In Russian).
- Mead G.* Izbrannoe: sb. Perevodov [Selected translations]. RAN. INION. Centr social. nauchn.-inform. issledovaniy. Otd. sociologii i social. psihologii; Sost. i perevodchik V.G. Nikolaev. Otv. red. D.V. Efremenko. Moscow, 2009 (In Russian).
- Suhodrev V.M.* Yazyk moy — drug moy. [My language — my friend]. Moscow: Tonchu, 2008 (In Russian).
- Shveytser A.D.* Perevod i lingvistika. [Translation and linguistics]. Moscow: Voenizdat, 1973 (In Russian).
- Wechsler, D.* Non-intellective factors in general intellect. D. Wechsler. *Psychological Bulletin*, 1940. 37, pp. 444–445. Reprinted in *Journal of Abnormal Social Psychology*, 1943. 38, pp. 101–103.

В.Г. Кульпина,

доктор филологических наук, доцент кафедры славянских языков и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

В.А. Татарinov,

доктор филологических наук, президент Российского терминологического общества (РоссТерм); e-mail: rossterm@mail.ru

АФОРИЗМЫ-КРЫЛАТИЗМЫ НА ВСЕ СЛУЧАИ ЖИЗНИ (О СЛОВАРЕ КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЙ ИЗ МУЛЬТФИЛЬМОВ)

Представлена рецензия «Словаря крылатых выражений из мультфильмов» «Не смешите мои подковы!» С.Г. Шулежковой и её студентов. Описывается предназначение словаря, его макроструктура, структура словарных статей. Анализируются известные крылатые выражения. Ставится проблема их перевода.

Ключевые слова: рецензия, словарь, крылатое выражение, перевод, русский язык.

Мы живём в замечательное время, когда в словарь — собрание всякой мудрости, люди научились включать самые разнообразные вещи, в том числе самые любимые, смешные и мудрые. И тогда получается собрание самых любимых смешных мудростей. Того, что нам близко, дорого и узнаваемо. С таким собранием, с такой коллекцией самого дорогого и любимого мы имеем дело в словаре с фирменным знаком *Светлана Григорьевна Шулежкова*, руководитель авторского коллектива составителей словаря, его «сердца пламенный мотор». Это словарь крылатых слов (афоризмов) из детских мультипликационных фильмов (то есть всеми любимых мультиков).

У Словаря есть Предисловие «О словаре языковых игрушек», написанное известнейшим языковедом-фразеологом Л.П. Дядечко, доктором филологических наук (Киевский университет имени Тараса Шевченко). Здесь много написано о заглавном авторе словаря — С.Г. Шулежковой, человеке заслуженном, с мировой известностью, новаторе крылатологии, авторе и теоретике этой отрасли лингвистических знаний. Так, в содружестве с глубокоуважаемым,

международной славы фразеологом В.М. Мокиенко ею создан знаменитый «Словарь крылатых слов», который впоследствии стал ещё более крылатым, перелетев границы и превратившись в первый в истории «Русско-польский словарь крылатых слов» благодаря тому, что свой творческий авторский вклад в создание словаря внёс польский лексикограф — известнейший специалист по русскому языку Войцех Хлебда. Теперь уже можно доподлинно узнать, каким будет польский перевод крылатых выражений «Я помню чудное мгновенье», «Белеет парус одинокий» и в придачу разнообразных «юморных» вещей типа «Нью-Васюки». К обширным авторским комментариям добавились ещё и обширные разъяснения на польском языке.

Но вернёмся к словарю крылатых выражений из мультфильмов. Л.П. Дядечко называет такие выражения языковыми игрушками для детей и взрослых. Что ж, «поиграем» в эти игрушки, запас которых постоянно прирастает за счёт динамичного пополнения всё новыми кинолентами фонда самих мультфильмов. Любая работа лексикографа — составителя словаря — невероятно трудозатратна и времязатрагиваема. С мультфильмами та же история. Из всех мультфильмов в словарь отобрано то, что уже «пошло в народ»; в нём схвачен синхронный срез сегодняшнего дня, то, что у нас здесь и сейчас.

У словаря есть авторское Предисловие — руководителя коллектива С.Г. Шулежковой. Из него узнаём, что среди соавторов словаря — студентки Светланы Григорьевны. Конечно, пройдя школу составления словаря крылатых слов, они уже не понаслышке, а как специалисты знают, что такое лексикография, фразеография и крылатография. Это первый такой словарь, «мультипликационный лексикон» на основе детских мультфильмов, которые хорошо знают в нашей стране. Чрезвычайно молодо и само мультипликационное искусство. Оно расцвело в нашей стране в 1960–1970-е годы. С этого времени выражения из «мультиков» стали проникать в нашу речь и отражаться в массовой информации.

Неважно, произросли афоризмы первично на отечественных или зарубежных сюжетах. В исполнении наших мультипликаторов они глубоко близки нам по духу — с трогательной дружбой, с нашими огорчениями и радостями. При этом они снижали большую популярность также за рубежом. Книгой успешно (и с удовольствием) могут пользоваться зарубежные студенты и преподаватели, потому что знание собранных в словаре афоризмов — это знак культурной компетенции иностранца в пространстве русской лингвокультуры. А может, кто-либо из них сумеет выработать алгоритмы перевода

крылатых выражений данного типа на свой родной язык — как это произошло с «Русско-польским словарём крылатых выражений» (см. выше).

Каждая фраза имеет свою ситуационную привязку, о которой информирует словарь. Так, фраза их мультфильма «Не такое это простое дело ходить в гости» служит в нашем современном мире сопровождением правил речевого этикета. Приводятся интернет-контексты ситуационного употребления этой фразы (из советского мультфильма о Винни Пухе). А такая фраза, как «Ты заходи, если что!» с многозначным «если что» расшифровывается в словаре как «приглашение в гости» [с. 136].

Словарь полностью направлен на удобство пользователя, и с этой мыслью проработана каждая его словарная статья. Он устроен так, что после самого афоризма в качестве заголовочного слова даётся его киноисточник, затем примеры современного интернет-употребления с указанием каждого из источников и датами обращения; после приводятся сведения о словарной фиксации. Возьмём пример афоризма «Ну, погоди!» из одноименного мультфильма — все мы видели практически каждую серию. В Словаре описывается сквозной сюжет, объединяющий все серии, который иллюстрируется рядом эпизодов, разъясняется смысл выражения. Даются имена создателей фильма и озвучивающих его актёров. Дётся помета и разъясняется смысл: «*Разг., ирон.* Шутливая угроза, предупреждение кому-л.» [с. 106]. Далее даются разные контексты употребления — остроумные и очень забавные, в которых обыгрывается знаменитая фраза. Эти контексты — детские стихи и разнообразнейшие ситуации, старательно собранные авторами. И в конце словарной статьи даются (в сокращённом виде) сведения — в каких словарях фраза зафиксирована. Нередко — словарно зафиксирована лишь единожды С.Г. Шулешковой. Во всех крылатых изречениях проставлено ударение. Это особенно удобно для детей и изучающих русский язык иностранцев. Жаль только, что в письменном тексте не передать интонацию. Например: «Сделайте, [пожалуйста,] умные лица!» или «Спокойствие и только спокойствие». Или: «Ох, и заварила я кашу!» или «Усы, лапы и хвост — вот мои документы!».

Каждая словарная статья «внутри себя» также изобилует афоризмами и может служить образцом тщательнейшей работы лексикографов по сбору материала. Любой афоризм дорогого стоит. Возьмём пример: «Он улетел, но обещал вернуться». Это из современного отечественного мультфильма о Карлсоне (который, как известно, живёт на крыше). «*Разг., ирон.* Шутливое выражение надежды на то,

что кто-либо, неожиданно исчезнувший, вернётся или что-либо пропавшее найдётся» [с. 111]. Это выражение очень ёмкое. В нём всего понемножку — иронии, пессимизма, лечебного абсурда...

А вот как человека можно утешить «по-нашему»: «Пустяки, дело житейское!» «Разг., шутил. Формула утешения, обращённая говорящим либо к самому себе, либо к кому-либо другому в неприятных ситуациях. Её значение — «Не волнуйся, не обращай внимания: бывают беды, проблемы посерьёзнее» [с. 121]. Это выражение, судя по приведённым контекстам, используется в самом широком и разнообразном плане — например, как реклама кухонной техники [Там же]. Утешение всегда очень востребовано, потому что поводы для расстройства всегда найдутся, а доброе слово лечебнейшим образом помогает от любого стресса.

Словарь даёт нам ориентир, когда обычно употребляется фраза «Собака бывает кусачей только от жизни собачьей»: «1. Фраза, предвещающая разговор о «братьях наших меньших», о правилах содержания и выгула собак. 2. О злости не только собак, но и людей от плохой жизни». Да, такой фразой можно пожалеть отнюдь не только собаку, но и человека, например, со вздорным агрессивным характером и сложной биографией.

«Ох, рано, встаёт охрана!» — это фраза из всем известных «Бременских музыкантов». «Разг. Шутливая формула жалобы, сетования на «несчастную» судьбу, свою или чужую» [с. 115]. Как не посотевать на трудности! Трудностей у любого человека хоть отбавляй. Кому-то трудно совладать с ранним вставанием, а кому-то трудно даётся восхождение на Эльбрус. При произнесении этой фразы в ушах оптимистично звучит её музыкальная версия.

Словарь с мягкой иронией пристыживает бездельников за ленивый образ жизни. «Поели — можно и поспать. [Поспали — можно и поесть]» [с. 117].

Что мы ощущаем, когда говорим о ком-то «Ёжик в тумане?» [с. 52]. Словарь нам подсказывает и помогает осознать свои же ощущения: «1. Разг., шутил. О человеке, который ищет своего пути в жизни, но пока не определился и одолевает сомнениями. 2. О странном, загадочном человеке» [с. 53].

В нашей экскурсии по словарю невозможно не остановиться у фразы «Ребята, давайте жить дружно!» [с. 128]. Словарь истолковывает её как «призыв к мирному сосуществованию» [Там же]. С её помощью можно разрядить накалившуюся атмосферу, побудить к сотрудничеству, кооперации усилий коллектива ради чего-то хорошего. Очень хорошая, очень удачная фраза, чтобы усовестить кого-то, кто как раз и не желает жить дружно.

Есть и фразы, поднимающие настроение: «Улыбаемся и машем парни!»; расшифровывается так: «1. Фраза, которой поднимают настроение, боевой дух (себе и своим соратникам) в сложных жизненных ситуациях или оптимистично оценивают ход событий. 2. Выражение удовлетворения по поводу какого-либо успеха».

Предметом афоризма оказывается и сам мыслительный процесс: «У меня есть мысль, и я её думаю!» [с. 150]. Её смысл эксплицируется следующим образом: «Разг., шутл. Фраза, которую произносят, стремясь философски, без суеты отнестись к решению появившейся проблемы» [с. 151].

Личную свободу и независимость провозглашают афоризмы: (1) «Хочу — котлеты ем. Хочу — кисель пью. Хочу — в окно смотрю. Хочу — на транзисторе играю» [с. 160]. (2) «Я птица вольная! Куда хочу — туда лечу!» [с. 169].

Если грустно, то грусть-печаль свою можно выразить словами «Эх, жизнь моя — жестянка!» [с. 165]. Мы так говорим. Но что при этом имеем в виду? Словарь разъясняет: «Разг., шутл. Пессимистическая оценка собственной жизни; осознание её бессмысленности, никчёмности» [с. 167]. Почему жестянка? И почему так грустно? В словарной статье в деталях раскрывается, почему оно так. Это долгая и интересная история.

«Я так не играю» [с. 171]. Мы уже не помним, из какого это мультика. Словарь даёт и подсказку, и интерпретацию: «Малыш и Карлсон». «Выражение несогласия участвовать в том, что говорящему не нравится» [Там же]. Если Карлсона что-то не устраивает, он именно так и говорит.

Конечно, у каждого мультфильма есть создатели, часто очень именитые и знаменитые. Но сейчас не будем концентрироваться на созвездиях этих говорящих имён режиссёров, художников, актёров, композиторов. Удача тут всегда не случайна. Свой трудолюбивый вклад внесло много людей. Сейчас речь о другом. Словарь хорош для детей, подростков и для взрослых. Взрослым полезно заново ощутить обаяние и смысл фразы «Давай бояться вместе!» (из мультфильма «Котёнок по имени Гав!»). В ней «делается акцент на настоящей дружбе, на важности заботы взрослых о маленьких и слабых» [с. 44]. Крылатые фразы повествуют о совсем взрослых вещах — о смысле жизни, о жизненных проблемах и трудностях, о дружбе. Что такое счастье? И на эту тему есть крылатая фраза: «Счастье — это когда у тебя все дома!» [с. 141]. Лаконично и здорово! «Разг. О полной душевной гармонии, которая возможна только у психически здорового человека рядом с близкими, родными людьми»

ми» [с. 141]. Фраза хороша своим двойным посылом — для счастья нужен полный комплект близких людей и здоровая психика.

Эти афоризмы — готовые ментально-звуковые комплексы, которые помогают нам жить на свете, в симпатичной и ёмкой форме выражать наши мысли и чувства так, чтобы быть понятыми своими соотечественниками по всему пространству нашей страны.

Вот бы побольше таких словарей — и чтоб они были подступнее! Жаль, что маленький тираж — 500 экземпляров. А с другой стороны — словарь уже издан. Теперь можно ждать повторений и дополнений. Ведь в гости к нам частенько навещают герои мультфильмов, старых и новых, оставляя в сердцах свой яркий след.

Список литературы

Шулежкова С.Г. «Не смешите мои подковы!» Словарь крылатых выражений из мультфильмов / С.Г. Шулежкова, П.Н. Вычкина, Е.Д. Зарева, Е.О. Михайлова и др.: Науч.-исслед. словарная лаборатория НИИ ист. антропологии и филологии; кафедра русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации; под ред. А.А. Осиповой. Магнитогорск: Издательство Магнитогорского гостехуниверситета им. Г.И. Носова, 2018. 180 с.

Chlebda W., Mokienko W.M., Szuleżkowska S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. 706 p.

Valentina G. Kulpina,

Dr. Sc. (Philology), Assistant Professor at the Faculty of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Russia; e-mail: vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov,

Dr. Sc. (Philology), President of the Russian Terminology Society, Russia; e-mail: rossterm@mail.ru

POPULAR EXPRESSIONS FOR EVERY CASE OF LIFE: A CASE STUDY OF A DICTIONARY OF POPULAR EXPRESSIONS FROM CARTOONS

This article is a review of the dictionary of popular expressions from cartoons “Don’t you make laugh my horseshoes” written by Svetlana G. Shulezhkova and her students. The destination of the dictionary, its macrostructure and the entries’ structure are described. The most famous film expressions are analyzed. Various problems of their translation is considered.

Key words: review, dictionary, popular expressions, translation, Russian language.

References

Chlebda W., Mokienko W.M., Szuleżkowa S.G. Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów. Łask: Oficyna Wydawnicza Leksem, 2003. 706 p.

Shulezhkova S.G. “Ne smeshite moi podkovy!” [“Don’t make my fore”]. Slovar’ krylatyh vyrazhenij iz mul’tfil’mov. S.G. SHulezhkova, P.N. Vychkina, E.D. Zareeva, E.O. Mihajlova i dr.: Nauch.-issled. slovarnaya laboratoriya NII ist. antropologii i filologii; kafedra russkogo yazyka, obshchego yazykoznanija i massovoj kommunikacii; pod red. A.A. Osipovoj Magnitogorsk: Izdatel’stvo Magnitogorskogo gostekhuniversiteta im. G.I. Nosova, 2018. 180 p. (In Russian).

РЕЦЕНЗИИ

Е.А. Красина,

доктор филологических наук, профессор: профессор-консультант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета Российского университета дружбы народов;
e-mail: elena_krassina@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Рецензия на монографию: Мишкурое Э.Н., Новикова М.Г. «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении». Москва: Флинта, 2020. 300 с.

Современное гуманитарное знание не может не опираться на системно организованную философскую методологическую базу, при том, что именно язык становится фокусом лингвистической философии и непосредственно оказывает обратное воздействие на развитие целого ряда лингвофилософских парадигм, стимулируя различные виды познавательной деятельности, поскольку «язык повсюду, и всё есть язык», по Р. Барту, а, по Л. Витгенштейну, язык — это «форма жизни», как минимум «ролевая языковая игра», как пишут авторы монографии Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новикова. Одновременно язык избирается объектом и предметом когнитивных наук (cognitive sciences), объединённых принципом антропоцентризма.

В наши дни известно множество фундаментальных исследований в области теории и методологии перевода, например, труды Н.К. Гарбовского (2015), Т.А. Волковой (2016), Г.Д. Воскобойника (2004), А.Г. Минченкова (2007), В.В. Сдобникова (2019) и др. Монография Э.Н. Мишкурова и М.Г. Новиковой «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении. (Cognitive-hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology)» занимает достойное место в этом ряду.

По мнению авторов, цель исследования — «подготовка общетеоретической и «фоновой» базы для дальнейшего анализа категориальных единиц, их значимостей и функций в герменевтическом процессе перевода» (с. 5), и эта цель успешно достигнута, благодаря тому, что был реализован качественно новый — трансдисципли-

нарный, в терминологии Н.К. Гарбовского, уровень исследования [Гарбовский, 2016].

Теоретико-методологическое обоснование когнитивно-герменевтического ракурса нового научно-исследовательского направления базируется на опыте изучения отдельных герменевтических аспектов перевода в отечественной и зарубежной литературе, интерпретируемых в рамках «герменевтического поворота» в современном переводоведении, обусловленного новейшими достижениями философской, семиотической, лингвокогнитивной, этнопсихолингвистической и лингвокультурологической мысли в речевой деятельности и ролевых языковых играх *Homo loquens* и *Homo ludens*. В исследовании рассматривается эволюция и критически оценивается значимость взглядов, максим и сентенций западноевропейских философов Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Х-Г. Гадамера, В. Беньямина, Ж. Деррида и др., касающихся теории и практики перевода, в свете знаковых переводческих трудов основоположника классической герменевтики Ф. Шлейермахера, известного испанского философа Х. Ортеги-и-Гассета (с. 4), а также ряда ведущих отечественных лингвистов-переводоведов: Г.Г. Шпета, М.Л. Гаспарова, С.Я. Маршака, Е.Г. Эткинда, Я.И. Рецкера, В.Н. Комиссарова, А.Д. Швейцера, В.Г. Гака и др.

Композиционно работа состоит из двух больших разделов: 6 глав раздела I — это философско-герменевтические пролегомены к современной науке о переводе, а следующие 5 глав раздела II представляют научной общественности герменевтико-переводческий методологический стандарт.

Каждая из десяти глав монографии сопровождается эпиграфами-цитатами из работ философов и филологов, которые изящно иллюстрируют объекты и предметы соответствующего раздела работы. Любопытен может быть возможный эксперимент: если последовательно процитировать и систематизировать все эпиграфы книги, то сложится лапидарное содержания работы.

Метаязык монографии высокопрофессионален. Безукоризненно даётся детальное разъяснение терминов; попытка показать их развитие и преемственность свидетельствуют о научной этике и высоком профессионализме авторов. Стил изложения разнообразен и многокрасочен. В работе уместны лингвопереводческие шутки, анекдоты и назидательные афоризмы, например, «Переводчик — страстотерпец чужих мыслей» (с. 268). Теоретические положения последовательно иллюстрируются достаточным количеством оригинальных примеров из произведений отечественных и зарубежных авторов, которые корректно комментируются и сопоставляются.

На наш взгляд, авторы монографии неслучайно рассматривают перевод в когнитивно-герменевтическом ракурсе и с точки зрения теории, и с точки зрения практики. Если в переводе герменевтика обеспечивает интерпретацию, разъяснение и уточнение содержания, значения и смысла языка-источника с целью их адаптации в языке перевода, то когнитивистика обосновывает аргументацию понятий-концептов, объективирует их содержание и параллельно на категориальном уровне устанавливает соответствия-несоответствия в области языкового выражения в текстах в направлении от языка оригинала к языку перевода. Таким образом, перевод представляется сложной языковой деятельностью в пространстве языковых контактов и в межкультурной коммуникации, а триада «адресант (автор-отправитель) — переводчик (посредник между автором и читателем/слушателем в пределах текстов) — адресат (читатель/слушатель-получатель)» (п. 1.3.1. главы 3 части I). Все компоненты этой триады безусловно вступают в сложное взаимодействие и образуют неслиянное единство в пределах переводческой эпистемы, в которой «автор смертен», переводчик «невидим», читатель «нерелевантен» (Там же). Очевидно, что эти интерсубъектные ролевые отношения, даже рассмотренные попарно — «автор-читатель» или «автор-переводчик», регулируются обращением к тексту как к объекту и конечному продукту перевода, фактически к текстам на двух языках, как минимум. Центральной фигурой, хотя и невидимой для адресата-реципиента, является переводчик: именно он — интерпретатор текста оригинала и создатель текста перевода.

Обсуждая точки зрения на роль переводчика (п. 1.3.2), авторы монографии в основном опираются на культурно-исторический опыт в развитии теории и практики художественного перевода с учётом смены философско-герменевтических парадигм, уделяя особое внимание XX веку и современным постмодернистским тенденциям, поскольку в этот исторический период были сформированы на практике и закреплены в теории главные переводческие стратегии и тактики, использующие такие базовые характеристики процесса перевода в отношении к текстам оригинала и перевода, как-то: полная/неполная/частичная адекватность; функциональная и/или дискурсивная эквивалентность; доместикация и/или форенизация; стилистическая функциональность и др. Тем не менее, перевод был и остаётся особым полем для «языковых/дискурсивных игр», «рисковой деятельностью» переводчика, а главное — посредником в межъязыковом диалоге (с. 99 и сл.).

В свою очередь, при сопоставлении различных моделей перевода и соответствующих им стратегий подчёркивается доминирование

понимания перевода как искусства, обозначенное уже в концепции Ф. Шлейермахера, однако очевидно, что эта идея производна от понимания языка как искусства, например, по Л.А. Новикову [Новиков, 2001, Т. II], т.е. основного инструмента переводчика в когнитивно-речемыслительном процессе перевода. Авторы детально обсуждают не только стратегии и тактики перевода, модели перевода, но и на этой основе характеризуют сложившиеся школы перевода в отечественном и зарубежном переводоведении.

Таким образом, текст и манифестирующий его язык — обязательные феномены межъязыковой переводческой коммуникации. Но что именно в тексте переводится? Лексические единицы? Модели высказываний-предложений? Значения? Смыслы? Ответ в пользу смыслов аргументируется авторами монографии в главе 4 «Смысл перевода и перевод смысла». Мы бы позволили себе уточнить: скорее, речь идёт о переводе смыслов, поскольку они разнообразны, хотя бы с точки зрения их интерпретации различными авторами в рамках герменевтики. Смыслы опосредованы множеством экстралингвистических и собственно языковых факторов. Общественная значимость [Гарбовский, 2004: 210], идеологизированность, институциональность и конвенциональность экспрессии, манипулятивность суть внешние факторы, а язык и стиль — языковая экспрессия, жанр и композиция, фигуры речи и др. — факторы внутренние. Среди всех переводов сакральные тексты занимают особое место, т.к. они представляют собой канонические произведения, поэтому их перевод должен быть канонизирован, чтобы не исказить истину (ср. переводы Библии или Корана), кроме того, для таких текстов обязательна реконструкция религиозно-исторического контекста. И это область герменевтики.

Обсуждая проблемы дихотомий «знак — значения», «значение — смысл», «смысл — контекст» и т.п., авторы монографии приходят к заключению о том, что ведущую роль во взаимодействии текстов оригинала и перевода играет герменевтика как культурно-исторический комментарий, как интерпретация культурно-символических кодов, представленных лексикой и грамматикой текста. В центре внимания оказывается идентификация сущности смысла. При рассмотрении множества подходов — логического, психологического, семантического, контекстуального и др., на наш взгляд, сущность смысла определяется принципом Г. Фреге, различавшего *Anschlag* ('знак'), *Bedeutung* ('значение') и *Sinn* ('смысл'), цитируем: «Правильная связь между знаком, его смыслом и значением должна быть такой, чтобы знаку соответствовал определенный смысл,

а смыслу, в свою очередь, определенное значение, в то время как одному значению (одному предмету) соответствует не только один знак. Один и тот же смысл выражается по-разному не только в разных языках, но и в одном и том же языке» [Фреге, ЭР]. Именно тогда смысл предстаёт как «когнитивный континуум, интегрирующий конкретные значения текстовых единиц» (с. 143), а герменевтика становится иерархически организованной в отношении интерпретации и выбора смыслов в текстах оригинала и перевода. Полагаем также, что в процессе переводческой деятельности понятия «подтекст», «затекст», и шире — «контекст» выполняют двуединую задачу: с одной стороны, они препарируют текст оригинала, а с другой, — интегрируют текст перевода.

В главе 5 «Язык, «языковые игры», перевод» раскрываются и развиваются две идеи: философская — перевод как «форма жизни» и языковая — перевод как неотъемлемая часть языка-искусства. Анализ переводов текстов различных функциональных стилей и жанров убедительно показывает, что языковая игра трансформируется в ролевую дискурсивную игру, в своеобразную «игру в бисер» (по Г. Гессе), объединяющую три начала: науку, почитание прекрасного, или искусство, наконец, медитацию, т.е. интерпретацию-рассуждение. При этом, тема и правила игры известны, а её течение и результат — неизвестны до окончания игры. Ролевая дискурсивная игра далеко не всегда и совсем не обязательно превращается в цепочку речевых актов, хотя взаимодействие коммуникантов в триаде «автор-переводчик-читатель» и предполагает иллокутивные акты (от автора и переводчика) и перлокутивный эффект (от читателя-адресата). В этом интерсубъективном процессе точка зрения, мнение, выбор переводчика-посредника, его герменевтическая интерпретация и использование языковых средств являются потенциальными, индивидуальными и субъективными, однако язык как инструмент перевода и сложившаяся модель перевода ограничивают субъективность переводчика.

Более детально герменевтическая парадигма перевода и иерархии переводческой герменевтики раскрываются в главе 6 «Герменевтическая парадигма перевода». За точку отсчёта принимается «герменевтический поворот», обусловленный «лингвокогнитивной, этнопсихолингвистической, образно-символической, метасемiotической, контентно-смысловой и ситуативно-контекстуальной интерпретацией переводческого процесса на стадиях интроспективной рефлексии предпонимания (предпереводческого анализа), понимания, истолкования и результирующего перекодирования ИТ в ПТ с целью достижения их дискурсивного тождества» (с. 169).

Следующими параметрами становятся «трансцендентальность перевода» и герменевтика дискурсивных ролевых игр, апория переводимости/непереводимости, принцип оценки традиционных и инновационных моделей перевода, объективные и субъективные переводческие предпочтения как принцип избирательности средств, стратегий и тактик перевода» (с. 170-171). Наконец, процитируем монографию (с. 172): в герменевтическом освещении перевод предстаёт как «особого рода игровое пространство естественного языка, а также бесконечных связей возможных отношений с языком, родным или чужим, любого человека. Он осуществляет свою работу в измерении, которое нельзя назвать только приватным или только социальным, — это *символическое измерение* (курсив наш. — Э.М., М.Н.), применительно к которому можно и нужно обсуждать вопрос о самоконструировании человеческого Я» [Бергман, 2000: 121–122]. В этом игровом пространстве переводчик проецирует собственно переводческий процесс как «циклическое движение по уровням понимания: языковое значение — рецептивный смысл — интенциональный смысл — языковое значение — рецептивный смысл — интенциональный смысл... и так вновь с самого начала» [Крюков, 1997: 83].

Далее последовательно и непротиворечиво обсуждаются и полноценно иллюстрируются лингвистическими примерами названные постулаты герменевтики перевода в ракурсе «традиционное — инновационное» и предлагаются герменевтические стратегии и тактики.

Раздел II. «Герменевтико-переводческий методологический стандарт» в общем и целом посвящён герменевтическим стратегиям и тактикам с учётом когнитивных механизмов применения традиционных и инновационных переводческих методов и методик.

Перевод как процесс и как результат представляет собой трансдисциплинарный исследовательский объект и в рамках лингвистической теории перевода, и вне её — в филологии, семиотике, этнокультурологии, антропологии и других «науках о человеке». Иначе говоря, перевод не является исключительно «интерпретацией вербальных знаков посредством какого-либо иного языка» [Якобсон, 1985: 362]. Очевидно, что трансдисциплинарность обеспечивается герменевтическими параметрами перевода и креативностью переводчика, и потому проблема непереводимости освещается по-новому.

Однако за пределами обсуждения остаётся частный вопрос о так называемых авторских переводах, например, о переводах собственных произведений В. Набоковым, поскольку здесь возникает

слияние языковых личностей автора и переводчика, а роль автора усиливает субъективность и индивидуализацию переведённого текста. Очевидно, автор «переписывает» своё произведение на другом языке, заметим, например, что по поводу воспоминаний «Другие берега», а в английском варианте “Close Conclusions”, В. Набоков писал, как о двух разных текстах. Полагаем, что здесь имеет место пример внутреннего, авторского «адаптивного транскодирования», по В.Н. Комиссарову (с. 202).

В главе 7 (п. 7.2) рассматривается «наддисциплинарный» характер герменевтики с точки зрения герменевтико-методологического и герменевтико-феноменологического факторов и постулируется «герменевтический методологический стандарт», упорядочивающий переводческий процесс в целом.

Авторы монографии справедливо утверждают, что «герменевтико-переводческий методологический стандарт» (ГПМС) с необходимостью включает «когниции **предпоимания, понимания, интерпретации и переводческого решения**» (с. 210), лежащие в основе инновационного трансдисциплинарного (полидисциплинарного) построения моделей перевода и теории перевода как таковой.

В главе 8 «Когниции предпоимания и понимания» рассматриваются в аспекте двух проблем: понимания-непонимания (п. 8.2; п. 8.3 и др.) и переводимости-непереводимости (п. 8.5) с учётом внешних и внутренних факторов структуры и композиции, содержания уровня смыслов и жанровой стилистики текста, а также с учётом типологических различий языков оригинала и перевода. В итоге итеративная модель перевода, разработанная М.Г. Новиковой, приводит к диалектической замене «герменевтического круга» на «герменевтическую спираль» как на уровне слова и предложения, так и на уровне целого текста — коммуникативного события, по М. Хайдеггеру.

С нашей точки зрения, чрезвычайно важным и продуктивным является предложенный Э.Н. Мишкуровым и М.Г. Новиковой алгоритм работы переводчика на основе ГПМС, проиллюстрированный примерами перевода фрагментов художественных текстов с семантической частицей *как бы* Ф.М. Достоевского на английский и испанский языки.

Разработанный авторами монографии четырёхступенчатый методологический стандарт переводческих процедур с опорой на аналитическую расчленённость этапов-стадий «предпоимания», «понимания», «интерпретации» и «переводческого решения» отражает сущность межязыкового переводческого процесса и обеспечивает продуктивность и успешность работы переводчика.

Логически завершают монографию главы 9 и 10, в которых раскрываются две важнейшие составляющие переводческой деятельности: когниция интерпретации и когниция переводческого решения. П. 9.2 представляет многоаспектное проявление интерпретации в пространстве текста оригинала и текста перевода. Однако «плюральное истолкование текстовой семантики», вопреки мнению Р. Барта, отнюдь не требует исключения личности автора. Но, как справедливо утверждают Э.Н. Мишкурин и М.Г. Новикова, суть проблемы «...заключается в попытке верифицировать данный феномен как предпоследний «черновой этап» преодоления переводчиком иноязычной заградительной когнитивно-культурной «самости» подлинника, осмыслить на ЯП его контекст, подтекст и затекст» (с. 258). По-прежнему остаётся актуальным вопрос о пределах переводческой интерпретации, её достоинствах и недостатках.

В итоге авторы монографии предлагают конструктивное понимание интерпретации, которую отличает «*трансдисциплинарный полифункциональный синергетический характер*» (с. 261) и афористичное определение: интерпретация — «эффективный способ преодоления переводческого когнитивного диссонанса с автором оригинала» (с. 266). Очевидно, что переводчик всегда интерпретирует текст оригинала, и это необходимый и обязательный этап переводческого процесса.

Переводческое решение обусловлено проективной деятельностью переводчика, которая выходит далеко за рамки выбора адекватных языковых средств. По мнению Л.К. Латышева, «...в обозримом будущем единственным «компасом», указывающим переводчику путь к сложному решению, будет комплекс приобретённых им умений, базирующихся на его интеллекте и интуиции» [Латышев, 2005: 252–253; 280]. Таким образом, подтверждается максима Ж.Р. Ладмираля: «*Au lieu d'être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion*» — «Будучи дисциплиной знания, современное переводоведение приобретает статус дисциплины рефлексии» [Ladmiral, 2012: 21].

В заключении констатируется, что критический анализ опыта герменевтико-переводческих изысканий своих предшественников позволил авторам ввести в научный оборот инновационную синергетическую «герменевтическую парадигму перевода», опирающуюся на трансдисциплинарный «герменевтико-переводческий методологический стандарт, что способствует оптимальным переводческим решениям в переводе текстов различных типов и жанров.

Библиография монографии содержит 339 наименований на русском, английском, французском, немецком, испанском, итальянском

и семитских языках. Работа завершается развёрнутым резюме на английском языке (стр. 294–298).

Полагаем, что рецензируемая монография безусловно вызовет большой интерес специалистов, в первую очередь, философов, филологов, лингвистов; она займёт достойное место в ряду трудов по теории и практике перевода и послужит ступенью для дальнейшего развития в области когнитивно-герменевтического направления в современном переводоведении.

Список литературы

Бергман А. Фр. Шлейермахер и В. Фон Гумбольдт: перевод в герменевтико-языковом пространстве // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 2. С. 118–128.

Волкова Т.А. От модели перевода к стратегии перевода: Монография. М.: Флинта: Наука, 2016. 304 с.

Воскобойник Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Г.Д. Воскобойник. Иркутск, 2004. 331 с.

Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода. 2015. № 1. С. 3–20.

Гарбовский Н.К. О переводе: Монография. М.: Форум, 2016. 752 с.

Крюков А.Н. Межъязыковая коммуникация и проблема понимания // Перевод и коммуникация: Сб. статей. М.: ИЯ РАН, 1997. С. 73–83.

Минченков А.Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб.: Антология, 2007.

Новиков Л.А. Избранные труды. Том II. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М.: РУДН, 2001. 842 с.

Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода (1930 г.). URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm> (дата обращения: 18.10.2020). 11 с.

Сдобников В.В. и др. Теория перевода. Коммуникативно-функциональный подход: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В.В. Сдобников, К.Е. Калинин, О.В. Петрова. М.: Издательский дом ВКН, 2019. 512 с.

Фреге Г. Смысл и значение. URL: <http://kant.narod.ru/frege1.htm>; дата обращения: 21.10.2020.

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Якобсон Р. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 361–368.

Ladmiral J.-R. De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie // Au cœur de la démarche traductive: débats entre concepts et sujets. CIPA, Nadia D'Amelio, 2012, pp. 15–27.

Yelena A. Krasina,

Dr. Sc. (Philology), Professor at the General and Russian Linguistics
Department of the Philological Faculty, The Peoples' Friendship
University of Russia; e-mail: elena_krassina@mail.ru

MODERN TRENDS IN DOMESTIC TRANSLATION STUDIES

**A review of the monograph by Mishkurov E.N. and Novikova M.G.
“Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology.” Moscow: Flinta, 2020. 300 p.**

Referense

Bergman A. Fr. Shlejermaher i V. Fon Gumbol'dt: perevod v germenevticheskoyazykovom prostranstve [Fr. Shlejermaher i V. von Gumbol'dt: translation in the space of hermeneutics and linguistics]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 9. Filologiya*. 2000. No. 2, pp. 118–128 (In Russian).

Frege G. Smysl i znachenije [Sense and meaning]. URL: <http://kant.narod.ru/frege1.htm>; (data obraschenija: October, 21.2020).

Garbovskij N.K. Teorija perevoda [Theory of translation]. Moscow: MGU, 2004. 544 p. (In Russian).

Garbovskij N.K. Systemologicheskaya model' nauki o perevode. Transdistsiplinarnost' i sistema nauchnykh znaniy [Systemologic model of the translation science. Transdisciplinary approach and the system of scientific knowledge]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 2015. No. 1, pp. 3–20 (In Russian).

Garbovskij N.K. O perevode: monografija [On translation: monography]. Moscow: Forum, 2016. 752 p. (In Russian).

Kryukov A.N. Mezhyazykovaya kommunikaciya i problema ponimaniya [Interlingual communication and the issue of understanding]. *Perevod i kommunikaciya: sb. statej*. Moscow: IYA RAN, 1997, pp. 73–83 (In Russian).

Minchenkov A.G. Kogniciya i evristika v processe perevodcheskoj deyatel'nosti [Cognition and heuristics in course of translation activity] SPb.: *Antologiya*, 2007 (In Russian).

Jakobson R. O lingvisticheskikh aspektakh perevoda [On linguistic aspects of translation]. *Izbrannye raboty*. Moscow: Progress, 1985, pp. 361–368. (In Russian).

Ladmiral J.-R. De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie [On the subjectivity of a translator within the conceptualization of translation theory]. *Au cœur de la démarche traductive: débats entre concepts et sujets*. CIPA, Nadia D'Amelio, 2012, pp. 15–27.

Novikov L.A. Izbrannye Trudy. Vol. II. Esteticheskie aspekty yazyka. Miscellanea [Selected Papers. V. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea]. Moscow: RUDN, 2001. 842 p. (In Russian).

Ortega-i-Gasset H. Nishcheta i blesk perevoda [Poverty and glamour of translation] (1930 g.). URL: <http://www.pseudology.org/Psychology/Gasset/NischetaBleskPerevoda.htm> (data obrashcheniya: October 18.2020). 11 p.

Volkova T.A. Ot model'i perevoda k strategii perevoda [From the model of translation towards translation strategy]: mohografija. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. 304 p. (In Russian).

Voskobojnik G.D. Lingvofilosofskie osnovaniya obshchej kognitivnoj teorii perevoda [Linguo-philosophical basis of the general cognitive theory of translation]: Doctor's thesis filol. nauk: 10.02.20. Irkutsk, 2004. 331 p. (In Russian).

Sdobnikov V.V. i dr. Teoriya perevoda. Kommunikativno-funkcional'nyj podhod [Theory of translation. Communicative and functional approach]: uchebnik dlya studentov lingvisticheskikh vuzov i fakul'tetov inostrannyh yazykov. V.V. Sdobnikov, K.E. Kalinin, O.V. Petrova. Moscow: Izdatel'skij dom VKN, 2019. 512 p. (In Russian).

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
СЕРИЯ 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА ЗА 2020 год**

	№	С.
К 75-летию ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ		
<i>Миньяр-Белоручев Р.К.</i> Война и мир в его жизни	2	3
<i>Гарбовский Н.К.</i> Война и коммуникация в военной сфере деятельности	2	42
<i>Матасов Р.А.</i> Ultima ratio interpretum: вербальное оружие на Нюрнбергском процессе	2	76
<i>Мишкuroв Э.Н.</i> Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят	2	88
<i>Торсуков Е.Г.</i> Их оружием было слово	2	106
<i>Юе Жуйин.</i> Теория и методология устного перевода в трудах Р.К. Миньяра-Белоручева.	2	118
Общая теория перевода		
<i>Гао Цзяи.</i> Влияние цифровизации общества и культуры на перевод	3	3
Методология перевода		
<i>Куницына Е.Ю.</i> Поэтический перевод как посттворчество: игра автора vs игра переводчика	1	3
Методология перевода и переводческие технологии		
<i>Лю Лифэнь.</i> О переводе китайских брендов на русский язык — на примере бренда «баоцзы гоубули»	3	36
<i>Лю Цзиниэн.</i> Прошлое, настоящее и будущее машинного перевода в Китае	3	47
Лингвистические и культурологические аспекты перевода		
<i>Ван Суян.</i> Эмотивные фразеологические единицы в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» и их перевод на китайский язык	1	52
<i>Власенко С.В.</i> Проблемы перевода юридических эпонимов.	3	60

<i>Жантурина Б.Н., Колесникова С.М.</i> Знаки когнитии и перцепции русского переводного поэтического текста Эмили Дикинсон “Tell all the truth but tell it slant”	1	63
<i>Есакова М.Н., Леоненкова Е.Д.</i> Русские диминутивы как особые единицы перевода	3	75
<i>Макарова О.С., Иванов К.С., Гончаров А.С.</i> Когниосемантика отсутствующей структуры в метакодах и лексикодах английской культуры	1	77
<i>Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е.</i> Исторические топонимы в свете перевода	3	92
<i>Шмелёв В.В.</i> Неологизация как метод борьбы с англицизмами в современном французском языке	3	108
<i>Янгутова Р.Р., Пэн Лин.</i> Философия В. фон Гумбольдта: к вопросу о непереводаемости поэзии	1	92

Лингводидактика и дидактика перевода

<i>Доброва Г.Р., Воробьёва Т.А.</i> Сопоставление русской, английской и немецкой версий макартуровского опросника: языковая картина мира и языковая рефлексия детей-билингвов	1	104
<i>Коровкина М.Е.</i> От пресуппозиций к смысловым выводам: обучение синхронному переводу	1	121

История перевода и переводческих учений

<i>Ван Синьюань.</i> Переводческая деятельность в области медицины миссионера-переводчика Ця Юэхань в Китае	1	27
<i>Лю Шижао.</i> Герменевтика св. Августина по взглядам китайских исследователей	3	26

Переводческая критика

<i>Юдина Т.В.</i> Конкурирующие переводы художественной литературы и проблема культурной идентичности переводчика	1	39
---	---	----

Вопросы терминологии

<i>Власенко С.В.</i> Перевод английской юридической терминологии: вариативность форм передачи значений грамматической категории числа	1	135
---	---	-----

К 75-летию синхронного перевода

<i>Васина Е.А.</i> Высшее образование в период эпидемий — опыт преподавания синхронного перевода в условиях дистанционного режима обучения	4	3
--	---	---

<i>Зигмантович Д.С.</i> Устный синхронный перевод как особый вид речемыслительной деятельности: экспериментальное исследование	4	21
<i>Коровкина М.Е.</i> Наследие Г.В. Чернова и его значение для российских и европейских исследований синхронного перевода	4	42
<i>Серкова С.Е.</i> Переводческая интерференция и речевые ошибки в учебном синхронном переводе на родной язык	4	55
<i>Шебаршина Д.Ю.</i> Устный синхронный перевод: оправданные и вынужденные трансформации и их влияние на качество перевода	4	63
<i>Трансдисциплинарная наука о переводе</i>		
<i>Бойко Б.Л.</i> Военная лексика фронтовых сцен в общей картине войны (на материале рассказа Генриха Бёлля «Генерал стоял на холме...»)	4	82
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> Афоризмы-крылатизмы на все случаи жизни (о словаре крылатых выражений из мультфильмов)	4	138
<i>Макарова О.С., Гончаров А.С.</i> Анализ базисных культурных концептов и ценностных аттракторов эпоса «Нарты» в поиске историко-культурного пути развития народов Северного Кавказа	4	96
<i>Мэн Ся, Маслихина С.И.</i> Психологические процессы переводческой деятельности в контексте разных направлений психологии.	4	111
<i>Серикова А.В.</i> Эмоциональный интеллект в системе социальных ролей переводчика	4	123
<i>Рецензии</i>		
<i>Красина Е.А.</i> Современные тенденции в отечественном переводоведении. Рецензия на монографию Мишкурова Э.Н., Новиковой М.Г. «Теория и методология перевода в когнитивно-герменевтическом освещении». Москва: Флинта, 2020.	4	145

**INDEX OF THE ARTICLES AND MATERIAL PUBLISHED
IN THE JOURNAL “VESTNIK MOSKOVSKOGO UNIVERSITETA.
SERIYA 22. TEORIYA PEREVODA” in 2020**

	№	C.
<i>Celebrating the 75th ANNIVERSARY OF THE VICTORY IN THE GREAT PATRIOTIC WAR</i>		
<i>Minyar-Beloruhev, R.K.</i> War and peace in his life	2	3
<i>Garbovskiy, N.K.</i> War and communication in the military sphere.	2	42
<i>Matasov, R.A.</i> Ultima ratio interpretum: the verbal weapon at the Nuremberg Trial.	2	76
<i>Mishkurov, E.N.</i> Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, translation	2	88
<i>Torsukov, Y.G.</i> Their weapon was the word.	2	106
<i>Yue Ruiying.</i> Theory and methodology of interpretation in the works by R.K. Minyar-Beloruhev.	2	118
<i>General Translation Theory</i>		
<i>Gao Jiayi.</i> The impact of digitalization of culture and society on translation	3	3
<i>Translation Methodology</i>		
<i>Kunitsyna, E. Yu.</i> Poetic translation as re-creation: author’s play vs translator’s game.	1	3
<i>Translation Methodology and Translational technology</i>		
<i>Liu Lifen.</i> On Russian translations of Chinese brands: A case study of the Russian translation of Go Believe	3	36
<i>Liu Jingpeng.</i> The past, present and future of machine translation in China	3	47
<i>Linguistic and Culturological Aspects of Translation</i>		
<i>Makarova, O.S., Ivanov, K.S., Goncharov, A.S.</i> Cogniosemantics of the absent structure in metacodes and lexicodes of English culture.	1	77
<i>Minyar-Beloucheva, A.P., Pokrovskaya, M.E.</i> Historical toponyms in terms of translation	3	92
<i>Shmelyov, V.V.</i> Neologization as a way of combating anglicisms in modern French.	3	108
<i>Yesakova, M.N., Leonenkova Ye.D.</i> Russian diminutives as special translation units	3	75

<i>Yangutova, R., Ling, P.</i> Philosophy of Wilhelm von Humboldt: revisiting the problems of poetry translation	1	92
<i>Vlasenko, S.V.</i> Problems of translating legal eponyms	3	60
<i>Wang Suyang.</i> Emotive phraseological units in the novel “Anna Karenina” by Leo N. Tolstoy and their translation into Chinese.	1	52
<i>Zhanturina, B.N., Kolesnikova, S.M.</i> Cognition and perception signs in the Russian translation of Emily Dickinson’s poem “Tell all the truth but tell it slant”	1	63
<i>History of Translation and Translation Schools</i>		
<i>Liu Shirao.</i> St. Augustine’s hermeneutics from the perspectives of Chinese reseachers	3	26
<i>Wang Xinyuan.</i> Translation activities in the field of medicine of the missionary-translator Jia Yuehan in China	1	27
<i>Foreign language didactics and Translation Didactics</i>		
<i>Dobrova, G.R., Vorobyova, T.A.</i> Comparison of Russian, English and German versions of the Macarthur-bates communicative development inventories: the language picture of the world and language reflection in bilingual children	1	104
<i>Korovkina, M.Ye.</i> From presuppositions to implicatures: teaching simultaneous interpreting	1	121
<i>Translation criticism</i>		
<i>Yudina, T.V.</i> Competing translations of fiction and translator’s cultural identity	1	39
<i>Terminology Issues</i>		
<i>Vlasenko, S.N.</i> Translating legal English terminology: variability of forms in denoting meanings of the grammatical category of number	1	135
<i>Celebrating the 75th anniversary of simultaneous interpreting</i>		
<i>Korovkina, M.Ye.</i> Gely V. Chernov’s legacy for Russian and Euro-pean research into simultaneous interpreting	4	42
<i>Serkova, S.Ye.</i> Translation interference and speech errors made y students in simultaneous interpreting in the B→A language combination	4	55
<i>Shebarshina, D.Yu.</i> Simultaneous interpreting: justified and forced transformations and their impact on the quality of interpreting.	4	63
<i>Vasina, Ye.A.</i> Higher education during epidemic: teaching simu-ltaneous interpretating online	4	3

Zigmantovich, D.S. Simultaneous interpreting as a special kind of speech and mental activity: an experimental study. 4 21

Transdisciplinary translation studies

Boiko, B.L. Military vocabulary of frontline scenes in the general picture of war (based on the story by Heinrich Böll “The general stood on the hill..”). 4 82

Kulpina, V.G., Tatarinov, V.A. Popular expressions for every case of life: a case study of a dictionary of popular expressions from cartoons 4 138

Makarova, O.S., Goncharov, A.S. Analysis of basic concepts and attractors of the Nart epic in the search for the historical and cultural path of development of the peoples of the North Caucasus . 4 96

Meng Xia, Maslikhina, S.I. Psychological processes in translation practice: a case study of different psychological schools. 4 111

Serikova, A. V. Emotional intelligence and the system of interpreters’ social roles 4 123

Reviews

Krasina, Ye.A. Modern trends in domestic translation studies: a review of the monograph by Mishkurov E.N. and Novikova M.G. “Cognitive-Hermeneutic Approach to Translation Theory and Methodology.” Moscow: Flinta, 2020. 300 p. 4 145

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Гарбовский Николай Константинович, главный редактор, член-корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Костикова Ольга Игоревна, зам. главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Мозговая Людмила Авраамовна, ответственный секретарь, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Авайс Анри, доктор филологии, профессор, факультет языков, Бейрутский университет Св. Иосифа (Ливан); **Алексеева Ирина Сергеевна**, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена (Россия); **Балью Кристиан**,

доктор филологии, профессор, факультет филологии, перевода и коммуникации Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Бельский Евгений Викторович**, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Вьецци Маурицио**, доцент, факультет исследований в области права, языков и перевода, Триестский университет (Италия);

Горшкова Вера Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор, Евразийский лингвистический институт МГЛУ ЕАЛИ (Россия); **Есакова Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Исолахти Нина Борисовна, доктор наук, профессор, Тамперский университет (Финляндия); **Керо Хервилья Энрико Ф.**, доктор филологии, профессор, отделение греческой и славянской филологии, Гранадский университет (Испания); **Кольцова Юлия Николаевна**, кандидат культурологии, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Ли-Янке Ханнелоре, доктор наук, профессор, Женевский университет (Швейцария); **Манерко Лариса Александровна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Марусенко Михаил Николаевич**,

доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); **Миронова Надежда Николаевна**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Мишкуров Эдуард Николаевич**, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия);

Матасов Роман Александрович, кандидат филологических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Пан Кёён**, доктор наук, профессор, Высшая школа перевода, Хангукский университет иностранных языков (Южная Корея); **Торсуков Евгений Георгиевич**, кандидат филологических наук, доцент, Высшая школа перевода (факультет), Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия); **Форстнер Мартин**,

доктор наук, профессор, Университет Майнца (Германия); **Харацидис Элефтериос**

Константинович, доктор исторических наук, профессор, факультет гуманитарных наук, Университет имени Демокрита (Греция); **Хольцер Питер**, доктор филологии, профессор, Институт транслатологии, Инсбрукский университет (Австрия); **Хухуни Георгий Теймуразович**, доктор филологических наук, профессор, Московский государственный областной университет (Россия); **Шмитт Питер Аксель**, доктор филологии, профессор, Институт прикладной лингвистики и транслатологии, Лейпцигский университет (Германия).

EDITORIAL BOARD

Garbovsky, Nikolai K., Editor-in-Chief, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Kostikova, Olga I., Deputy Editor-in-Chief, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Mozgovaya, Ludmila A., Executive Secretary, Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Awais, Henri, Professor, Dr. Sc., Faculty of Languages, Saint Joseph University (Lebanon);

Alexeeva, Irina S., Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg School of Conference Interpreting and Translation, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia); **Balliu, Christian**, Professor, Dr. Sc., Faculty of Philology, Translation, and Communication, Université Libre de Bruxelles (Belgium);

Belsky, Yevgeniy V., Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Viezzi Maurizio**, Associate Professor, Department of Legal, Language, Interpreting and Translation Studies, University of Trieste (Italy);

Gorshkova, Vera Ye., Professor, Dr. Sc. (Philology), Eurasian Linguistic Institute (Russia); **Yesakova, Maria N.**, Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Isolahti, Nina B., School of Language, Translation and Literary Studies, University of Tampere (Finland); **Quero Gervilla, Enrique F.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Department of Greek and Slavonic Philology, University of Granada (Spain);

Koltsova, Yulia N., Associate Professor, Cand. Sc. (Cultural Studies), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Lee-Jahnke, Hannelore**, Professor, Dr. Sc., University of Geneva (Switzerland);

Manerko, Larisa A., Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Marusenko, Mikhail N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Saint Petersburg State University (Russia);

Mironova, Nadezhda N., Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Mishkurov, Edward N.**, Professor, Dr. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia);

Matasov, Roman A., Cand. Sc. (Philology), Lomonosov Moscow State University (Russia); **Pan, Yong-Kyo**, Professor, Dr. Sc., Graduate School of Interpretation and Translation, Hankuk University of Foreign Studies (South Korea);

Torsukov, Yevgeniy G., Associate Professor, Cand. Sc. (Philology), Higher School of Translation and Interpretation, Lomonosov Moscow State University (Russia); **Forstner, Martin**, Professor, Dr. Sc., University of Mainz (Germany);

Charatsidis, Elefterios K., Professor, Dr. Sc. (History), Faculty of Liberal Arts, Democritus University of Thrace (Greece); **Holzer, Peter**, Associate Professor, Dr. Sc., Institute of Translation Studies, University of Innsbruck (Austria);

Khukhuni, Georgiy T., Professor, Dr. Sc. (Philology), Moscow Region State University (Russia); **Schmitt, Peter A.**, Professor, Dr. Sc., Institute of Applied Linguistics and Translatology, University of Leipzig (Germany).

Информация для авторов журнала

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода» выходит один раз в три месяца. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Требования к формату текста статьи:

- объём рукописи 10–15 стр.;
- поля 2,54 × 3,17 см;
- полуторный междустрочный интервал;
- шрифт Times New Roman (12 кегель);
- текст в программе Word.

Требования к статье:

– необходимо предоставить 2 рецензии: от доктора наук и кандидата наук или от двух докторов наук;

– текст отправляется по электронной почте на адрес: vestnik22@mail.ru;

– *данные об авторе* (на русском и английском языках) — фамилия, имя, отчество (полностью), учёная степень, учёное звание, должность, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, контактный телефон и адрес электронной почты автора;

– необходима *аннотация* (5–10 предложений) на русском и английском языках;

– наличие списка ключевых слов после аннотации на русском и английском языках;

– *таблицы, схемы, иной иллюстративный материал* необходимо дополнительно представить в формате PDF или JPG;

– *примечания* в виде постраничных сносок. Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указывается фамилия автора(ов), год издания и страница. Например: [Иванов, 1998: 125]. При повторном цитировании: [там же: 128] для русскоязычных источников или [ibid.: 123] для иноязычных источников;

– *список литературы* (TNR 11, слова «Список литературы» — TNR 11, полужирный курсив) сразу после статьи: без нумерации, в алфавитном порядке по фамилиям авторов (сначала российские авторы и переводные издания, затем зарубежные авторы). Библиографическое описание даётся в следующем порядке: фамилии и инициалы авторов, полное название монографии, место издания, издательство, год издания, страницы; для периодических изданий — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала, год выпуска, том, номер, страницы. Все русскоязычные публикации в списке литературы должны иметь транслитерацию (рекомендуем пользоваться ресурсом <http://www.translit.ru>) и перевод их названий на английский язык. Необходимо выполнить следующие действия: после каждой русскоязычной ссылки строкой ниже набрать фамилии и инициалы авторов на латинице, транслитерацию названия публикации, в квадратных скобках перевод названия на английский язык, транслитерацию выходных данных, в скобках (In Russian). Ссылки на иностранных языках остаются только в оригинальном варианте.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, имён собственных, географических названий и иных сведений.

Материалы присылать по адресу электронной почты:

vestnik22@mail.ru. Тел.: 8 (495) 932 80 72.

Плата с аспирантов не взимается. Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

При принятии решения о публикации редакционная коллегия руководствуется исключительно научной значимостью рассматриваемой работы и её соответствием научному направлению журнала. Рукописи, полученные для рецензирования, рассматриваются как конфиденциальный материал, не подлежащий использованию в личных целях или передаче третьим лицам.

Корректор *А. В. Игумнов*
Компьютерная верстка *О. В. Кокорев*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28752 от 4 июля 2007 г.

Адрес редакции: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, Первый гуманитарный корпус,
к. 1150. *Тел.:* 8 (495) 932-80-72

Подписано в печать 16.12.2020. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,25. Уч.-изд. л. 9,56. Тираж 130 экз. Изд. № 11566. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.
Тел.: (495) 230-20-52

ИНДЕКС 88134 (каталог «Пресса России»)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2074—6636
ВЕСТН. МОСК. УН-ТА. СЕР. 22. ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА. 2020. №4. С. 1—164